

1, М. П. Взгляды русскаго Министра первой половины XIX столѣтія

2, Григоровичъ Д. В. Пахатникъ и бархатникъ — б, четыре времени года.

3, Раскрытіе преступленія 4го Апрѣля 1866 г. и приговоры верховнаго уголовнаго суда.

2007096021

ВЗГЛЯДЫ РУССКАГО МИНИСТРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛѢТІЯ.

Графъ Канкринъ и его путевыя замѣтки, *изд.* граф. Кейзерлингомъ. (*Aus dem Reusetagebüchern des Grafen Kankrin*, russischen Finanzminister. Braunschweig. 2 Bände. 1865).

Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ, уроженецъ Кур-Гессена и *докторъ правъ* одного изъ германскихъ университетовъ (марбургскаго), безъ малаго четверть столѣтія занималъ должность министра финансовъ въ нашемъ государствѣ, и безспорно принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ государственныхъ лицъ своего времени какъ по своимъ познаніямъ, необычайной энергіи и дѣятельности, такъ и по тому вліянію, которое онъ имѣлъ на ввѣренную ему часть государственной администраціи, сохранившей до нашихъ дней немало слѣдовъ его распоряженій. Точная оцѣнка государственной дѣятельности Канкрина значительно облегчается его же сочиненіями, изъ которыхъ въ особенности одно, появившееся въ 1821 году подъ заглавіемъ «Weltreichtum, Nationalreichtum und Staatswirthschaft oder Versuch neuer Ansichten der politischen Oeconomie», можетъ служить объясненіемъ, какъ-бы коментаріемъ всѣмъ его распоряженіямъ по вѣдомству министерства финансовъ, имѣя, конечно, весьма слабое научное значеніе при современномъ развитіи политической экономіи. Другое же произведеніе его пера, только на дняхъ сдѣлавшееся знакомымъ публикѣ, раскрываетъ намъ взгляды графа Канкрина какъ человѣка, какъ государственнаго дѣятеля вообще. Мы говоримъ о тѣхъ путевыхъ замѣткахъ, которыя велъ графъ Канкринъ во время поѣздокъ своихъ за границу въ *сороковыхъ уже годахъ*; то-есть въ 1840 — 45, а зять его, графъ Александръ Кейзерлингъ, нашелъ полезнымъ издать въ 1865 году подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Aus den Reisetagebüchern des Grafen Georg Kankrin, ehemaligen Kaiserlichen russichen Finanzministers aus den Jahren 1840—45. Braunschweig, bei Eduard Leibrock. Двѣ части 1865.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, на сколько означенная книга можетъ способствовать увеличенію литературной или административной славы русскаго министра финансовъ и доктора правъ германскаго университета, мы тѣмъ не менѣе считаемъ обязанностію своею поблагодарить графа Кейзерлинга за изданіе этой книги, по тому что она раскрываетъ намъ политическія убѣжденія и взгляды Канкрина гораздо яснѣе и полнѣе, чѣмъ это могутъ сдѣлать всякаго рода административныя распоряженія, предположенія, проекты и записки, офиціально составляемыя и такъ-сказать находящіяся въ обращеніи за подписью того или другого министра. Освобожденный отъ всякихъ занятій во время своихъ поѣздокъ за границу и не зная, повидимому, какъ убить время, графъ Канкринъ, привыкшій къ канцелярской дѣятельности, записывалъ для собственнаго удовольствія свои различныя впечатлѣнія и дѣлалъ замѣтки, высказывая при этомъ много чисто-политическихъ взглядовъ, которыхъ нѣтъ причины не считать его самыми искренними и задушевными, потому что, вопервыхъ, никто и ничто въ противномъ случаѣ не обязывало его выражать ихъ въ своемъ дневникѣ, и, вовторыхъ, не намѣреваясь напечатать своихъ замѣтокъ, онъ не имѣлъ никакихъ побудительныхъ причинъ прикидываться, писать что либо другое, нежели то, что̀ онъ думалъ и въ чемъ былъ убѣжденъ. Короче, эти путевыя замѣтки можно считать во многомъ какъ-бы политическою исповѣдью графа Канкрина, столь же замѣчательною, какъ и оригинальною, какъ это увидятъ читатели изъ слѣдующаго извлеченія, которое, по нашему мнѣнію, не лишено интереса. Оно представляетъ собою нѣкоторыя данныя къ тому, чтобъ составить себѣ болѣе или менѣе вѣрное понятіе о взглядахъ той среды, въ которой вращался нашъ русскій министръ финансовъ. Имѣя предъ собою свидѣтельство или, точнѣе, собственное признаніе въ томъ, какъ смотрѣлъ на самые существенные вопросы государственной жизни одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ политическихъ дѣятелей нашего государства *первой половины девятнадцатаго столѣтія*, нетрудно составить себѣ понятіе о томъ, какъ смотрѣли на тѣ же самыя вещи его сотрудники и сослуживцы.

Графъ Канкринъ съ 22 апрѣля 1823 года по 1-е мая 1844 г. былъ русскимъ министромъ финансовъ, то-есть стоялъ во главѣ той отдѣльной отрасли государственнаго управленія, которая по назначенію своему завѣдуетъ вообще матеріальными всякаго рода средствами, необходимыми государству для удовлетворенія его потребностей, для осуществленія самой цѣли государственной жизни. Въ чемъ же, собственно говоря, состоитъ эта цѣль? Въ содѣйствіи всестороннему развитію личности, конечно, скажетъ чи-

татель, въ чемъ, повидимому, убѣжденъ и графъ Канкринъ, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ (стр. 25): «Свобода и безопасность являются цѣлью государства и его учрежденій; величіе народа составляетъ задачу его управленія, какъ скоро оно не ограничиваетъ свою дѣятельность изданіемъ законовъ и охраненіемъ общественнаго порядка, но обращаетъ вниманіе на *образованіе и облагороженіе народа*. Цѣлью управленія не счастье, а усовершенствованіе отдѣльныхъ лицъ; народное величіе, а не народное счастье» *.

Не останавливаясь на томъ, что *величіе* (понятіе совершенно условное и относительное) государства немыслимо безъ благосостоянія, а слѣдовательно и счастья его подданныхъ и что государство, въ которомъ народъ былъ бы въ высшей степени въ несчастномъ положеніи въ то время, какъ оно само въ лицѣ своего представителя, конечно, обладало бы всѣми видимыми признаками величія, представляетъ собою явленіе въ высшей степени неестественное, хотя, къ-сожалѣнію, нерѣдкое въ исторіи, мы прослѣдимъ немного, на сколько графъ Канкринъ сочувствуетъ и желаетъ дѣйствительнаго осуществленія на дѣлѣ имъ же самимъ опредѣленной цѣли государственнаго управленія—обращать вниманіе на образованіе и облагороженіе народа.

Простой человѣкъ (gemeine Mann) — говоритъ Канкринъ (стр. 46)—для собственнаго счастья и собственнаго спокойствія не долженъ быть чрезъ *мѣру образованъ* (nicht über *civilisirt*; что̀ собственно разумѣетъ графъ подъ этимъ выраженіемъ—намъ рѣшительно непонятно; онъ не объясняетъ этого); въ народныхъ школахъ должно удовольствоваться обученіемъ катехизиса, читать, писать и считать, по преимуществу должно обращать вниманіе на религіозное обученіе и на развитіе религіознаго чувства. «Школы первоначальнаго обученія (стр. 134), не оказывая вліянія на религіозность и нравственность, даютъ людямъ возможность *читать газеты* (вотъ, подумаешь, важное и опасное для общества зло!) и средство къ извращенію здраваго человѣческаго смысла. Изъятіе элементарныхъ школъ изъ духовнаго вѣдомства должно считать весьма важною ошибкой». При этомъ мы напомнимъ читателю, что Боденштедтъ въ статьѣ своей: «Графъ Канкринъ», помѣщенной въ Deutsches Staatswörterbuch, von Bluntschli, T. III,

---

* Freiheit und Sicherheit ist der Zweck der Staats und der Verfassung; Volksgrösse die Maxime der Verwaltung, wenn sie nicht blos mit Gesetzen und öffentlichen Ordnung, sondern auch mit der Bildung und Veredlung des Volkes beschaftigen will... Nicht Glück Vervollkomnung der Menschen; nicht Volksglück-Volksgrösse muss Zweck der Regierung sein.

*

336, выдаетъ за достовѣрное замѣчаніе Канкрина, что самые богатые русскіе купцы тѣ, которые не умѣютъ читать и писать, сдѣланное имъ *въ томъ смыслѣ, что будто бы подобное невѣжество является главнымъ и необходимымъ условіемъ* къ тому, чтобы сдѣлаться богатымъ купцомъ. Мы не думаемъ, чтобъ нѣмецъ Боденштедтъ сталъ клеветать такъ зло на графа Канкрина.

Но Канкринъ не довольствуется ограничить образованіе простого народа. Въ своей заботливости о счастіи и душевномъ спасеніи всѣхъ подданныхъ государства, онъ относится *самымъ враждебнымъ образомъ* ко всему, что содѣйствуетъ умственному развитію человѣчества. Докторъ правъ германскаго университета, преобразившись въ министра, забываетъ глубокіе и совершенно основательные доводы въ пользу свободы печати, высказанные еще безсмертнымъ авторомъ «Потеряннаго Рая» (Мильтономъ), и въ полномъ сознаніи правоты своихъ воззрѣній, говоритъ (стр. 235 ч. 1-й): «Вліяніе прессы, пагубными своими послѣдствіями превосходящее бѣдствія всякаго рода, обращаетъ наибольшее на себя вниманіе. Нѣтъ возможности предвидѣть, до чего наконецъ дойдетъ это образованное кулачное право нашего времени (was mit diesem civilisirten Faustreht unsrer Zeit werden soll). Оно, это *разсуждающее* кулачное право, *несравненно хуже* (пагубнѣе) средневѣковаго, разбивающаго права, потому что это послѣднее разрушало только послѣдствія порядка и благосостоянія, тогда какъ первое уничтожаетъ всякую къ тому возможность. Средневѣковое кулачное право похищало только плоды, а современное (свобода печати) истребляетъ корни. Современной Европѣ не угрожаютъ болѣе опасностью переселенія народовъ, опустошенія Аттиллы, нашествія монголовъ, турокъ и т. п. бѣдствія, которыя разрушили Европу въ средніе вѣка и потрясли ее еще разъ въ началѣ новой исторіи. Но если законодательство съ новыми истинно либеральными и справедливыми началами, или особенныя обстоятельства, или высшее проявленіе жизненной силы общества или вообще что либо не вызоветъ мѣръ *для обузданія прессы* и ослабленія ея вліянія (der Presse Zügel anlegen, oder ihre Wirkungen lahmen), то она разрушитъ Европу и сдѣлаетъ необходимымъ деспотизмъ. Выставляя на видъ слабыя стороны общества и ихъ правительствъ, всячески раздражая и возбуждая противодѣйствующіе по самой природѣ вещей элементы, во многихъ случаяхъ достойные полнаго сожалѣнія, и дозволяя себѣ при этомъ всякаго рода недостойныя объясненія, искаженія, извращенія, клеветы, вымыслы и обманы, пресса причиняетъ то, что спокойное положеніе дѣлъ становится рѣшительно немыслимымъ; кто же поручится за послѣдствія подобнаго порядка?»

Изъ уваженія къ читателямъ нашимъ мы не станемъ опровергать подобныхъ взглядовъ графа Канкрина на прессу и приводить какіе-либо аргументы въ пользу свободы печати послѣ всего высказаннаго уже въ этомъ отношеніи, начиная съ изреченія Тиверія у Светонія in civitate libera linguam mentemque liberas esse debere (въ свободномъ государствѣ слово и мысль должны быть свободны), до новѣйшихъ разсужденій Милля и Бокля. — Мы замѣтимъ только, что подобные взгляды графа Канкрина очень напоминаютъ собою взгляды доктора Лефевра («Парижъ въ Америкѣ»), а извиненіемъ имъ можетъ служить оговорка того же графа Канкрина: «но если законодальство съ новыми, истинно либеральными и справедливыми началами» не предупредитъ зла... и проч.

Находя необходимымъ ограничить *одно* изъ самыхъ могущественныхъ средствъ къ распространенію образованія въ народѣ, графъ Канкринъ не могъ сочувствовать и другому учрежденію, свойственному всѣмъ образованнымъ народамъ и еще въ большей мѣрѣ нежели пресса охраняющему личность и свободу гражданъ. Мы говоримъ о судѣ присяжныхъ, введеніе котораго у насъ принадлежитъ, безспорно, къ числу самыхъ важныхъ и благотворныхъ современныхъ преобразованій. Но эта мѣра, встрѣченная всеобщимъ сочувствіемъ, должна была бы повергнуть въ печаль и уныніе графа Канкрина. Могъ ли онъ радоваться введенію присяжныхъ, этому, какъ онъ, выражается, *повидимому* дивному, вновь пріобрѣтенному учрежденію свободы, которое, однако, по его мнѣнію (стр. 125 ч. 1), является не чѣмъ другимъ, какъ вновь оживленнымъ, грубымъ самоуправствомъ прежнихъ варварскихъ временъ, своевременно оставленнымъ и замѣненнымъ разумными судами вездѣ, гдѣ дозволили это обстоятельства времени и правильный взглядъ на вещи!

«Англія одна удержала судъ присяжныхъ, и это потому, что тамъ вообще не предпринимали, какъ это всѣмъ извѣстно, никакихъ мѣръ для улучшенія судебной части за исключеніемъ незначительныхъ измѣненій, совершенныхъ въ послѣднее время. Множество примѣровъ и жалкій ходъ процесовъ во Франціи доказываютъ въ настоящее время на дѣлѣ неудовлетворительность и вредъ учрежденія (суда присяжныхъ), которое такъ часто прощаетъ преступниковъ и осуждаетъ другихъ, нерѣдко невинныхъ, не по судебному, а по своему личному убѣжденію и даже по убѣдительному краснорѣчію другихъ. Нужно замѣтить, что учрежденіе это находитъ очень сильную поддержку въ томъ, что доставляетъ поводъ къ зрѣлищу, къ скандалу и благополучію послушать свое собственное краснорѣчіе. Самое дѣлопроизводство

(стр. 161 ч. II) становится до крайности *продолжительнымъ* и раздробительнымъ; безконечныя возраженія и отвѣты на нихъ затемняютъ только ясную сущность дѣла. При этомъ стараются дѣйствовать на страсти и чувства присяжныхъ, которые не имѣютъ навыка въ юридической послѣдовательности и постановляютъ поэтому часто совершенно странные приговоры, что̀ нисколько неудивительно. Самая идея (сущность) приговора, виновенъ или невиновенъ, является нелогичною, потому что между этими двумя крайностями существуетъ много другихъ среднихъ формъ (?), напримѣръ, *не вполнѣ доказано*, остается въ подозрѣніи, виновенъ въ совершеніи другаго преступленія и т. д. Часто дѣлаемое прибавленіе: «допускаются смягчающія вину обстоятельства» представляется слишкомъ неопредѣленнымъ, чтобы основать на немъ что либо раціональное. И какъ часто могутъ встрѣтиться между присяжными, особенно изъ среды торговаго и промышленнаго сословія, лица имѣющія на своей совѣсти преступленіе подобное, хотя и менѣе вопіющее чѣмъ то, по поводу котораго они произносятъ приговоръ. *Избави Богъ прочія страны отъ введенія суда присяжныхъ, этого наслѣдія тѣхъ варварскихъ временъ*, когда, при недостаткѣ въ положительномъ правѣ и свѣдущихъ юристахъ, не существовало еще строгаго различія между понятіями о правѣ и справедливости, о точномъ юридическомъ доказательствѣ и простомъ личномъ убѣжденіи. Но я охотно допускаю, что не слѣдуетъ отмѣнять суда присяжныхъ въ странахъ, гдѣ онъ существуетъ уже. Люди такъ *охотно говорятъ*, такъ охотно слушаютъ разговоры, свои собственные и чужіе; *судебныя сплетни* (gerichtlichen Commèragen) до крайности занимательны, все учрежденіе кажется нѣсколько народнымъ и какъ всякій, особенно въ настоящее время, желаетъ принимать участіе въ правленіи, то онъ охотно участвуетъ и въ отправленіи суда, слушая, по крайней-мѣрѣ, какъ судятъ. Эта система судопроизводства не представляетъ никакихъ гарантій, какъ это подтверждаетъ опытъ; но въ ней тѣмъ болѣе заинтересованы адвокаты. Правосудіе при этомъ принимаетъ форму театральнаго представленія, вліяніе онаго на нравственность народа, въ особенности же молодыхъ лицъ, очевидно. Гораздо лучше вовсе или преждевременно не знать до крайности разнообразные пути и средства, хитрости и увертки порока. При этомъ судопроизводствѣ виновные подвергаются также наказанію, но нерѣдко также снискиваютъ себѣ оправданіе, при чемъ средства, какъ достигается сіе послѣднее, преподаются на практикѣ, наглядно. Кто бы отважился на преступленіе, не имѣя увѣренности въ томъ, что онъ избѣжитъ наказанія?»

Такъ смотрѣлъ Канкринъ на судъ присяжныхъ и все гласное судопроизводство *въ 1844 году*, то-есть за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, какъ учрежденіе это сдѣлалось общимъ достояніемъ почти всей Европы въ силу событій 1848 года. Онъ не понимаетъ, что право судиться себѣ равными, то-есть своими гражданами, призванными безразлично изъ народной массы, поселяетъ въ каждомъ гражданинѣ убѣжденіе, что онъ будетъ судимъ также безпристрастно. Народъ становится посредникомъ въ вопросахъ о собственности, свободѣ и жизни гражданъ, и получаетъ полное довѣріе къ своимъ судебнымъ установленіямъ, что составляетъ весьма немаловажное условіе существованія правосудія. Кому неизвѣстно, что судъ присяжныхъ способствуетъ быстрому ходу правосудія, распространяетъ въ народѣ юридическія свѣдѣнія и чрезъ это становится школой жизни свободныхъ гражданъ, является посредникомъ между обвинителемъ и обвиняемымъ, развиваетъ въ народѣ политическій смыслъ и даетъ возможность судьѣ, какъ независимому орудію закона, справедливо относиться какъ къ противнымъ сторонамъ, такъ и ко всему дѣлу. Мы считаемъ излишнимъ говорить тутъ о пользѣ и благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ гласнаго и устнаго судопроизводства, а также о неосновательности оставлять въ подозрѣніи, когда виновность не доказана и т. д. Все это принадлежитъ къ разряду тѣхъ общеизвѣстныхъ мѣстъ, о которыхъ въ настоящее время не распространяются. Поэтому мы продолжаемъ наши выписки изъ дневника, изъ котораго узнаемъ, что графъ Канкринъ — приверженецъ тѣлеснаго наказанія. «До двѣнадцатилѣтняго возраста (почему эта цифра, а не другая — неизвѣстно) розга является наказаніемъ болѣе естественнымъ, дѣйствительнымъ и полезнымъ, нежели заключеніе (стр. 236, ч. 2). Освобожденіе дѣтей отъ тѣлесныхъ наказаній должно считать весьма страннымъ честолюбіемъ. Изъ лицъ взрослыхъ слѣдовало бы подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ тѣхъ, кто наказывалъ тѣлесно другихъ; отцеубійцъ слѣдуетъ наказывать розгами предварительно смертной казни».

Итакъ, Канкринъ стоитъ за квалифицированную смертную казнь, и является противникомъ всякаго улучшенія въ системѣ наказаній. Говоря о томъ, что во Франціи преступники, осужденные на галеры, отправляются въ мѣста заключенія не пѣшкомъ на общей цѣпи, а въ особо устроенныхъ каретахъ, онъ замѣчаетъ (стр. 239, ч. 2): «цѣпь представляла болѣе устрашенія, но она не соотвѣтствуетъ уже требованіямъ времени, которому нельзя противорѣчить. Но ошибаются, полагая, что улучшенія, производимыя временемъ, бываютъ дѣйствительно улуч-

шеніями на дѣлѣ». Тутъ невозможно даже, то-есть неумѣстно никакое критическое замѣчаніе.

Не менѣе замѣчательны воззрѣнія графа Канкрина на конституціонную форму правленія въ Англіи и Франціи и оппозицію. «Часть государственной власти—говоритъ графъ Канкринъ—предоставленная парламенту, должна только имѣть значеніе *обсуждающей предохранительной силы* (discutirende Moderation) противъ возможныхъ и, по свидѣтельству опыта, иногда случавшихся заблужденій и даже злоупотребленій монархической власти. Но не показываетъ ли примѣръ Франція, что палаты сами хотятъ господствовать? Многочисленность хочетъ управлять и единоличность должна повиноваться (die Vielheit will regieren und die Einheit soll gehorchen). Но развѣ монархія, неимѣющія палаты, лишены вовсе подобной обсуждающей предохранительной силы? Нисколько, и это потому, что независимо отъ чувства долга въ самомъ монархѣ и совѣщательныхъ мѣстныхъ представителяхъ (berathenden Provinzialständen), подобная сила кроется *во всей служебной іерархіи*, въ знаніяхъ, опытности, началахъ и традиціяхъ *служебнаго сословія*, и наконецъ въ однажды заведенномъ порядкѣ дѣлъ. Правда, эта умѣряющая сила не опредѣлена положительно, какъ право; но *нравственно* она имѣетъ большее значеніе именно потому, что не составляетъ собою права, которое само по себѣ влечетъ къ враждебному настроенію, дѣйствующему столь пагубно въ Англіи. Могутъ, конечно, встрѣтиться обстоятельства, въ которыхъ эта сила окажется недостаточною, но развѣ что либо человѣческое можетъ быть совершенно?»

Сказавъ, и совершенно справедливо, что всѣ формы государственнаго строя являются произведеніемъ исторіи и времени, графъ Канкринъ (стр. 11, ч. 1) говоритъ далѣе: «при всякой формѣ правленія, главнымъ является слѣдующее: «несовершеннолѣтняя (unmündige, вѣроятно въ смыслѣ неразвитая, неполноправная) масса народа *остается всегда таковою*, и должна находиться постоянно *подъ опекою*, иначе обществу грозитъ опасность. И безъ того уже много бѣдствій на свѣтѣ, остерегайтесь увеличивать число ихъ; въ неразвитыхъ массахъ именно и заключается великая опасность, какъ это доказываютъ революціи всѣхъ временъ... Массы нужно считать всегда не вполнѣ развитыми (unmündig) и обращаться съ ними справедливо, цѣлесообразно, съ благодушіемъ и возможно меньшимъ ограниченіемъ личной свободы, подобно тому, какъ обходятся родители съ своими дѣтьми. Но развѣ это не унизительно для человѣчества? Нисколько. Одни должны завѣдывать государствомъ управляя имъ, другіе—руководить различными занятіями общества, слѣдовательно тоже управлять;

несовершеннолѣтніе (неполноправные) и стремящіеся къ полноправію должны работать, учиться новоноваться, пока лучшимъ удастся перейти въ высшія сферы путемъ собственнаго стремленія и труда. На сколько современныя стремленія способствуютъ тому, чтобы дать просторъ вышесказанному стремленію — они похвальны; но нерѣдко либералы, льстя народу призраками народнаго самодержавія, препятствуютъ подобному стремленію и причиняютъ вредъ народу, обществу и нерѣдко самимъ себѣ.

«Оппозиція, систематическая оппозиція, виги и торіи, доктринеры, консерваторы, либералы, радикалы, пропагандисты, репилеры — что за жалкія средства. Какая глупость полагать, что при конституціонномъ правленіи необходима постоянная и даже систематическая оппозиція. Хорошее должно быть принято, худое отвергнуто, несовершенное исправлено, посредственное усовершенствовано. Но подобный оптимизмъ не является достояніемъ многочисленныхъ собраній. Поэтому хотя и пошло считать оппозицію необходимою, составною частью, уравнителемъ, дополненіемъ, благодѣтельною придачею конституціи, тѣмъ не менѣе должно, къ сожалѣнію, признаться, что она является неизбѣжнымъ ея послѣдствіемъ. Нерѣдко называютъ оппозиціею и какъ таковую восхваляютъ духъ партій, заключающій въ себѣ страсти: честолюбіе, эгоизмъ, безумную преданность къ теоріямъ и тому подобныя недостойныя составныя части».

Слова эти показываютъ въ общихъ чертахъ взглядъ автора на современное ему положеніе парламентской борьбы въ Англіи и Франціи. Тутъ интересно одно, что графъ Канкринъ не видѣлъ разницы, въ политическомъ и соціальномъ положеніи, между Англіей и Франціей, тогда какъ разницы были громадныя.

Перейдемъ теперь къ той сферѣ наукъ, которыя составляютъ необходимое условіе для успѣшнаго завѣдыванія финансами, то-есть государственнымъ хозяйствомъ страны. Лежащій передъ нами дневникъ содержитъ въ себѣ нѣкоторыя мѣста и замѣчанія, представляющія полную возможность судить о нѣкоторыхъ экономическихъ взглядахъ графа Канкрина и составить себѣ понятіе о томъ, на сколько взгляды эти согласовались съ уровнемъ тѣхъ общихъ началъ, которыя были уже выработаны политическою экономіею и наукою о финансахъ въ началѣ *сороковыхъ годовъ* нашего столѣтія. Мы полагаемъ, что читателямъ нашимъ небезъинтересно будетъ узнать покороче нѣкоторые экономическіе взгляды нашего министра финансовъ, который, по свидѣтельству вышеупомянутаго нами Боденштедта, во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ пользуясь неоднократно желѣзными дорогами, находилъ возможнымъ предсказывать самымъ

положительнымъ образомъ, что *лѣтъ черезъ двадцать желѣзныя дороги* будутъ совершенно оставлены, какъ нѣчто безполезное, что ихъ вовсе не будетъ на свѣтѣ (стр. 330). Дѣйствительность лучше всего обнаруживаетъ правильность и раціональность такого предположенія, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что даръ пророчества не составляетъ болѣе принадлежности современнаго намъ человѣчества. Вся Европа покрывается все болѣе и болѣе тѣми желѣзными дорогами, которыя, по мнѣнію графа Канкрина (ч. I стр. 23), повлекутъ за собою тяжелыя бѣдственныя послѣдствія для народовъ, потому что онѣ имѣютъ лишь исключительное достоинство, возможность чрезвычайно быстраго сообщенія (communicabilität). Это достоинство желѣзныхъ дорогъ сдѣлаетъ еще болѣе подвижнымъ и безъ того не довольно осѣдлое населеніе настоящаго времени, оно составляетъ часто болѣе предметъ роскоши и представляетъ собою въ сущности *скорѣе зло*, нежели благодѣяніе. «Впрочемъ, я не отрицаю—говоритъ графъ Канкринъ—пользу желѣзныхъ дорогъ въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ (in speciellen Fallen); которые могутъ *очень рѣдко* представиться въ такихъ странахъ, какъ Франція и Германія. Меня всегда огорчаетъ это непроизводительное истребленіе (Todtschlagen) огромныхъ капиталовъ, потраченныхъ на цѣли (желѣзныя дороги), которыя въ сущности служатъ только для роскоши, отчасти ее вызываютъ или способствуютъ ея появленію и увеличиваютъ безпокойную, непостоянную жизнь нашего поколѣнія (стр. 219 ч. I). Слѣдствіемъ желѣзныхъ дорогъ должно быть охлажденіе людей къ чужой средѣ и уменьшеніе вкуса къ красотамъ природы. Подобный способъ путешествія способствуетъ уравненію сословій, *противъ чего*, конечно, можно многое сказать въ интересахъ необходимой, общественной іерархіи» (стр. 141 ч. 2).

Говоря о малой доходности Финова канала (стр. 15 ч. 2), графъ Канкринъ замѣчаетъ, что «то же самое ожидаетъ большую часть желѣзныхъ дорогъ, но что роскошь провоза людей значительно измѣняетъ вопросъ. Мнѣ пришла на умъ выгода желѣзныхъ дорогъ, о которой я еще не упоминалъ, именно *польза истребленія капиталовъ* (der Nutzen des Kapitalzerstorüng). Да, постоянно часть капиталовъ должна быть уничтожаема и снова сберегаема, чтобы уравнять послѣдствія чрезмѣрнаго накопленія капиталовъ. *Подобное истребленіе*, непростирающееся слишкомъ далеко, можетъ имѣть свои хорошія послѣдствія въ наше время, которое много производитъ, мало потребляетъ и привыкло дѣлать сбереженія (am Thesauriren gewöhnten Zeit). Здѣсь (въ Гановерѣ) также всѣ положительные люди высказываются противъ желѣзныхъ дорогъ (стр. 26, ч. 2). Какъ много ложныхъ

и полу-ложныхъ взглядовъ или ошибочныхъ воззрѣній, считающихся правильными, встрѣчаемъ мы въ наше время! Желѣзныя дороги, восточный вопросъ, хлѣбные законы (въ Англіи), свободная торговля, судъ присяжныхъ, самодержавіе народа, асоціаціи и т. д.—на все это будутъ чрезъ нѣсколько лѣтъ смотрѣть совершенно иначе». «Во Франкфуртѣ на Майнѣ (стр. 31, ч. 2) также не ожидаютъ многаго отъ желѣзныхъ дорогъ; *я* все болѣе убѣждаюсь въ томъ, что онѣ оказываются полезными въ томъ отношеніи, что *лишая богатыхъ* части ихъ капиталовъ, распредѣляютъ часть оныхъ между неимущими пролетаріями. По замѣчанію барона Ротшильда, число проѣзжающихъ лицъ уже уменьшается, потому что вмѣстѣ съ утратою прелести новизны подобнаго рода ѣзды, выказываются также неудобства и стѣсненія желѣзныхъ дорогъ; самый проѣздъ вмѣстѣ съ прочими путевыми издержками оказывается недешевъ». «Я слышалъ (стр. 89 и 93 ч. 2) также частыя жалобы на то, что постройки желѣзныхъ дорогъ отвлекаютъ много капиталовъ отъ земледѣлія и покупки домовъ. Слѣдствіемъ этого должно быть повышеніе процента, что сперва мало поможетъ. Наступятъ еще болѣе худшія послѣдствія. Въ Бельгіи жалуются уже на упадокъ земледѣлія. При настоящемъ, быстро возрастающемъ народонаселеніи Европы, надлежало бы предварительно озаботиться о томъ, чтобы доставить народнымъ классамъ дешевый хлѣбъ и обращать болѣе вниманія на земледѣліе, нежели на постройку желѣзныхъ дорогъ, которая не соотвѣтствуетъ производительнымъ силамъ государствъ, исключая Англію, гдѣ съ давнихъ временъ потрачено до крайности много на земледѣліе, и существуютъ совершенно другія условія».

«Письма изъ Петербурга сообщаютъ мнѣ о постройкѣ московской желѣзной дороги (ч. 1, стр. 271). Всѣ *разумные* люди за границею того мнѣнія, что она не будетъ приносить никакого дохода, испортитъ *нравственность* и убьетъ непроизводительно капиталы, которые могли бы быть употреблены съ большею пользою. На вопросъ, почему же иностранныя правительства строятъ также желѣзныя дороги, отвѣчаютъ, что необходимость заставляетъ сдѣлать уступку этой современной болѣзни и подражать сосѣдямъ, чтобы они не могли присвоить себѣ преимуществъ въ промышленномъ отношеніи. Такъ смотрятъ на это въ Прусіи и Австріи».

Опровергать подобные взгляды министра финансовъ, конечно, рѣшительно безполезно въ настоящее время. Кто же теперь сомнѣвается въ пользѣ желѣзныхъ дорогъ, которыми покрыта Европа и Сѣверная Америка, и наибольшее сооруженіе которыхъ,

составляя одно изъ самыхъ искреннихъ желаній и настоятельныхъ потребностей нашего общества, не находитъ до сего времени осуществленія на дѣлѣ единственно лишь по недостатку необходимыхъ на то средствъ. Но читая эти строки, нельзя не изумляться, что графъ Канкринъ находилъ возможнымъ ихъ писать даже въ свое время, имѣя предъ глазами не только теоретическіе доводы науки въ пользу желѣзныхъ дорогъ, но и несомнѣнное убѣжденіе въ томъ же всей Европы, дѣятельно приступившей къ ихъ сооруженію. Конецъ тридцатыхъ и начало сороковыхъ годовъ, какъ извѣстно, составляютъ эпоху наибольшей постройки желѣзныхъ дорогъ. Фактъ этотъ не ускользнулъ отъ вниманія императора Николая I, по повелѣнію котораго и сооружена первая значительная желѣзная дорога въ Россіи, при чемъ, конечно, нельзя не пожалѣть, что повелѣніе, принадлежащее къ числу наиболѣе замѣчательныхъ и благотворныхъ предшествовавшаго царствованія, встрѣчало всего *менње* одобренія и сочувствія отъ того лица, которое по своему положенію, какъ министръ финансовъ страны, долженъ бы былъ наиболѣе ему сочувствовать и содѣйствовать къ возможно большему осуществленію и развитію. Бѣдственный фактъ этотъ достоинъ глубокаго сожалѣнія.

Но если по вопросу о желѣзныхъ дорогахъ графъ Канкринъ является, какъ мы видимъ, отсталымъ только отъ своего XIX вѣка, то по другому вопросу, *о торговлѣ*, онъ отсталъ еще болѣе: въ этомъ отношеніи онъ придерживается взглядовъ XVI и XVII столѣтій, утверждая, что въ торговлѣ *одинъ выигрываетъ на счетъ другого*. «Хорошо или худо (стран. 45, ч. 1), но выигрывать на счетъ другихъ принадлежитъ къ природнымъ свойствамъ человѣческаго общества. Даже *самый честный выигрышъ совершается на счетъ другихъ*. Болѣе значительное участіе въ міровомъ богатствѣ пріобрѣтается народами или *непосредственно силою* и частными преимуществами въ торговлѣ, или *посредственно* вліяніемъ богатства всемірныхъ торговцевъ на прочіе народы: какъ (стр. 26) въ обыденной (домашней) жизни, никакое имущество, достояніе не можетъ быть пріобрѣтено иначе, *какъ на счетъ другихъ лицъ*, точно такъ же и въ торговлѣ съ другими странами».

Графъ Канкринъ повидимому не признаетъ той неоспоримой истины, что въ торговлѣ, какъ и при всякой мѣнѣ произведеній, обыкновенно выигрываютъ обѣ стороны, что проистекаетъ отъ того личнаго понятія о выгодѣ, которое имѣютъ обѣ стороны, совершающія мѣновую сдѣлку. Странно было бы предполагать, что купецъ, продавая свой товаръ потребителю, не имѣлъ бы при этомъ выгоды: изъ-за чего въ противномъ случаѣ сталъ бы онъ хлопотать? Но и потребитель, получая необходимые ему предметы

чрезъ купца отъ другого производителя, этимъ самымъ ясно обнаруживаетъ, что ему болѣе выгодно пріобрѣтать ихъ покупкою, мѣною, нежели самому заняться ихъ производствомъ или доставленіемъ; въ противномъ случаѣ онъ не сталъ бы прибѣгать къ посредничеству купца или услугамъ другого производителя. Неужели министръ финансовъ не зналъ, что торговля, какъ вообще мѣна, является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ раздѣленія промысловъ и производительныхъ занятій, или, какъ выражаются, раздѣленія труда, которое появилось естественнымъ образомъ съ самыхъ первыхъ временъ существованія человѣка и постоянно все болѣе и болѣе развивалось, имѣя главною своею причиною сближеніе людей и ясное сознаніе ими собственныхъ своихъ выгодъ, заставившее ихъ соединять свои усилія и распредѣлять между собою предстоящій трудъ.

Приводя читателямъ подобные взгляды графа Канкрина, нельзя не замѣтить, что въ дневникѣ своемъ онъ какъ-бы избѣгаетъ говорить о предметахъ, которые, казалось, должны бы были всего болѣе интересовать и обращать на себя вниманіе министра финансовъ. Народное и государственное богатство, а также финансовое положеніе и управленіе посѣщаемыхъ имъ странъ, его, повидимому, нисколько не занимаютъ; онъ объ нихъ не говоритъ, предпочитая вносить въ свой дневникъ замѣчанія объ укрѣпленіяхъ города Парижа и Антверпена, объ укрѣпленныхъ башняхъ Монталамбера, о системахъ войны, о постройкѣ крѣпостей, о вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ и т. д. Упоминая о проектѣ Араго, въ случаѣ вторичной осады Парижа, защищать его водою изъ Сены, которая нетолько бы тушила пожары, но поднятая на воздухъ огромными паровыми машинами, могла бы падать въ видѣ проливного дождя на лагерь осаждающаго, и залить нетолько всѣ его работы, но даже потопить всю армію, графъ Канкринъ (ч. 2. стр. 256) замѣчаетъ, что проектъ этотъ не можетъ имѣть практическаго примѣненія; но что новѣйшія научныя открытія должны причинить значительныя измѣненія въ военномъ искуствѣ. Примѣненіе къ оружію *силы пара* и сооруженіе большихъ паровыхъ пожарныхъ трубъ (Dampfspritzen), для дѣйствія противъ непріятельскихъ апрошъ-батарей, должны обратить на себя особенное вниманіе, *какъ я давно уже объ этомъ думалъ* (стр. 256. ч. 2). Стоило думать объ этомъ министру финансовъ! Графъ Канкринъ охотно считаетъ себя великимъ стратегомъ, и увѣряетъ читателей, что какая-то небольшая брошюра, написанная имъ же въ 1809 году «Нѣчто о военномъ искуствѣ» (Fragmente über die Krigskunst), имѣла очень большое вліяніе во всѣхъ отношеніяхъ, потому что *она дала мнѣ мысль* къ кун-

бтаторскому походу (то есть къ отступленію) въ 1812 году, который причинилъ освобожденіе Европы (стр. 59 и 258. ч. 1.). Брошюра эта убѣдила меня, и безъ сомнѣнія, многихъ другихъ, въ томъ, что одержать верхъ надъ французами можно только системою войны Фабія Кунктатора. Брошюра эта попала въ руки прусскаго генерала Пфулля (Phull), перешедшаго въ русскую службу, который со мною и познакомился. Онъ имѣлъ такой же взглядъ на войну 1812 года, какъ и я, и по примѣру англичанъ въ Испаніи, при Торресъ-Ведра, хотѣлъ устроить такой же укрѣпленный лагерь при Дриссѣ и т. д. Взглядовъ его придержались съ небольшими измѣненіями; я полагаю, что самъ имѣлъ во многомъ на него вліяніе, и развилъ его взгляды на кунктаторскій походъ (240 стр. 1 ч.).

Не пускаясь въ опроверженіе подобныхъ ипотезъ, болѣе нежели смѣлыхъ, мы покажемъ лучше читателямъ въ заключеніе статьи взглядъ графа Канкрина на дѣло, гораздо ближе ему знакомое — на государственные долги.

«Долги эти не составляютъ народнаго богатства или блага. Они временно только, въ силу бо̀льшихъ расходовъ, увеличиваютъ обращеніе и производство въ различныхъ отрасляхъ промышлености; но это лихорадочное состояніе непродолжительно, потому что чрезъ это отвлекаются отъ промышлености капиталы, которые въ ней были уже, или еще только могли быть затрачены; если же такого помѣщенія капиталамъ не представлялось, то ихъ лучше потребить (непроизводительно, то-есть уничтожить), причемъ они увеличили бы собою производство страны, не обременяя страну новымъ долгомъ (стр. 48 ч. I). Долги, какъ государственные такъ и частные, бываютъ полезны и обогащаютъ страну въ томъ только случаѣ, когда совершаются для предпріятій, приносящихъ выгоды бо̀льшія, нежели сколько нужно для ежегодной уплаты процентовъ по займу и его погашенію. Долги извинительны, какъ скоро обусловливаются крайнею необходимостію, причемъ имѣется въ виду усиленнымъ производствомъ уплатить современемъ весь капиталъ, или по крайней-мѣрѣ проценты; безъ этого же — долги являются *истиннымъ бѣдствіемъ*, если обусловливаются нуждою, и *истиннымъ безуміемъ и преступленіемъ*, какъ скоро они совершаются безъ нужды.

«Долги перваго рода лучше всего заключать за границею, потому что при этомъ не отвлекаются капиталы, затраченные уже въ производствѣ въ самой странѣ. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ внѣшніе займы имѣютъ ту невыгоду, что при переводахъ, по случаю ежегодныхъ по долгамъ платежей, отражаются нѣкоторыя комерческія обстоятельства. Какъ скоро страна не имѣетъ бла-

гопріятнаго торговаго баланса, не пользуется возрастающимъ производствомъ и увеличивающимся народнымъ богатствомъ, то внѣшніе займы причиняютъ болѣе или менѣе обѣдненіе.

«Составляетъ ли заключеніе долговъ несправедливость въ отношеніи потомковъ? Долги, сдѣланные для производительной цѣли, нельзя считать несправедливостью, какъ скоро не было заблужденія насчетъ самой цѣли. Долги по нуждѣ могутъ быть названы несправедливыми, какъ скоро современное поколѣніе могло удовлетворить нуждѣ собственными средствами, податями; въ этомъ случаѣ долгъ является только несправедливымъ предвзятіемъ (антиципація) возрастающаго современемъ народнаго богатства, потому что безъ поддержки настоящаго, невозможно будущее. Должно замѣтить, что современное поколѣніе во многихъ отношеніяхъ наиболѣе страждетъ, а для непосредственно слѣдующаго— облегчается постепенно и самое дѣло, предположивъ, конечно, что средства народа возрастаютъ. При современномъ положеніи обществъ и государствъ, только въ извѣстной мѣрѣ возможно путемъ податей и налоговъ собирать суммы, необходимыя въ крайнихъ обстоятельствахъ; всякій значительный въ этомъ родѣ сборъ влечетъ за собою въ народномъ производствѣ разстройство, которое причиняетъ послѣдующимъ поколѣніямъ болѣе вреда и убытковъ, нежели платежи процентовъ по займамъ. Произвольные займы (необусловленные необходимостью) составляютъ вообще *несправедливость* въ отношеніи потомковъ, въ отношеніи государства или частнаго родового имущества, и *безнравственность* по отношенію къ промотанному благопріобрѣтенному достоянію. Различныя системы погашенія долговъ считались въ прежнія времена дивными изобрѣтеніями; теперь же смотрятъ на это иначе и считаютъ полезнымъ и основательнымъ употреблять на это излишекъ доходовъ противъ расходовъ. Неразумно производить усиленное погашеніе въ мирное время (стр. 53); этимъ возвышается цѣна ренты въ ущербъ самому погашенію, а при измѣнившихся обстоятельствахъ, фонды понизятся снова, и нельзя будетъ, въ силу погашенія, заключить заемъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ.

«Каждый человѣкъ вообще *имѣетъ право платить свои долги* (эта фраза до того странна, что можетъ легко вселить подозрѣніе въ неточности перевода, поэтому мы считаемъ нелишнимъ привести подлинныя слова оригинала: Jedermann hat wol das Recht seine Schulden zu bezahlen, стр. 54. Уплачивать долги свои, замѣтимъ мы, составляетъ не право, а прямую обязанность должника, какъ скоро она не отстранена какими либо условіями займа). Точно также и государство, какъ скоро при заключеніи долго-

выхъ обязательствъ не были опредѣлены какія либо особенныя условія (стр. 54). Впрочемъ, имѣли глупость положительно постановить (ausdrücklich auszusprechen), что капиталъ никогда не долженъ быть выплачиваемъ иначе, какъ чрезъ добровольную покупку фондовъ; но въ большей части случаевъ въ менѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ назначали платежъ постоянной ренты. Поэтому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ все зависитъ отъ условій займа. Что станется наконецъ съ неимовѣрными долгами государствъ? Пока народное богатство страны постоянно возрастаетъ, пока не постигаютъ ее великія бѣдствія и пока долгъ не увеличивается до несоразмѣрности съ народнымъ богатствомъ—такое положеніе еще сносно. Но, по всей вѣроятности, такое благополучное состояніе рано или поздно должно прекратиться, и какъ для человѣка сохраненіе жизни, а для государства — возможно сносное существованіе общества является высшимъ закономъ (salus publica suprema lex esto), то изъ этого слѣдуетъ, что на дѣлѣ долженъ быть положенъ конецъ долгамъ, увеличившимся чрезъ мѣру. Это можно сдѣлать, во 1-хъ, постепеннымъ уменьшеніемъ процентовъ, платимыхъ по долгамъ, во 2-хъ, банкротствомъ, въ 3-хъ, прекращеніемъ на время платежа процентовъ или пониженіемъ оныхъ» (стр. 55).

Не вдаваясь здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса о государственныхъ долгахъ, обстоятельно разобраннаго многими писателями и въ томъ числѣ, въ особенности, Небеніусомъ (сочиненіе котораго вышло еще въ 1820 году), мы замѣтимъ, что мѣры, предлагаемыя графомъ Канкринымъ для уменьшенія долговъ, едва-ли могутъ быть оправданы приводимымъ имъ изреченіемъ римскихъ юристовъ. Если въ виду достиженія salus publica можно уменьшать проценты займа или сокращать капитальную цифру долга, то очевидно, что salus publica можетъ оправдать полную отмѣну платежа процентовъ и полное уничтоженіе капитальнаго долга. Но можно ли предполагать, что достигается хотя бы сколько нибудь salus publica мѣрами, разрушающими благосостояніе кредиторовъ государства (то-есть его же подданныхъ), и уничтожающими государственный кредитъ самый? Можно ли предполагать, что государство, дозволившее себѣ однажды произвольное пониженіе процентовъ, неоправдываемое положеніемъ денежнаго рынка, и уменьшеніе занятой имъ суммы, найдетъ въ случаѣ надобности снова лицъ, желающихъ ввѣрить ему свои капиталы? Наука о финансахъ и во времена графа Канкрина признавала единственнымъ средствомъ уменьшенія государственныхъ долговъ—ихъ постепенную уплату, и считала справедливымъ, а потому и возможнымъ уменьшеніе процентовъ по заключеннымъ уже займамъ въ

нижнихъ чиновъ въ отставку, въ безсрочный и временной отпуски распространяется:

1.) На всѣ войска Гвардіи и находящіяся при оной части, на войска Гренадерскаго Корпуса и Арміи, въ томъ числѣ на Учебные Стрѣлковые полки, также на Финляндскіе, Оренбургскіе и Сибирскіе Линѣйные баталіоны.

Примѣчаніе. По Учебнымъ Стрѣлковымъ полкамъ увольняются въ безсрочный отпускъ на общемъ основаніи слѣдующіе нижніе чины: фельдфебели, каптенармусы, унтеръ-офицеры, музыканты, вагенмейстеры, ложники, оружейники, кузнецы, плотники, хлѣбопеки, кашевары, портные, сапожники, басонщики и другіе мастеровые, также фурлейты.

2.) На войска Кавказскаго Корпуса, въ то время, когда, по военнымъ обстоятельствамъ, признано будетъ возможнымъ произвесть по этимъ войскамъ увольненіе нижнихъ чиновъ въ отставку и безсрочный отпускъ.

Что касается до Жандармскихъ командъ въ городахъ и крѣпостяхъ, до частей внутренняго Артиллерійскаго и Инженернаго вѣдомствъ, Корпуса Внутренней Стражи, равно баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, командъ при Кадетскихъ Корпусахъ, командъ Корпуса Путей Сообщенія, разныхъ Инвалидныхъ, Военно-рабочихъ и Арестантскихъ ротъ и вообще командъ,

ходы, вынуждено было прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ, то-есть къ займамъ. Такъ это случилось:

въ 1823 году, о чемъ уже сказано выше.

въ 1834 году; дефицитъ въ 8.750,879 р. 78¼ к. покрытъ былъ выпускомъ билетовъ государственнаго казначейства и займомъ въ банкѣ. Въ томъ же году, для чрезвычайныхъ потребностей, по случаю неурожая, сдѣланъ заемъ въ 63.000,000 руб. серебр.;

въ 1835 году; дефицитъ въ 1.832,021 р. 35 к., вслѣдствіе неурожая, покрытъ займомъ въ банкѣ;

въ 1841 году дефицитъ въ 20.058,000 р., по случаю неурожая, покрытъ: а) выпускомъ серіи билетовъ государственнаго казначейства на 3 мильона руб.; б) первымъ четырехпроцентнымъ займомъ въ 15.345,575 руб. 48 к. и займомъ въ банкѣ на 1.654,484 руб.;

въ 1842 году дефицитъ въ 11.458,140 руб., по случаю неурожая, покрытъ сокращеніемъ военныхъ издержекъ на 2.000,000, по случаю уменьшенія войска, кромѣ того займомъ изъ фондовъ казначейства въ 2.458,140 руб. и изъ коммиссіи погашенія долговъ 7 мильоновъ. Такимъ образомъ съ 1823 года по 1842 годъ включительно:

1) общій дефицитъ по государственнымъ бюджетамъ, для покрытія котораго сдѣланы были различнаго рода займы, составилъ сумму въ 114.813,426 руб. 84¾ коп.;

2) доходы государства въ то же время къ 1843 году возрасли сравнительно съ доходами: 1827 года — на 59.510,997 руб. 63 1/7 коп., 1837 года — на 26.357,733 руб. 73 4/7 коп. и 1839 года — на 20.023,188 руб. 6 коп.

Оканчивая наши выдержки изъ «Дневника», не можемъ не привести здѣсь извлеченіе изъ послужного списка графа Канкрина, помѣщеннаго въ 1-й части его путевыхъ замѣтокъ (стр. 57). Графъ Канкринъ получилъ:

въ 1824 году единовременное награжденіе въ пятьдесятъ тысячъ рублей;

въ 1825 году дано ему въ аренду на пятьдесятъ лѣтъ помѣстье Болданъ въ Курляндіи;

въ 1827 году единовременно пожаловано сто тысячъ рублей;

въ 1830 году пожаловано на двѣнадцать лѣтъ староство Чигиринское въ уѣздѣ того же имени, въ Кіевской губерніи;

въ 1834 году пожаловано единовременно двѣсти тысячъ рублей;

въ 1835 году пожаловано въ потомственное владѣніе тридцать тысячъ десятинъ земли въ Бессарабской области;

въ 1838 году пожаловано единовременно пятьсотъ тысячъ рублей;

въ 1842 году пожаловано единовременно сто тысячъ рублей.

П. М.

ПАХАТНИКЪ И БАРХАТНИКЪ

(ПОВѢСТЬ)

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Скарятина, на углу Фонарнаго пер., д. Франка.

1872.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 30 Іюня 1872 года.

ПАХАТНИКЪ И БАРХАТНИКЪ.

(ПОВѢСТЬ).

Я. Можетъ быть, какъ нибудь послѣ нападемъ на него, а теперь поспѣшимъ докончить пересмотръ свидѣтельствъ изъ св. Отцевъ, приводимыхъ брошюрою.

Стар. Да, надо поспѣшить. Протянулось дѣло. Какъ-то не утерпишь, — все хочется до конца договорить. Впрочемъ вѣдь мы, кажется, не изъ пустаго въ порожнее пересыпаемъ. — Кто тамъ еще слѣдуетъ?

Я. Слѣдуетъ Аѳанасій великій. Но мы его уже пересматривали и нашли, что онъ совсѣмъ не на сторонѣ брошюръ, поминали и о томъ, что мѣста, приводимыя брошюрою изъ св. Аѳанасія, именно — отрывки изъ рѣчи Антонія вел., помѣщенной св. Аѳанасіемъ въ житіи сего св. отца, ничего не доказываютъ. Они изображаютъ явленія злыхъ духовъ и козни ихъ, о природѣ же ихъ не говорятъ ничего. Одна какая-то есть фраза и та не въ пользу брошюръ.

Стар. Такъ на этомъ мѣстѣ нечего и останавливаться. Пойдемте далѣе. — Кто тамъ?

Я. Слѣдуетъ св. Іоаннъ Златоустый. Читать?

Стар. Нѣтъ; дайте-ка мнѣ брошюру, я самъ буду пересматривать и замѣчать, что нужно.

Стр. 31. Первое мѣсто св. Златоуста, неизвѣстно откуда заимствованное, говоритъ, что воздухъ наполненъ Ангелами, которые защищаютъ насъ отъ злыхъ духовъ — враговъ мира. — Этого и мы не отвергаемъ; но, исповѣдуя, что они посылаются въ служеніе къ хотящимъ наслѣдовать спасеніе, признаемъ ихъ чистыми духами. Какъ это мѣсто брошюры обращаютъ въ свою пользу, не понимаю. Оно не говоритъ о природѣ Ангеловъ.

ПАХАТНИКЪ И БАРХАТНИКЪ.

Не будетъ пахатника, не будетъ бархатника.
Русская пословица.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПАХАТНИКЪ.

I.

Такого продолжительнаго, нестерпимо-жаркаго лѣта не могли запомнить даже самые старые люди. Съ половины іюня до конца іюля ни разу не освѣжило дождемъ воздуха; раскаленная земля трескалась, превращалась въ камень или пыль, которая лежала тяжелымъ рыжеватымъ пластомъ на дорогахъ. Каждое утро солнце восходило багровымъ шаромъ и, подымаясь выше въ сверкающемъ безоблачномъ небѣ, совершало свой кругъ, никому не давая отдохнуть отъ зноя. Все живущее какъ словно умаялось, и повѣсило голову. Цвѣты, не защищенные лѣсомъ или тѣнью рощи, пересохли; горохъ пожелтѣлъ преждевременно; проходя полемъ, слышно только было, какъ лопались его стручья, разсыпая словно дробь свои зерна. Трава, скошенная утромъ, начинала къ полудню пучиться, подымалась ворохомъ и звонко хрустѣла, когда брали ее въ руки. Стада упорно жались къ ручьямъ и рѣчкамъ; во всякое время дня, коровы и лошади по цѣлымъ часамъ недвижно стояли по брюхо въ водѣ; можно бы было принять ихъ за окаменѣлыхъ, еслибъ не двигали они хвостомъ, стараясь отогнать мухъ и оводовъ, которые роями носились и жужжали въ воздухѣ.

Во всей природѣ, которая какъ будто изнемогала и тяжело переводила дыханіе, одни насѣкомые бодрствовали; чѣмъ горячѣе жарило солнце, тѣмъ больше ихъ появлялось и тѣмъ громче раздавались жужжанье и шорохъ. Тамъ, гдѣ полуизсохшіе ручьи впадали въ рѣчки, роями стояли коромыслы, блистая на солнцѣ своими кисейными глянцовитыми крылышками и зелеными, какъ словно стеклянными головками; запыленные пчелы и безчисленные милліоны всякихъ мухъ и мошекъ облипали каждаго, кто только останавливался.

Въ поляхъ весь этотъ шелестъ заглушался трескотнею кузнечиковъ; изъ-подъ каждой травки, изъ-подъ каждаго стебелька и колоса немолчно дребезжалъ этотъ жосткій, металлическій звукъ, который всегда какъ бы дополняетъ впечатлѣніе страшной засухи; въ сырое время кузнечикъ поетъ не такъ звонко. Въ поляхъ, даже часамъ къ двумъ-тремъ пополудни, зной особенно былъ чувствителенъ. Солнечные лучи, насквозь пронизывая рожь до корня, нагрѣли, казалось, самые стебли; даже тамъ, въ глубинѣ колосьевъ, бросало въ испарину; чувствовалось, что пышетъ отъ почвы, какъ отъ жерла раскаленной печки. Васильковъ совсѣмъ не было; они давно пересохли, оставивъ тощіе зеленоватые стебли; одна павилика, туго оплетая подошву колосьевъ, разливала въ воздухѣ тонкій миндальный запахъ и пестрила своими бѣлорозовыми колокольчиками жаркое, лучезарное сіянье, наполнявшее глубину поля.

II.

Несмотря, однакожъ, на удушливый зной, отъ котораго сохло въ горлѣ и пóтомъ обливало тѣло, все пространство поля покрыто было народомъ; куда ни обращались глаза, отягченные солнечнымъ сверканьемъ, всюду надъ моремъ колосьевъ мелькали, то опускаясь, то подымаясь, бѣлыя рубашки бабъ; перегнувъ въ три погибели спину, прикрытую мокрой сорочкой, онѣ вязали снопы; мужья ихъ, отцы и братья выступали между тѣмъ одинъ за другимъ, звонко размахивая косами.

Работа кипѣла; время было такое, что нельзя было ни на одинъ часъ отложить покоса; благодаря жаркому іюлю, едва

успѣли откоситься и убрать сѣно, какъ рожь поспѣла; тамъ совсѣмъ уже налился и дозрѣвалъ ѳвесъ, — того и смотри, сыпаться станетъ. Изрѣдка останавливался тотъ или другой работникъ, отиралъ рукавомъ загорѣлый лобъ и принимался точить косу, издававшую при этомъ сухой, острый звукъ, вторившій какъ нельзя лучше дребезжанью кузнечиковъ. Изрѣдка, та или другая баба разгибала спину, оглядывалась и торопливо направлялась выпить кваску изъ сѣраго кувшинчика, спрятаннаго въ укромномъ мѣстѣ, или шла къ люлькѣ, скрывавшей ребенка. Но едва мать успѣвала раскрыть холстяной пологъ люльки, едва припадала грудью къ губамъ младенца, голосъ старосты снова призывалъ ее къ работѣ.

— Эй, бабы, бабы! покрикивалъ онъ, являясь то тутъ, то тамъ: — что-то ужъ больно часто бѣгаете! Покормили разъ-другой — и шабашъ! Главная причина, не надо бы вовсе таскать съ собою ребятишекъ, — вотъ что! Оставляли бы дома лучше старухамъ да бабкамъ!..

— Хорошо, Гаврило Леоньичъ, коли есть такія, возразила молоденькая, живая бабенка: — коли не на кого оставить, поневолѣ тащишь...

— Все же такъ часто бѣгать не приходится, возразилъ староста. — Говорю: покорми разъ-другой — и шабашъ!.. Ну ступай, ступай, полно разговаривать!.. довершилъ Гаврило Леоньичъ, направляясь въ другую сторону.

Немного погодя, посреди звяканья косъ и шума падающей рядами ржи, голосъ его раздался на дальнемъ концѣ поля.

III.

Въ голосѣ этомъ не было впрочемъ ничего повелительнаго или грознаго; съ появленіемъ старосты никто не бросалъ въ его сторону боязливыхъ взглядовъ. Косы, правда, начинали скорѣе двигаться и бабы усерднѣе принимались вязать снопы, но это очевидно происходило не столько отъ страха, сколько отъ жалкой привычки русскаго простолюдина жить и дѣйствовать не иначе, какъ съ помощью понуканья. Гаврилу слушали точно такъ-же, какъ стали бы слушать любаго мужика, поставленнаго въ старосты главнымъ управляющимъ.

Гаврило ничѣмъ не отличался отъ остальныхъ мужиковъ своей деревни; онъ только зналъ счеты и разбиралъ грамоту; основываясь на этомъ, его выбрали въ начальники и выдавали ему ежегодно пятнадцать рублей жалованья изъ главной конторы, которая находилась верстахъ въ семидесяти, въ сосѣднемъ уѣздѣ. Гаврило сильно даже скучалъ своею должностью; пуще всего сокрушало старосту, что будучи самъ человѣкомъ домовитымъ и хозяиномъ, онъ принужденъ былъ поминутно отрываться отъ дѣла и ѣздить въ контору изъ-за каждой бездѣлицы, иногда даже такъ, безо всякой надобности. Случалось, самое нужное дѣло на рукахъ,—нѣтъ, бросай все и отправляйся! Кромѣ того, всякой разъ надо было неизбѣжно стоять съ-глазу-на-глазъ передъ управляющимъ, который внушалъ Гаврилѣ, точно такъ-же, какъ и всѣмъ, находившимся въ зависимости отъ конторы, страхъ непобѣдимый. Короче сказать, староста готовъ былъ ежегодно приплачивать еще своихъ денегъ, лишь бы освободили его отъ должности; тоже самое готовъ былъ сдѣлать каждый крестьянинъ, принадлежавшій деревнѣ Антоновкѣ.

Не только въ нравственномъ отношеніи, но и по наружности, Гаврило во всемъ былъ сходенъ съ мужиками, работавшими въ полѣ. Ему было лѣтъ пятьдесятъ; на лицѣ его, покрытомъ мелкими морщинками, явно проглядывалъ нравъ мягкій, сговорчивый и веселый. Онъ носилъ на головѣ шапку на маперъ гречишника, изъ-подъ которой, съ той или другой стороны, всегда выглядывалъ кончикъ клѣтчатаго платка; платокъ служилъ скорѣе для того, чтобы утирать лицо, чѣмъ для настоящаго употребленія. Выходя въ поле, Гаврило постоянно вертѣлъ въ рукахъ палочку, служившую ему биркой; на ней-то надрѣзывалъ онъ ножомъ число копенъ, скирдъ, сноповъ и проч. Какъ потомъ могъ онъ добраться толку и распутать на своей биркѣ всѣ эти насѣчки, зарубки и крестики, — это останется вѣчной неразгаданной тайной.

IV.

— Ну, братцы, подкашивай, подкашивай! понукалъ Гаврило, переходя отъ одного ряда косарей къ другому:—по настоя-

щему, къ вечеру рѣшить бы надо!.. Вотъ развѣ бабы не успѣютъ снопы довязать...

— Нѣтъ, сватъ Гаврило, нонче не управимся, замѣтилъ коротенькій кудрявый мужичокъ, останавливаясь, чтобы снять шапку и отереть лицо:—добрè ужъ очепно паритъ; раза три махнешь косой, такъ нада всего тебя размочалитъ. Не въ моготу даже...

— Не одному тебѣ, всѣмъ жарко!.. Ну-ка, сватъ, полно, бери косу-то, беря! подхватывалъ Гаврило:—оттого, что жарко. оттого и откоситься скорѣй надобно; погоди-ка денька три, въ колосѣ совсѣмъ ничего не останется... Эку сухмень сотворилъ Господь!.. эку сухмень!!..

— Вездѣ сухо, вездѣ зерно сыплется, промолвилъ высокій рыжій мужикъ съ коротенькой, крутой, кудрявой бородкой.— Вотъ ужъ третій день никто въ свое поле не заглядывалъ! присовокупилъ о ъ, не оборачиваясь къ старостѣ и продолжая косить:—значитъ, здѣсь справляйся, а со своимъ добромъ какъ знаешь,—пропадать должно! .

— Это точно, проговорилъ старый мужичокъ, усыпанный веснушками:—хошь бы на одинъ день ослобонили!.. Здѣсь хлѣбъ уберегай. а со своимъ управляйся какъ Богъ велитъ.

— Толкуютъ, точно первинку разсказываютъ, точно про то никто не знаетъ! перебилъ Гаврило, встряхивая шапкой:—опять-таки, я что-ли тому причиной?.. Такъ велѣно; кто велѣлъ,—сами знаете; подитка сладь съ нимъ! „Чтобы все поле, говоритъ, на мірской магазинъ которое отрѣзано, убрать, говоритъ, къ воскресенью; уберутъ, говоритъ,—тогда за свое пускай принимаются!“ Самъ обѣщался навѣдаться; самъ до всего доходитъ. А мнѣ что? Мое дѣло сторона; какъ велятъ, такъ и дѣлаю...

— Надо, значитъ, самимъ идти просить въ контору, сказалъ рыжій мужикъ.

— Поди-ко сунься,—много возьмешь! замѣтилъ Гаврило.

— Значитъ, продолжалъ опять рыжій мужикъ, размахивая такъ сильно косою, что звонъ ея сдѣлался вдругъ слышнѣе другихъ косъ:—значитъ, оброкъ только для виду для одного; слава только: вотъ-дескать на оброкъ отпущены! Поглядѣть,—выходитъ хуже барщины! Барщинные по-крайности оброка не знаютъ; у насъ деньги оброчныя отдай само собою, а тамъ еще плет-

ни плетни вокругъ садовъ, луга коси господскіе, дороги починяй; пришла пора рабочая, хоть бы вотъ теперича,—идти бы убирать свой хлѣбъ,—нѣтъ, сюда ступай... Дни вишь такіе выговорили!.. Сосчитай-ка эти выговоренные дни,—много-ли время на свое дѣло останется?.. Право, барщина сходнѣе...

— Знамо такъ; Филиппъ правду сказываетъ.. Это точно какъ есть!.. отозвались ближайшіе мужики.

— Поди-ка столкуй съ управителемъ, поговори ему, что онъ тебѣ скажетъ, произнесъ Гаврило съ сердцемъ:—ужъ было такое дѣло, изъ другихъ вотчинъ пріѣзжали, говорили ему,—съ тѣмъ и уѣхали! Ты свое,—онъ свое: „знать, говоритъ, ничего не хочу; мое дѣло, говоритъ, было-бы прежде всего исправно!..“ А что на счетъ работы, какую теперь справляемъ, продолжалъ разсудительно Гаврило:—надо правду сказать,—браниться да жаловаться не за что: поле не господское, „мірское“ *)—стало, все единственно, для себя трудимся!

— Главная причина, дядя Гаврило, заговорилъ опять мужичокъ съ веснушками: не во время работа,—вотъ что! Этимъ пуще всего народъ обижается; у самихъ хлѣбъ сыплется, а ты здѣсь валандайся; оно хоть и мірское дѣло,—а свое все жалчѣе упустить.

— Потому и говоришь вамъ: братцы, велѣно! какъ ни бейся, сдѣлать надо; работай дружнѣй, не тормози рукъ; здѣсь скоро отдѣлаемся, за свое скорѣй примемся... Ну, дружнѣй, ребята, подкашивай, подкашивай,—къ вечеру, чтобы совсѣмъ убраться!.. подхватилъ Гаврило, возвышая голосъ и принимаясь снова ходить по полю.—Эй-вы, бабы,—полно вамъ безперечь къ люлькамъ бѣгать!.. Охъ, эти бабы пуще всего!.. Авдотья, ты никакъ съ самаго обѣда торчишь у люльки, ни одного снопа не связала... Брось, говорю!.. Эки, право, ни стыда въ нихъ нѣтъ, ни совѣсти!..

---

*) Мірскимъ полемъ называется часть земли, которая отрѣзывается крестьянамъ для посѣва хлѣба, поступающаго потомъ въ такъ называемые магазины. Такой запасъ ржи и овса дѣлается на случай неурожая, недостатка зеренъ для посѣва. Въ деревняхъ, гдѣ существуетъ порядокъ, строго наблюдаютъ, чтобы въ магазинѣ всегда находился запасъ зеренъ, который обезпечивалъ бы въ случаѣ несчастія все населеніе деревни.

V.

Во время этихъ разговоровъ, съ той стороны, гдѣ деревня заслонялась пологими холмами, показался мужикъ. Съ перваго взгляда легко было замѣтить, что онъ не принадлежалъ къ числу обывателей Антоповки, или если принадлежалъ, то по какимъ нибудь обстоятельствамъ освобожденъ былъ отъ работы.

Длинныя ноги его, обутыя въ довольно плохенькіе сапоги, передвигались безо всякой поспѣшности; онъ разсѣянно посматривалъ направо и налѣво, время отъ времени посвистывалъ, и вообще имѣлъ видъ человѣка, который лишенъ всякихъ заботъ и вышелъ въ поле единственно затѣмъ только, чтобы прогуляться. Ему было лѣтъ подъ-сорокъ; рубашка его начала просвѣчиваться на локтяхъ и швы во многихъ мѣстахъ пообсѣклись; но зато подпоясанъ онъ былъ новымъ гаруснымъ шнуркомъ и на головѣ его, покрытой рѣденькими черными завитками, красовался совершенно новый картузъ съ козырькомъ, въ родѣ тѣхъ, какіе носятъ подгородные мѣщане и фабричные. Самъ онъ скорѣе похожъ былъ на мѣщанина, чѣмъ на обыкновеннаго поселянина; несмотря на знойное лѣто, загаръ едва коснулся его лица и шеи; на лицѣ его, довольно еще красивомъ, не было слѣда тѣхъ морщинъ, той загрубѣлости, которыя преждевременно накладываетъ тяжелое трудовое житье. Взглядъ его, обращавшійся какъ-то сверху внизъ,—точно онъ считалъ себя значительнѣе всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался,—не былъ лишенъ живости, точно такъ же какъ и остальныя черты лица; въ движеніяхъ замѣтно однакожъ проглядывали лѣнь, вялость, сонливость.

Человѣкъ этотъ не былъ совершенно чужимъ и незнакомымъ лицомъ въ здѣшнихъ мѣстахъ; едва поровнялся онъ съ первыми косарями, многіе его окликнули:

— Ѳедотъ, здорово! Откуда?

— Съ люблинской мельницы...

— Дѣло, что-ли, есть?

— Да, лаконически отвѣчалъ Ѳедотъ, слегка приподымая картузъ и продолжая идти далѣе.

Замѣчательно, что въ голосѣ каждаго, кто обращался къ

Ѳедоту, звучала веселость; каждый почти, заговаривая съ нимъ, прищуривалъ глаза и осклаблялъ зубы. Случалось, что иной мужичокъ,—особенно изъ молодыхъ и которые были попроще,—видя, какъ осклаблялись другіе,—схватывался попросту за бока и громко начиналъ смѣяться. Въ такихъ случаяхъ Ѳедотъ выше только подымалъ голову, весь какъ словно отъ макушки до пятокъ преисполнялся чувствомъ собственнаго достоинства и шелъ мимо, сохраняя такой видъ, какъ будто на пути попался муравей, не стоющій никакого вниманія.

Приближаясь къ мѣсту, гдѣ сосредоточивалась главная дѣятельность и куда сошелся почти весь народъ, Ѳедотъ спросилъ, какъ бы найти ему дядю Карпа? Карпъ, оказалось, косилъ въ числѣ передовыхъ косарей и находился на дальномъ концѣ поля. Ѳедотъ медленно, какъ бы желая похвастать своей неторопливостію, направился въ указанную сторону. Проходя мимо подводъ, которыя пріѣхали за снопами, мимо бабъ, вязавшихъ снопы, и мужиковъ, шумѣвшихъ косами,—Ѳедотъ снова освѣдомился, гдѣ отыскать дѣдушку Карпа.

Признавъ наконецъ того, кого отыскивалъ, Ѳедотъ встрепенулся и ускорилъ шагъ; онъ словно вдругъ вспомнилъ о чемъ-то; лицо его выразило озабоченность, суетливость; онъ пошелъ такъ скоро, и началъ такъ размахивать руками, что потъ выступилъ на лицѣ и даже шеѣ; подойдя къ Карпу, который продолжилъ усердно косить, не замѣчая приближающагося,—Ѳедотъ, и безъ того запыхавшійся, старался еще показать видъ, что едва переводитъ духъ отъ усталости.

VI.

— Дядя Карпъ, здорово! Къ тебѣ... озабоченнымъ тономъ проговорилъ Ѳедотъ, сымая картузъ и отирая плоскій бѣлый лобъ съ прилипнувшими къ нему жиденькими кудрями.

— А, Ѳедотъ! воскликнулъ сѣдой, какъ лунь, старичокъ, быстро поворачивая къ Ѳедоту сухощавое лицо, изрытое глубокими морщинами:—какъ ты здѣсь?..

— Къ тебѣ, дядя Карпъ... Ухъ, умаялся!—дай духъ переведу, сказалъ Ѳедотъ, стараясь показать вдвое больше усталости,

чѣмъ было на самомъ дѣлѣ:—примѣрно, такое дѣло... переговорить надо...

Тутъ Ѳедотъ нахмурилъ брови, покосился на стороны и замѣтивъ, что ближайшіе мужики остановились и посматривали въ его сторону, началъ мигать Карпу на сосѣднюю ниву, гдѣ не было еще ни одного косаря.

— Говори здѣсь,—все одно, сказалъ старикъ.

— Нельзя, суетливо перебилъ Ѳедотъ:—никакимъ то-есть маперомъ... дѣло такое... Отойдемъ, говорю...

Онъ дернулъ старика за руку рубахи и силою почти отвелъ его шаговъ за десять.

— Аксенъ Андреевъ прислалъ, произнесъ онъ, быстро оглядываясь и какъ бы желая убѣдиться, что никто не слушаетъ.

— Это за чѣмъ?

— Насчетъ избы; ты избу приторговалъ... Прислалъ: „скажи, говоритъ, Карпу,—онъ тебѣ родственникъ, часто видаетесь,—скажи! задатку надо прибавить!..“

— Вѣдь я далъ ему задатокъ: и дѣло совсѣмъ порѣшили; чего-жъ еще? произнесъ старикъ нетерпѣливо.

— Говоритъ, много на избу охотниковъ...

— Ну...

— Много очень народу избу торгуютъ и деньги сейчасъ отдаютъ... „Коли, говоритъ Карпъ прибавитъ задатку, я обожду, пожалуй, а то, говоритъ, несходно!“ Я затѣмъ и пришелъ къ тебѣ; ты, дяди ныньче же безпремѣнно сходи къ Аксену. Онъ такъ и наказывалъ: сегодня переговори съ нимъ; дѣло примѣрно такое, никакимъ маперомъ нельзя оставить! примолвилъ разсудительнымъ тономъ Ѳедотъ и даже зажмурилъ глаза.—Избу я видѣлъ: изба знатная; и цѣна не большая... упустить никакъ невозможно!..

Старикъ не слушалъ послѣднихъ словъ Ѳедота; съ досадливымъ, безпокойнымъ выраженіемъ лица смотрѣлъ онъ въ землю.

— Когда видалъ ты Аксена? спросилъ онъ.

— Ныньче утромъ, въ самый обѣдъ. Какъ сказалъ онъ объ этомъ,—„дѣло такое, думаю себѣ, упустить нельзя; Карпъ Иванычъ сродственникъ, оставить негодиться“,—прямо къ тебѣ бросился...

— Какъ же попалъ ты туда къ Аксену? спросилъ Карпъ, медленно направляясь къ прежнему своему мѣсту.

а.) Служившихъ по Пѣхотѣ, или Кавалеріи: кто обучался, или не обучался дѣйствію при артиллерійскихъ орудіяхъ.

б.) Кто какое знаетъ мастерство, или никакого не знаетъ.

в.) Удовлетворенъ ли сполна артельными деньгами, а если не удовлетворенъ, то по какой именно причинѣ.

г.) Кто имѣетъ претензіи и какія именно, или претензій не имѣетъ.

д.) Если кто участвовалъ въ оборонѣ Севастополя, то въ паспортахъ и билетахъ непремѣнно объяснять: *«за участіе въ оборонѣ Севастополя въ теченіе такого-то времени прибавлено столько-то лѣтъ и мѣсяцевъ къ общей службѣ.»*

Объясненіе это помѣщать:

Въ паспортахъ отставныхъ *послѣ походовъ.*

Въ билетахъ отпускныхъ *послѣ вступленія въ службу*, какъ значится въ формахъ паспортовъ и билетовъ.

О ПЕРЕЧНЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЯХЪ И МАРШРУТАХЪ.

§ 39.

Вмѣстѣ съ изготовленіемъ для нижнихъ чиновъ, уволенныхъ въ отставку и отпуски паспор-

конца краю не видно, глазомъ не обведешь!.. Мѣсяцъ цѣлый косимъ; весь міръ коситъ, а все остается верстъ на десять нескошеннаго мѣста... такъ и оставляемъ... скотъ травить!..

Сказавъ это, Ѳедотъ снова поправилъ картузъ, снова поплевалъ въ ладонь и молодецки махнулъ косою; по луга косить, видно, не то что рожь; подъ косою Ѳедота жнивья осталось въ двое больше, чѣмъ слѣдовало, и колосья, захваченные имъ, легли не въ-рядъ, а раскидались на стороны.

Два молодые парня, работавшіе слѣва, громко засмѣялись.

Ѳедотъ повернулся къ нимъ спиною и осмотрѣлъ косу.

— Ну, ужъ коса! сказалъ онъ съ усмѣшкою, обращаясь къ мужику, который началъ разговоръ:—диковинное дѣло, какъ только Карпъ управляется... Какъ есть, ничего не беретъ! Дай-ка, братецъ ты мой, точило... Эхъ, была у меня коса,—вотъ такъ ужъ точно коса! подхватилъ Ѳедотъ, принимаясь водить брускомъ по лезвѣю:—и теперь еще двѣ такія же дома остались,—вотъ такъ косы! Случается, найдешь на такое мѣсто— копытникомъ заросло,—такія мѣста есть,—махнешь косою— словно трава валится! Въ нашихъ мѣстахъ все такія-то косы; по два рубля платимъ; этихъ, какими вы косите, у насъ въ заводѣ нѣтъ, впервые вижу...

— Слышь, братъ, сказалъ словоохотливый мужичокъ:—ты этакъ по одной-то половинѣ не води точиломъ... этакъ совсѣмъ косу затупишь...

— Ничего, ладно, живетъ! возразилъ Ѳедотъ, возвращая ему точило.

Не поворачиваясь къ двумъ смѣявшимся парнямъ, Ѳедотъ снова принялся за работу; но дѣло по прежнему не клеилось; чѣмъ больше онъ храбрился, чѣмъ сильнѣе махалъ косою, тѣмъ дѣло меньше спорилось,—выходило и криво и косо.

— А, Ѳедотъ! отколь Богъ принесъ? неожиданно спросилъ Гаврило.

— Къ Карпу за дѣломъ пришелъ... Онъ отошелъ кваску испить; подсобить попросилъ...

— Да что ты, братъ, косы, что-ли, въ руки не бралъ? сказалъ Гаврило.—Смотри-ка, что натворилъ!..

Молодые парни опять засмѣялись; даже словоохотливый мужичокъ началъ ухмыляться.

— Натворишь непололѣ! возразилъ Ѳедотъ, тыкая съ серд-

кончили разсмотрѣніе св. Отцевъ, на которыхъ хотѣли опираться брошюры. Но мнѣ думается, что надо обратить вниманіе на св. Іоанна Кассіана, который приводится въ Словѣ о смерти, въ примѣчаніи на стр. 15.

Стар. Объ немъ что много разсуждать?—Самое содержаніе выписки, которая значится въ указанномъ вами мѣстѣ, показываетъ, что у св. Кассіана не та мысль, которой держится брошюра. Св. Кассіанъ говоритъ, что Ангелы, Архангелы и прочія силы имѣютъ соотвѣтственное тѣло, въ которомъ существуютъ, хотя несравненно тончайшее нашего тѣла; и къ этимъ-то тѣламъ, въ которыя облечены Ангелы, и относитъ тѣла небесныя, о которыхъ поминаетъ Апостолъ, говоря: и *тълеса небесная, и тълеса земная*... и проч.. А брошюры утверждаютъ, что Ангелы суть тѣла тонкія, —сами Ангелы суть тѣла, такъ что кромѣ тѣла у нихъ ничего нѣтъ. Но это два мнѣнія, по моему, совершенно противоположныя. Еслибъ брошюры говорили только, что Ангелы имѣютъ тѣла, можно бы и не спорить. Я совершенно убѣжденъ, что Ангелы суть чистые духи, не имѣютъ тѣла; но спорить съ допускающими эту мысль не стану. Ибо при этомъ главною господственною стороною у Ангеловъ поставляется все же разумно-свободный духъ. Но когда говорится, что Ангелъ есть тѣло; тогда надобно отрицать у него разумно-свободность и сознаніе; ибо сіи качества не могутъ принадлежать тѣлу, какое ни придумай. Допустивъ это, и не могши, однакожъ, не видѣть въ Ангелахъ разумности и свободы, для объясненія ихъ остается сказать: это Богъ въ нихъ дѣйствуетъ, и придемъ прямою дорогою къ пантеизму. Ибо послѣ

распросы сосѣдей, желавшихъ узнать, зачѣмъ былъ Ѳедотъ, старикъ отдѣлывался, говоря, что родственникъ приходилъ безо всякой цѣли, а чаще всего отмалчивался. Онъ точно такъ же усердно продолжалъ косить, хотя уже видно было, что работа шла теперь машинально и косою водило не столько сознаніе, сколько привычка такого занятія. Потъ лилъ съ него ручьями; онъ оставался однакожъ къ этому менѣе прежняго чувствительнымъ; онъ рѣже даже останавливался, чтобы дать себѣ отдыхъ, остыть и порасправить спину.

Несмотря на то, что солнце совсѣмъ уже скатилось къ горизонту, въ полѣ было почти также душно, какъ въ полдень. Воздухъ, напитанный испареніями, былъ недвиженъ; самые тонкіе стебельки, приходившіе въ колебаніе безъ всякой видимой причины, стояли теперь какъ околдованные; облако пыли, поднятое стадомъ, которое полчаса назадъ прогнали въ деревню по отдаленному холму, стояло также высоко и только постепенно мѣняло свой цвѣтъ, превращаясь изъ золотистаго въ багровое, по мѣрѣ того, какъ ниже опускалось солнце.

Наконецъ солнце скрылось.

— Дядя Карпъ, народъ по домамъ пошелъ! сказалъ сосѣдній мужичокъ.

— Шабашъ! послышалось въ отдаленіи:—шабашъ, домой! подхватили ближайшіе косари.

Карпъ молча подбросилъ косу на плечо и поднялъ голову.

Въ разныхъ концахъ поля народъ направлялся къ деревнѣ; то тутъ, то тамъ раздавался скрыпъ навьюченныхъ снопами телѣгъ, которыя тяжело покачивались, пробираясь по пашнѣ.

Карпъ направился ускореннымъ шагомъ, въ надеждѣ догнать сноху свою; но ея нигдѣ не было; она не кормила ребенка, и какъ всѣ бабы, избавленныя отъ такой заботы, успѣла, вѣроятно, отойти очень далеко. Попадались только тѣ бабы, которыя поневолѣ должны были отставать, потому что еле-еле передвигали ногами, неся на спинѣ люльку, а въ рукахъ серпъ и кувшинчикъ.

При поворотѣ съ поля на дорогу, Карпъ встрѣтился съ Гаврилой.

— Ну, братъ, Карпъ Иванычъ, разобидѣли мы твоего Ѳедота, смѣясь, заговорилъ староста:—пошелъ отъ насъ—никому даже слова не промолвилъ; что за человѣкъ такой уродился!

Сказываютъ, опять перемѣнилъ мѣсто; на люблинской мельницѣ нанялся теперь... Зачѣмъ это приходилъ онъ? Тебя, что-ли, провѣдать?

— Эхъ! произнесъ старикъ, махнувъ рукою.

— Развѣ что неладно?

— Такое дѣло, совсѣмъ даже въ сумлѣнье приводитъ; зарѣцкой Аксенъ, что лѣсомъ торгуетъ, прислалъ его ко мнѣ...

— Зачѣмъ?

— Сказывалъ я тебѣ, приторговалъ я у него избу, началъ Карпъ такимъ голосомъ, какъ будто у него накипѣло въ сердцѣ и онъ радъ былъ наконецъ высказаться:—задатку взялъ онъ съ меня семьдесятъ рублевъ; дѣло совсѣмъ сладили; теперь прислалъ Ѳедота, говоритъ: „прибавить надо къ прежнему задатку“; очень, вишь, много народу на ту избу охотятся и деньги всѣ сейчасъ отдаютъ; „не сходно, говоритъ, ждать до осени!“ Самъ суди, Гаврило Леонычъ, откуда взять теперь денегъ? Хлѣбъ не убранъ, и хошь бы и убранъ былъ,—все одно не время его продавать; только въ убытокъ продашь... Вотъ дѣло какое,—шутъ его возьми! Я третій годъ за избой гоняюсь; такъ было обрадовался; моя совсѣмъ плоха; насилу прозимовали... Коли Аксенъ заартачится, не знаю, право, гдѣ ужъ искать избу; въ своей зиму никакъ не проживешь; вся кругомъ какъ есть промерзаетъ... Эхъ, шутъ его возьми! скрутилъ онъ меня этимъ по рукамъ и ногамъ...

— Почемъ за избу-то проситъ?

— Уговоръ былъ двѣсти-тридцать рублевъ, совсѣмъ ужъ было поладили...

— Сходно; по теперешнимъ цѣнамъ на что сходнѣе.

— Объ томъ и сокрушаешься; сходнѣе не найти; потому больше и жаль, Гаврило Леонычъ... вымолвилъ старикъ, насупивая брови.

Немного погодя, сквозь сѣрѣющія сумерки открылась деревня; войдя въ околицу, Карпъ и Гаврило разстались.

IX.

Антоповка выстроена была подъ самымъ скатомъ на плоской луговинѣ, которую огибала небольшая рѣчка; во всякое время на улицѣ стояла топь непроходимая; только теперешнее лѣто

могло вполнѣ просушить ее и превратить грязь въ слой пыли. Избы шли въ два порядка со множествомъ узенькихъ проулковъ; въ глубинѣ деревни, тамъ гдѣ рѣчка дѣлала поворотъ и пропадала, высоко подымалось нѣсколько старинныхъ ветелъ; дальше, за ветлами, снова шли пологіе холмы, исполосованные оврагами и темными клиньями сосновыхъ перелѣсковъ.

Изба Карпа выходила угломъ въ проулокъ и на улицу; она дѣйствительно никуда больше не годилась какъ въ ломъ; бокъ ея, смотрѣвшій на улицу, круто выпучивался и, безъ сомнѣнія, давно бы повалился, еслибъ хозяинъ не позаботился подпереть его двумя осиновыми плахами; всѣ пазы были вымазаны глиной, которая истрескалась отъ жары и во многихъ мѣстахъ отвалилась. Изба была одною изъ самыхъ старыхъ въ деревнѣ; Карпъ, доживавшій уже седьмой десятокъ, не помнилъ, когда ее ставили. Ветхость избы еще замѣтнѣе бросалась въ глаза отъ сосѣдства съ плетнями, которые отличались плотностію, стояли прямо на толстыхъ высокихъ кольяхъ. Карпъ не осиливалъ только съ избою; все остальное, что зависѣло отъ его рукъ и средствъ, смотрѣло какъ нельзя приглядиѣе и обличало домовитаго, дѣятельнаго хозяина.

Войдя на дворъ, Карпъ встрѣченъ былъ блеяніемъ овецъ, фырканьемъ трехъ лошадей и глухимъ чмоканьемъ коровы, которая въ сумеркахъ принимала видъ огромнаго бѣлаго камня, брошеннаго посреди двора. Старикъ повѣсилъ подъ навѣсъ косу, вступилъ въ темныя сѣни, но наткнулся на кого-то и поспѣшно отступилъ шагъ.

— Ай, дѣдушка, чуть Ваську не уронилъ! раздался тоненькій голосокъ.

При этомъ на крыльцо выступила дѣвочка лѣтъ семи, державшая на рукахъ толстаго, какъ пузырь, ребенка, который кряхтѣлъ и отдувался, какъ словно не его тащила дѣвочка, но онъ несъ ее на рукахъ своихъ.

— А сама, что подъ ноги лѣзешь! проговорилъ ворчливо дѣдушка, входя въ избу.

Въ избѣ царствовала уже тьма кромѣшная; отъ жары едва можно было переводить духъ; мухи, бившіяся на потолкѣ и въ окнахъ, наполняли ее глухимъ журчаньемъ. Заслышавъ шумъ у печки, Карпъ обратился въ ту сторону.

— Старуха, ужинать собирай; я чаялъ, все ужъ у васъ готово...

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ сноха вынесетъ столъ на крылечко; здѣсь пуще жарко... Ноньче печь топили; новые хлѣбы, изъ новой муки пекла; мука бѣлая, хорошая; на вкусъ хлѣбы прошлогодняго лучше...

Но и это обстоятельство, всегда почти тѣшущее душу простолюдина, столь бѣднаго на прихоти и радости всякаго рода, не произвело никакого дѣйствія на Карпа.

Онъ повѣсилъ голову, вышелъ изъ избы и снова въ сѣняхъ чуть было не сшибъ съ ногъ дѣвочку, которая, вся изогнувшись на одинъ бокъ, тащила толстаго Ваську.

— Охъ! крикнула дѣвочка, съ трудомъ пятясь назадъ:— охъ, дѣдушка,—Васька! Ваську чуть не уронилъ!..

— А ты опять подъ ноги лѣзешь!

— Что ты его взаправду все таскаешь, — сядь поди съ нимъ, Дуня! Сядь, проговорила сноха, явившаяся на крылечко собирать ужинъ.

— Здорово батюшка! раздался голосъ изъ-подъ навѣса, и на дворѣ показался рослый мужикъ, лицо котораго невозможно было разсмотрѣть за темнотою.

Это былъ сынъ Карпа и мужъ молодой женщины, хлопотавшей съ ужиномъ. Карпъ лѣтъ уже семь освобожденъ былъ, за старостію лѣтъ, отъ всякой работы; онъ постоянно однакожъ ходилъ въ поле и исполнялъ всѣ мірскія и господскія повинности; старикъ находилъ разсчетъ работать за сына, который въ это время управлялся въ собственномъ полѣ или занимался дома; разсчетъ былъ вѣренъ: Петръ (такъ звали сына) былъ однимъ изъ лучшихъ работниковъ Антоновки.

Выйдя изъ-подъ навѣса, Петръ махнулъ рукою и погналъ лошадей къ воротамъ.

— Погоди, Петруха, сказалъ старикъ прежде еще, чѣмъ сынъ коснулся воротъ: — кто нынче у насъ въ ночномъ? Чей чередъ?

— Андрей Воробей съ ребятами поѣдетъ.

— Смотри, молодаго сѣраго меренка не спутывай; онъ не сильно боекъ, не уйдетъ отъ табуна; боюсь, какъ спутаешь, зашибутъ его копытами... У Гаврилы кобыла бойкая такая, сколькихъ ужъ зашибла!

— Ладно, батюшка!

Сѣрый этотъ меренокъ дороже былъ Карпу всей остальной скотины; въ продолженіе десяти лѣтъ, старику, несмотря на всѣ старанія, никакъ не удавалось вывести ни одной лошаденки своего завода: всѣ или дохли, или оказывались слабыми; этотъ конекъ вознаградилъ его наконецъ за всѣ неудачи: сѣрый меренокъ, которому пошелъ уже четвертый годъ, удался во всѣхъ статьяхъ; старикъ не могъ на него нарадоваться и берегъ его пуще глазу.

Петръ отворилъ ворота и вышелъ съ лошадьми на улицу. Немного погодя, онъ вернулся, поднялся на крыльцо и сѣлъ подлѣ отца на лавку, которую поставила жена.

X.

— Что, какъ ноньче день? спросилъ старикъ.

— Ничего, батюшка, ладно; рожь совсѣмъ рѣшилъ, завтра возить стану.

— Сыплется, чай?

— Сыплется, только не много; въ пору захватили; умолотъ будетъ знатный!..

Въ эту минуту старуха поставила на столъ чашку съ тертымъ горохомъ, приправленнымъ масломъ.

— Ты, касатикъ, хлѣбца-то новенькаго отвѣдай, сказала она, подавая мужу полновѣсный ломоть и крѣпко нажимая его пальцами, какъ-бы желая доказать этимъ мягкость и доброкачественность хлѣба:— отвѣдай, батюшка; съ прошлаго года новенькаго хлѣбца не ѣли...

— Ой, бабушка, пропусти! ой, не пролѣзу; охъ!!.. отчаянно прокричала вдругъ Дуня, стараясь пролѣзть между столомъ и лавкой и всѣми силами упирая животъ Васьки въ край лавки, а собственный затылокъ въ столъ:—ой, не пролѣзу! бабушка пропусти! повторила она, но уже со слезами въ голосѣ.

— Ступай, родная; ступай, Христосъ съ тобою... промолвила бабушка, торопливо отодвигая лавку.

— Ой, тятька, пропусти... ой, уроню Ваську! снова закри-

чала Дуня, увязая на этотъ разъ между столомъ и колѣнями отца.

Петръ привсталъ и подсобилъ дочкѣ усѣсться съ Васькой между собой и дѣдомъ.

Во время этихъ переходовъ и неудачъ, повторявшихся сто разъ на день, на долю Васьки выпадало всегда большее число испытаній, даромъ что сидѣлъ онъ постоянно на рукахъ сестры и казался вдвое ея сильнѣе. Часто тоненькія руки Дуни туго обхватывали Ваську поперегъ живота; часто, заигравшись на улицѣ съ подругами и поспѣшая на зовъ матери или бабушки, она въ торопяхъ брала Ваську такимъ образомъ, что онъ совсѣмъ перевѣшивался на бокъ, цѣпляясь рученками за ея рубашку; случалось даже Васькѣ висѣть головою внизъ и болтать въ воздухѣ ногами; но все это было ему рѣшительно ни почемъ; въ какое бы трудное положеніе ни приводила его Дуня, онъ казался совершенно довольнымъ и никогда не пищалъ; но за то стоило сестрѣ попробовать посадить его на лавку или на траву, — Васька мгновенно багровѣлъ, начиналъ трясти руками, наливался весь кровью, такъ что даже кожа его лоснилась,—и разражался вдругъ пронзительнымъ воемъ, который сію же минуту привлекалъ и мать и бабушку.

Усѣвшись со своимъ неизбѣжнымъ спутникомъ, который открылъ ротъ, какъ только услышалъ запахъ ѣды, — Дуня придвинулась къ чашкѣ; ложка дѣвочки ни разу не коснулась ея губъ безъ того, чтобы сначала не попасть въ ротъ брата; она пичкала его съ такимъ усердіемъ, Васька такъ уписывалъ, что отецъ и мать только посмѣивались.

Одна бабушка не раздѣляла ихъ веселости.

— Ѣшь, батюшка; кушай на здоровье, касатикъ, Христосъ съ тобою! повторяла старушка озабоченнымъ голосомъ.

Послѣ ужина Карпъ обратился къ востоку, перекрестился и потребовалъ шапку.

— Куда ты? Никакъ идти собрался? спросила старуха.

— Да; дѣло такое вышло... Шапку давай! повторилъ Карпъ, усаживаясь на ступени крыльца, чтобы снять лапти.

— Куда ты, батюшка? Никакъ взаправду идти хочешь?.. спросилъ въ свою очередь Петръ.

— Да, на рѣку надо сходить...

— Ты бы завтра; не то мнѣ вели,—я сбѣгаю.

— Нѣтъ, дѣло такое, надо самому идти,—приду, отдохну потомъ.

— Карпъ взялъ шапку и вышелъ за ворота, плотно заперевъ ихъ за собою.

XI.

Темная звѣздная ночь давнымъ-давно облила небо.

Выйдя за околицу, Карпъ нѣсколько разъ шмыгнулъ босою ногою по травѣ; нога его осталась почти сухою; воздухъ, не освѣженный росою, былъ тяжелъ, душенъ, точно передъ грозою; нигдѣ однакожъ не видно было признака тучи; только зарницы, вспыхивая поминутно, обливали окрестность красноватымъ своимъ свѣтомъ.

Дорога на Оку шла все время по берегу маленькой рѣчки; сдѣлавъ крутой поворотъ за Антоновкой, рѣчка протекала дномъ плоской долины и версты три далѣе впадала въ Оку. Мѣстами бока долины съуживались, мѣстами расходились, образуя по обѣимъ сторонамъ рѣчки болѣе или менѣе пространныя луговины.

Приближаясь къ первому изъ этихъ луговъ, Карпъ услышалъ лошадиное фыркавье, сопровождаемое визгомъ и глухими ударами копытъ. При блескѣ зарницъ различилъ онъ табунъ, который только-что выгнали въ „ночное". Старикъ свернулъ съ дороги и пошелъ къ лошадямъ. Почти въ ту же минуту его окликнули.

— Кто идетъ?..

— Я, отозвался Карпъ, направляясь прямо къ длинному человѣру, который такъ же скоро шелъ къ нему на встрѣчу.

— Ты, Карпъ Иваны чъ? заговорилъ длинный человѣкъ тоненькой надорванной фистулой, которая заслужила ему еще съ дѣтства прозвище Воробья:—я вечоръ еще собирался поговорить съ тобою...

— Объ чемъ это?

— Сродственникъ твой Ѳедотъ, что женатъ на твоей племянницѣ, нанялся теперь на люблинской мельницѣ...

— Знаю: ну такъ что-жъ?

— Скажи ему, произнесъ Воробей, неожиданно оживляясь, при чемъ голосъ его сдѣлался еще пронзительнѣе:—скажи ему, коли станетъ онъ шляться у моей риги, или застану его опять у себя въ огородѣ,—ему такъ не сойдетъ; тамъ, что ни выйдетъ, на себя пусть пеняетъ!..

— Что ты, Андрей; въ другомъ чемъ не постою за него, а на счетъ то-есть боловства такого, чтобы на чужое добро польстился,—этого за нимъ никогда не водилось; никогда объ этомъ слуху даже не было...

— Я не насчетъ того говорю, подхватилъ Воробей тѣмъ же раздраженнымъ голосомъ: — я знаю, чего ему надо; онъ, собака, къ сестрѣ моей подлащивается, вотъ что! Она хоть и солдатка, человѣкъ вольный, а пока съ нами живетъ, не хочу я этого сраму брать... Не хочу, чтобы ходилъ онъ къ намъ! Ей Богу, провалиться на мѣстѣ,—коли еще разъ застану въ ригѣ или увижу въ огородѣ, — ей Богу, мы съ братомъ намнемъ ему бока, такъ что не встанетъ!.. Такъ и скажи, коли увидишь; такъ и скажи! Ей Богу, исколотимъ всего въ одинъ синякъ! Такъ и скажи!

Въ отвѣтъ на это Карпъ только тряхнулъ шапкой и досадливо крякнулъ. Разсудивъ, что при теперешнемъ настроенiи Воробья, нечего думать поручать ему присмотрѣть за мереномъ, старикъ простился съ Андреемъ и, обѣщавъ поговорить Ѳедоту, поплелся далѣе.

Вскорѣ шумъ табуна началъ удаляться и наконецъ совсѣмъ пропалъ.

Мертвая тишина стояла надъ рѣкою и склонами долины, которые то озарялись зарницами, то погружались въ темноту непроницаемую.

Карпъ услышалъ шумъ небольшой мельницы, которую также содержалъ богатый люблинскiй мельникъ. Люблинская мельница находилась уже при самомъ впаденiи рѣчки въ Оку. Миновавъ плотину и пройдя вдоль забора, ограждавшаго мельничный дворъ, за которымъ раздался сиплый лай цѣпной собаки, Карпъ продолжалъ путь другимъ берегомъ рѣки.

Съ этой стороны бокъ долины неожиданно измѣнялся; склонъ ея подымался круче, и весь, сверху до низу, покрытъ былъ густымъ орѣшникомъ; мѣстами, какъ остовы великановъ, возвышались надъ чащей сухiе столѣтнiе дубы, простиравшiе къ

небу черныя, причудливо изогнутыя вѣтви. Немного далѣе, лѣсъ, какъ словно насильственно раздвинутый, оставлялъ съ вершины холма до-низу совершенно голую почву, покрытую рядами ямъ и бугровъ, которые, каждый разъ какъ вздрагивала зарница, придавали перелѣску особенно мрачный, пустынный характеръ.

XII.

Мѣсто это считалось вообще „недобрымъ“ въ околоткѣ. Тутъ, сказывали, находилась когда-то деревня, которая до послѣдней щепочки выгорѣла отъ громоваго огня. Носились также слухи, будто въ давнія времена Ока, при весеннемъ разлитіи, принесла сюда росшиву, нагруженную татарскимъ золотомъ; барка застряла именно въ этомъ мѣстѣ, послѣ чего ее до-верху занесло иломъ. Лѣтъ тридцать назадъ, нашелся одинокой старый мужичокъ (Карпъ помнилъ его очень хорошо), который не шутя прельстился сокровищами, скрывавшимися будто бы въ этомъ мѣстѣ. Онъ сталъ ходить сюда чаще и чаще: сначала ходилъ онъ такъ, ради любопытства; осмотрѣться, что ли, ему прежде хотѣлось,—неизвѣстно; потомъ началъ брать съ собою скребокъ и уже каждый день, съ утра до вечера, съ зари до зари, проводилъ время, взрывая и ворочая землю. Такъ провелъ онъ цѣлое лѣто. Онъ съ каждымъ днемъ замѣтно болѣе и болѣе впадалъ въ раздумье; мало по малу пересталъ онъ съ людьми разговаривать, началъ дичиться и бѣгать отъ ближайшихъ знакомыхъ. Разъ, — это было уже осенью,—батраки люблинской мельницы, проходя мимо этого мѣста холодною морозною зарею, нашли старика распростертаго навзничь, съ лопатою въ рукахъ; стали его окликать, подошли ближе,—онъ былъ мертвъ.

Множество бабъ и даже нѣкоторые, повидимому, степенные люди положительно утверждали, что самимъ имъ случалось, проходя мимо Глинища (такъ звали мѣсто), слышать подземный жалобный стонъ, отъ котораго сами собою начинали шевелиться уши и холодъ пробѣгалъ по спинѣ и волосамъ. Короче сказать, мѣсто считалось „проклятымъ,“ и рѣдкій чело-

вѣкъ, даже средь бѣлаго дня, не проходилъ мимо, не ускоряя шага.

Но Карпъ, надо полагать, не вѣрилъ такимъ слухамъ; быть можетъ также, чувство страха ослаблялось въ немъ привычкой; болѣе шестидесяти лѣтъ ходилъ онъ мимо Глинища и во все это время ни разу съ нимъ ничего не случилось. Мудренаго нѣтъ тоже, мысли Карпа слишкомъ сильно заняты были предстоящей бесѣдой съ Аксеномъ, чтобы могъ онъ обратить на что нибудь вниманіе.

По мѣрѣ приближенія къ Окѣ, лѣсъ рѣдѣлъ и щеки долины расходились, оставляя мѣсто просторнымъ лугамъ. Въ непроницаемо-темной глубинѣ сверкнула наконецъ Ока; по мѣрѣ того какъ рѣка открывалась, удушливый воздухъ замѣтно освѣжался. Слѣва, надъ берегомъ, возносились черными неправильными углами строенія большой люблинской мельницы. Дорога дѣлала неожиданно поворотъ и прямо вела къ парому. Въ то время, когда Карпъ проходилъ мимо пристани, парома не было; недвижною темною точкой стоялъ онъ, казалось, на гладкой поверхности рѣки, отражавшей миріады мигающихъ звѣздъ. Далѣе, шагахъ во ста отъ пристани, громоздилась куча бревенъ; тутъ же насупротивъ возвышалось нѣсколько новыхъ, не покрытыхъ срубовъ.

Проходя мимо одного изъ нихъ, Карпъ невольно пріостановился и оглядѣлъ его сверху до-низу; это была та самая изба, которую приторговалъ онъ у Аксена.

Карпъ прямо пошелъ къ маленькой крытой избушкѣ, въ которой, лѣтнею порою, помѣщался обыкновенно Аксенъ.

У входа, на травѣ, раскинувшись на войлокѣ и прикрывшись полушубкомъ, лежалъ человѣкъ, который храпѣлъ „во всю ивановскую.“

XIII.

— Аксенъ! сказалъ Карпъ, нагибаясь къ спавшему и слегка подталкивая его: — Аксенъ Андреевъ!..

— А?!.. проговорилъ Аксенъ, высовывая изъ-подъ овчины голову и прерывая свой сонъ безо всякаго затрудненія, — съ легкостію, свойственною вообще тѣмъ дѣятельнымъ простолю-

динамъ, для которыхъ первый жизненный вопросъ — дѣло, барышъ, и которые отдаются отдыху не въ условный часъ, не когда захочется, а когда свободно и гдѣ придется.

— Къ тебѣ, Аксенъ Андреичъ! вымолвилъ старикъ не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ: — въ другое время негосугъ ходить; ты присылалъ ко мнѣ нонче Ѳедота.

— Посылать — не посылалъ, только велѣлъ сказать при случаѣ: ты бы ко мнѣ какъ нибудь понавѣдался.

— Сказывалъ онъ... Я все въ толкъ не возьму, Аксенъ, право, въ толкъ не возьму; вѣдь я тебѣ семьдесять рублей задатку отдалъ...

— Отдалъ.

— Тогда уговоръ у насъ былъ: семьдесять рублей задатку, а въ осень, послѣ уборки, остальныя деньги... Совсѣмъ было того—поладили; теперь что-жъ это будетъ такое? Вѣдь этакъ, Аксенъ, негодится, право, негодится!..

— Экой ты, братецъ мой, чудной какой! — право, чудной! Я отъ задатка твоего развѣ отказываюсь? Говорю только: надо какъ нибудь сладить, потому выходитъ дѣло совсѣмъ несходное. Всякъ свой барышъ наблюдаетъ; ты норовишь себѣ потрафить,—я себѣ... Вотъ теперича человѣкъ двадцать напрашиваются на избу-то! — и деньги всѣ сейчасъ отдаютъ, какъ есть до копѣйки! На прошлой недѣлѣ высѣловскій мужичокъ приходилъ ко мнѣ; такъ тотъ тридцать рублей лишку давалъ, въ упросъ просилъ: отдай только! Разсуди самъ теперича: люди деньги выкладываютъ, барыши даютъ; за тобой надо ждать еще два мѣсяца, пожалуй что и тогда не раздѣлаешься съ хлѣбомъ, — не соберешься съ деньгами... Суди, сходно-ли? А насчетъ задатка говорить нечего, возьми его хоть завтра...

— Что-жъ ты прежде мнѣ объ этомъ не сказывалъ? произнесъ старикъ досадливымъ голосомъ; — вишь время какое, — самая уборка! Самъ знаешь: гдѣ нашему брату достать денегъ?.. Гдѣ ихъ взять?! .

— Денегъ у тебя не спрашиваю; можетъ, такъ какъ нибудь безъ денегъ сойдемся.

Карпъ ясно понялъ, что Аксенъ не спроста отказывался отъ денегъ, что вѣрно держалъ на умѣ какое нибудь намѣреніе. Старикъ не показалъ, однакожъ, виду своего недоумѣнья; онъ сдѣлался только внимательнѣе прежняго.

— Вотъ къ осени коровъ стану бить на мясо, проговорилъ Аксенъ. — не найдется ли у тебя лишней скотины?..

— Всего одна корова.

— Ну, въ другомъ чемъ сойдемся... У тебя меренокъ сѣрый трехгодовалый... его отдай; цѣну, какую положишь, та и пойдетъ въ счетъ избы...

Предложенiе Аксена поразило Карпа самымъ неожиданнымъ образомъ. Онъ зналъ очень хорошо, что Аксенъ не тотъ человѣкъ, чтобы сталъ говорить зря и на обумъ касательно прiобрѣтенiя лошади, что вѣрно онъ имѣлъ свои виды, что все это давно было у него обдумано.

Несмотря на свою наружную простоту и сговорчивость, Аксенъ принадлежалъ къ числу самыхъ тонкихъ, самыхъ пронырливыхъ и хитрыхъ мужиковъ уѣзда. Способность его пронюхивать барышъ тамъ, гдѣ другiе барыша не подозрѣвали, могла только равняться съ его оборотливостiю и неутомимою дѣятельностiю. Аксена видѣли всюду, на всѣхъ ярмаркахъ, базарахъ, по пристанямъ въ торговые дни; онъ велъ торговлю сплавнымъ лѣсомъ, досками, солилъ солонину, торговалъ говядиной, жегъ кирпичи и известку, скупалъ рощи, снималъ сады у помѣщиковъ. Нельзя сказать, чтобы товаръ его былъ хорошъ и отличался доброкачественностiю; все дѣлалось спѣшно, зря, на живую руку: говядина была тощая, яблоки снимались не зрѣлыми, срубленный лѣсъ продавался всегда сырымъ, кирпичи были недопечены.— „Ничего, сойдетъ!" говорилъ всегда Аксенъ. И точно, крестьяне и помѣщики уѣзда поневолѣ должны были обращаться къ Аксену, который силою денегъ и дѣятельности завладѣлъ мелкою торговлею уѣзда.

Карпъ зналъ также, — и это всего болѣе приводило старика въ разстройство, — что, при простотѣ своей и сговорчивости, Аксенъ — человѣкъ крѣпкiй, какъ кремень; если ужъ что заберетъ въ голову, ни за что не отступится. Нечего значить было и разговаривать; надо было тутъ же рѣшиться или уступить сѣраго меренка, или взять назадъ задатокъ и отказаться отъ избы. Тѣмъ не менѣе Карпу обидно какъ-то показалось уступить сразу, съ перваго слова.

— Разсуди теперь и ты, Аксенъ Андреичъ, произнесъ онъ внушительно: - у меня двѣ лошади: хорошо, отдамъ я тебѣ меренка, какъ же я при одной останусь?..

— Скоро осень, а тамъ и зима привалитъ; больше одной лошади держать тогда не зачѣмъ; у васъ же всѣ на оброкѣ, обозовъ не справляютъ; зачѣмъ двѣ лошади? Куда ихъ? только кормъ травить понапрасну... Пожалуй, я и на то согласенъ: до того времени, какъ въ полѣ работа не кончится, оставь у себя мерена, я за этимъ не погонюсь.

— Кто-жъ тебѣ объ немъ сказывалъ? спросилъ Карпъ, у котораго при этомъ словно подступило къ сердцу.

— Мало ли сюда ходитъ всякаго народу... изъ вашей деревни, изъ другихъ также;—пуще, признаться, хвасталъ сродственникъ твой Ѳедотъ...

— Онъ-то, собака, изъ чего?!.. промолвилъ старикъ, быстро сжимая кулаки и такъ же скоро разжимая ихъ, чтобы не замѣтилъ этого собесѣдникъ.

— Ужъ этого я не знаю; только каждый день придетъ и давай хвалить... Заѣзжай, говоритъ, погляди да погляди! Было мнѣ къ вамъ по дорогѣ, я и подъѣхалъ къ вашему табуну... Ѳедотъ со мной ввязался: онъ и лошадь указалъ... Точно, лошаденка складная; шестьдесятъ рублевъ можно дать.

Подвернись въ эту минуту Ѳедотъ, старикъ разругалъ бы его на всѣ бока; мало того, вцѣпился бы, кажется, въ жиденькую бородку родственника и трясъ бы ее до тѣхъ поръ, пока волоска не осталось.

Тутъ между Карпомъ и Аксеномъ завязался сильный торгъ, который кончился тѣмъ, что Аксенъ прибавилъ за мерена еще четыре съ полтиной; на томъ дѣло и остановилось. Эти шестьдесятъ четыре съ полтиной, приложенные къ прежнимъ семидесяти рублямъ, составляли сумму, которая, въ качествѣ задатка, совершенно удовлетворяла Аксена; съ Карпа оставалась получить около ста рублей; Аксенъ соглашался ждать эти деньги до осени, какъ прежде было условлено.

— Когда же за мереномъ-то прислать? спросилъ Аксенъ.

— Хошь завтра, хошь послѣ завтра,—когда хочешь! проговорилъ Карпъ отрывисто.

Онъ поправилъ шапку, которая во время этихъ разговоровъ совсѣмъ скосилась на сторону и, простившись съ Аксеномъ, повернулъ на дорогу.

— Эй, слышь Карпъ! крикнулъ Аксенъ, дѣлая шагъ впередъ;—слышь,—Ѳедотъ ко мнѣ просится; взять его, что ли

— Провались онъ совсѣмъ! нетерпѣливо возразилъ Карпъ.

— Не брать, стало, что ли?

— Вѣдь онъ, собака его ѣшь, двѣ недѣли всего нанялся на люблинской мельницѣ,—чего ему еще? спросилъ Карпъ, останавливаясь:—три цѣлковыхъ въ недѣлю жалованья одного получаетъ, чего-жъ еще—собакѣ!

— Онъ, что ли, тебѣ сказывалъ? смѣясь вымолвилъ Аксенъ:—ну, здоровъ значитъ врать-то! Всего за четыре рубли въ мѣсяцъ живетъ: за ту же цѣну и ко мнѣ просится; такъ какъ же, по твоему, взять его, что ли?

— А песъ его возьми совсѣмъ! съ сердцемъ сказалъ Карпъ, удаляясь.

XIV.

Когда Карпъ подошелъ къ окраинѣ той части берега, гдѣ находилась пристань, паромъ стоялъ уже на причалѣ. Фигуры двухъ перевозчиковъ смутно обозначались на пескѣ берега; сколько можно судить по голосамъ, тутъ кромѣ перевозчиковъ находилось еще нѣсколько человѣкъ. Всѣ они сидѣли у самой воды и громко разговаривали. Проходя мимо, Карпъ явственно услышалъ голосъ Ѳедота.

Первымъ движеніемъ старика было сойдти по скату берега, и тутъ же, при людяхъ, осрамить Ѳедота и разругать его на чемъ свѣтъ стоитъ; но онъ удержался, разсудивъ тотчасъ же, что этимъ дѣла не поправишь. Ктому же, степенный нравъ старика противился всякому шуму и брани,—особенно на міру, при чужихъ людяхъ.

„Ну его, поганца! подвернется гдѣ нибудь въ одиночку,—я ему тогда все припомню!“ подумалъ старикъ, отводя глаза отъ парома.

Голосъ Ѳедота громко раздавался; замѣтно было, онъ говорилъ съ жаромъ и увлеченіемъ.

Карпъ невольно замедлилъ шагъ; минуту спустя онъ остановился и насторожилъ слухъ; любопытно стало ему послушать, о чемъ это такъ горячо тараторилъ его родственникъ.

— Эка невидаль пять пудовъ поднять! какъ жилъ я на

крупчатой мельницѣ подъ Коломной, такіе у насъ батраки были, мѣшка по четыре пшеницы въ третій верхъ таскали! Значитъ, пудовъ по десяти! Самому бывало не однова случалось... Извѣстно, былъ я въ ту пору помоложе!.. Да это что, братцы,— вотъ дѣдъ былъ у меня, такъ точно была силища! Супротивъ него такихъ теперь и людей нѣтъ! Пойдемъ, бывало, на пристань въ базарный день, распоясается: — „выходи!“ кричитъ; перваго, кто покуражился, хлобызнетъ, бывало, подъ сусолы, либо подъ микитки,—тутъ тому и конецъ... Бывало, часа по три безъ отдыха бьется, весь даже синій сдѣлается, словно чугунный котелъ; а все, кто не подвернется, — такъ и кладетъ лоскомъ. „Нѣтъ еще, говоритъ, человѣка такого, кто бы побѣдилъ меня! Былъ бы только, говоритъ, крестъ на человѣкѣ, со всякимъ буду драться, никого не боюсь!..“ Такая была крѣпкая скотина!.. А насчетъ того, о чемъ прежде спрашивали, братцы,—это мнѣ наплевать! я былъ и самъ у Герасима (такъ звали люблинскаго мельника),—ни за что не остался! Нанялся я у него потому больше, что надо какъ нибудь время проволочить недѣльки еще на четыре! съ увѣренностію продолжалъ Ѳедотъ: — такой уговоръ былъ у меня съ купцомъ Бахрушинымъ... Прокофій Андреичъ—звать... Вы, чай, объ немъ слыхали? первѣйшій купецъ въ Коломнѣ, мильонщикъ, торгуетъ на первый сортъ, и въ Москвѣ также лавку свою содержитъ... Такой уговоръ былъ у насъ: — „какъ подѣлюсь, говоритъ, съ братомъ, ты, Ѳедотъ Васильичъ, ко мнѣ поступай, и жалованье, примѣрно, и все такое, говоритъ, будетъ тебѣ по самому настоящему положенью...“ Онъ сродни мнѣ доводится... по женѣ... Потому жена моя купеческаго званья... Жду, значитъ, теперича этого раздѣла промежъ братьевъ; по той самой причинѣ и поступилъ сюда... Главная причина, мы къ этой мельницкой должности не пріучены; жили все по торговой части, этимъ больше съ измалѣтства занимались, и родители мои также... Упокойный родитель трактиръ содержалъ; также лавку съ краснымъ товаромъ.

— Вы, значитъ, въ городѣ жили? спросилъ одинъ изъ слушателей.

— Нѣтъ, дома; только у насъ село больше другаго города; церквей однихъ семь и всѣ каменныя; дома также всѣ каменные; фабрикъ однихъ никакъ пять или шесть... Все богачи содер-

жать, купцы московскіе и серпуховскіе... Мы къ торговлѣ съ малыхъ лѣтъ пріобучены... Во всемъ, значитъ, привычка требуется... Посади теперь любаго изъ васъ, братцы, въ лавку, либо въ трактиръ, какъ есть ни одинъ не управится,—въ лѣсу все единственно!..

— Гдѣ? куда тебѣ! Ужъ это какъ есть! отозвалось нѣсколько слушателей,

— Главная причина, Прокофій Андреичъ потому и звалъ меня; знаетъ, я ихнее дѣло наскрозь произошелъ... Хозяйка моя тѣмъ временемъ своимъ домомъ станетъ управляться... У нея двѣ батрачки... да еще дѣвочку нанимаетъ для подмоги.

— Что-жъ много? спросилъ кто-то.

— А ты думаешь, какъ? еще словоохотливѣе заговорилъ Ѳедотъ:—у меня домъ-то немалое количество: въ три сруба выстроенъ!.. Въ нашихъ мѣстахъ всѣ такъ строятъ; пѣть этихъ здѣшнихъ избъ... Внизу стряпаютъ; работницы и батраки живутъ...

— Ты развѣ и батраковъ держишь?

— А то какже? Двухъ нанимаю... Кто-жъ бы землю-то сталъ пахать?!. У насъ земли и луговъ не то, что здѣсь... Ну, внизу батраки, вверху горница,—мы съ женою занимаемъ... Вотъ, братцы, коли кто изъ васъ въ Москву пойдетъ, заходите дорогой... Меня не будетъ, все единственно, къ хозяйкѣ моей зайдите; скажите: „Ѳедотъ, молъ, прислалъ"; сами посмотрите наше житье... Прошлаго года домъ мой подъ трактиръ нанимали, только не отдалъ; несходно... И хозяйка такъ говоритъ: „не отдавай, говоритъ, Ѳедотъ Васильичъ; самимъ потомъ нанимать надо, одно на одно выйдетъ..." Заходите же, братцы; посмотрите на мое житье, сами скажете: изъ какого, молъ, дьявола таскаться такъ-то Ѳедоту по мельницамъ!..

— То-то и я такъ думаю... проговорилъ тономъ недовѣрія и насмѣшки одинъ изъ слушателей: — хошь бы теперича набиваешся ты къ Аксену въ работники... Изъ какой такой неволи?..

— Эхъ, братецъ ты мой! произнесъ Ѳедотъ съ такимъ выраженіемъ, что можно было думать, онъ обращался къ пустому и вздорному малому, который совался въ разговоръ затѣмъ только, чтобы противорѣчить.—Говорю вамъ, братцы, пуще всего надо проволочить время. Пока Прокофій Андреичъ съ

братомъ не подѣлятся, — все же одно, дѣлать нечего. деньги свои попапрасну проживать, что ли?

— Денежки-то стало водятся?

— Да, проговорилъ Өедотъ съ какою-то густотою въ голосѣ:— послѣ упокойнаго родителя тысьченки двѣ можетъ осталось... и теперича есть...

— Врешь! отозвались почти всѣ въ одинъ голосъ.

— Приходите, покажу... И больше было, только домъ дорого сталъ па стройку много пошло...

— Гдѣ-жъ у тебя эти деньги? спросилъ кто-то.

— Извѣстно, въ сундукѣ спрятаны; гдѣ-жъ имъ больше быть?..

— Ужъ подлинно: охота пуще неволи! снова замѣтилъ собесѣдникъ, обращавшійся съ недовѣрчивостію:—будь у меня такія деньги, сталъ бы я какже по чужимъ людямъ шляться...

— Говоришь такъ. братецъ ты мой, потому,—денегъ у тебя нѣтъ своихъ,—вотъ что! были бы, сталъ бы беречь ихъ, все единственно... Коли сила есть въ тебѣ, почему-жъ и не поработать? разсудительно продолжалъ Өедотъ:—бережешь пуще къ старости, было бы тогда чѣмъ прожить, вотъ что! Хоронишь также деньги изъ осторожности: люди бы не зарились, взаймы не просили: покажи только; тотъ: „Өедотъ Васильичъ, ссуди"; другой: „Өедотъ Васильичъ, ссуди..." Дашь,—поди ищи потомъ, не то и вовсе пропали... Ужъ вѣдь бывали статьи такія! У меня сродство большое... Есть богатые, есть и бѣдные... всякіе есть!.. Вотъ бы хошь теперь въ Антоновкѣ, можетъ знаете, старикъ живетъ, Карпомъ звать?.. сродни приводится... Также не мало ему отъ меня денегъ-то перепало... почитай, я его и поправилъ... Теперь избу новую торгуетъ... Покажи только деньги, вынь ихъ, сейчасъ пристанетъ: „дай, да дай!.." Потому больше ихъ и хоронишь!..

XV.

Карпъ слушалъ-слушалъ, и только качалъ головою, пожималъ губами и время отъ времени ударялъ ладонями по колѣнямъ.. При послѣднихъ словахъ Өедота онъ только плюнулъ.

— Ахъ ты, провалъ тебя возьми! собака ты этакая, не-

путная!!.. проговорилъ онъ, выходя на дорогу и ускоряя шагъ.

Перебирая все, что привелось теперь слышать, старикъ невольно забылъ на минуту свое горе; онъ началъ даже усмѣхаться.

Дѣйствительно, было надъ чѣмъ потѣшиться. Во всемъ, что говорилъ Ѳедотъ, не было правды на маковую росинку. Жилъ онъ въ маленькой разореной деревушкѣ, гдѣ не было даже часовни; домъ его состоялъ изъ полуобвалившейся дымной лачужки, имѣвшей видъ заплаты даже въ сосѣдствѣ невзрачныхъ избенокъ; не было у него ни сохи, ни лошади, ни коровы; землю свою отдавалъ онъ за девять рублей въ годъ одному изъ сосѣдей. Жена Ѳедота доводилась, какъ извѣстно, Карпу племянницей; она была круглая сирота и самъ же Карпъ снарядилъ ей, по силѣ своей, кой-какое приданое. Она существовала тѣмъ, что ходила работать то къ одной сосѣдкѣ, то къ другой, и жила въ страшной бѣдности. Ѳедотъ не заглядывалъ домой по цѣлымъ полугодамъ. Къ какому бы мѣсту онъ ни прилаживался, ему нигдѣ не уживалось; онъ самъ отходилъ, или его разсчитывали.

Въ первые два-три дня онъ приводилъ въ восхищеніе самаго взыскательнаго хозяина; расторопность его и усердіе въ работѣ — не имѣли границъ; онъ разомъ хватался за все, и все кипѣло и выправлялось въ рукахъ его; но только прикладывалъ онъ стараніе къ той части, для которой собственно его наняли, но радѣлъ и надсаживался тамъ, гдѣ, казалось, его вовсе не спрашивали; онъ выметалъ дворъ, чистилъ хозяйскій самоваръ, приколачивалъ жерди или доски тамъ, гдѣ онѣ доставляли удобство; и вдругъ, на третій или четвертый день, все это радѣніе плашмя падало; онъ ни съ того, ни съ сего насупливался, переставалъ говорить, словно его чѣмъ обидѣли, и наконецъ вовсе бросалъ заниматься дѣломъ: проводилъ деньденьской сидя у воротъ или такъ билъ баклуши. И все это происходило вовсе не потому, чтобы дѣйствительно нашелъ онъ поводъ быть чѣмъ нибудь недовольнымъ; такой ужъ видно капризъ нападалъ. Вдругъ казалось ему, что хозяева не довольно его цѣнятъ и не отдаютъ ему должнаго уваженія; или выходило все изъ того, что онъ вдругъ обижался, зачѣмъ при возвращеніи съ работы, хозяева не поставили ему самовара, тогда какъ онъ прежде вовсе не думалъ объ этомъ, никогда этого

не случалось, никогда даже не думали уговариваться насчетъ самовара ни хозяева, ни самъ Ѳедотъ. Какъ только такая дурь попадала Ѳедоту въ голову, онъ дѣлался невыносимъ. Онъ начиналъ смотрѣть на всѣхъ свысока, дѣлался недоступно-гордымъ и уже съ этой минуты никого не удостоивалъ словомъ; едва-едва даже отвѣчалъ хозяевамъ, когда тѣ спрашивали о самомъ важномъ дѣлѣ.

Разсказы Ѳедота не долго, впрочемъ, занимали Карпа; пославъ его мысленно къ нечистому, старикъ снова обратился къ настоящимъ своимъ дѣламъ и снова отдался прежнимъ тревожнымъ думамъ; къ нимъ присоединялась теперь мысль объ утратѣ сѣренькаго меренка, котораго онъ такъ долго ждалъ, берегъ и холилъ съ такою заботливостію.

Такимъ образомъ Карпъ незамѣтно почти возвратился въ Антоновку; онъ не пошелъ къ околицѣ, но повернулъ задами деревни, прошелъ къ себѣ въ ригу, помолился и растянулся на соломѣ, прикрывъ лицо шапкой.

XVI.

Въ сельской трудовой жизни, особенно съ апрѣля до октября, время пролетаетъ съ неимовѣрной быстротою; не успѣваешь кончить съ одной работой, смотришь, уже другая наготовѣ; въ иную пору скопляется вдругъ столько занятій, что длинный лѣтній день кажется короткимъ. Не смотря, что дѣло, повидимому, очень немногосложно, все ограничивается овсомъ, рожью и сѣномъ, руки неутомимо работаютъ и потъ льется ручьями въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ.

Самыя эти занятія такъ разнообразны и несхожи другъ съ другомъ, что каждое изъ нихъ не только вноситъ новыя условія въ жизнь простолюдина, но совершенно даже даетъ новую физіономію деревнѣ и окрестности. Всего какихъ нибудь четыре недѣли назадъ, деревни и села были пусты и оживлялись только по праздникамъ или къ вечеру, послѣ солнечнаго заката. Жизнь сосредоточивалась въ полѣ; тамъ кипѣла полная дѣятельность; тамъ отъ зари до зари неумолкаемо звенѣли косы, скрыпѣли воза и раздавался говоръ. Теперь все перемѣнилось;

теперь, въ свою очередь, опустѣло поле; самыя стрекозы и мухи неизвѣстно куда вдругъ дѣлись; изрѣдка слышится протяжное посвистываніе пастуха, который лѣниво подгоняетъ тощее крестьянское стадо.

Время и дожди не мало также содѣйствовали къ тому, чтобы дать окрестности другой характеръ; жара миновала и вмѣстѣ съ тѣмъ поблѣднѣло лучезарное небо, на которое нельзя было взглянуть не прищурясь. Рощи смотрятъ теперь бодро, хотя по опушкамъ начинаетъ кое-гдѣ показываться желтый листъ; луга сбросили болѣзненный видъ и снова стелются яркимъ зеленымъ бархатомъ; темныя увлаженныя десятины, только что засѣянныя подъ озимь, рѣзко отдѣляясь отъ блѣдно-желтаго жнивья, придаютъ картинность мѣстности, которая прежде затушевывалась скучнымъ, однообразнымъ сѣрымъ тономъ. Съ рѣчкой также произошла перемѣна; она стала полнѣе, такъ что сѣдые листья лопуха, которыми покрыты были песчаные откосы береговъ, кажутся теперь плавающими надъ водою. Ручьи, едва замѣтно пробиравшіеся между каменьями, звонко гремятъ теперь, унося съ быстротою обломки древесной коры и сухіе листья; но уже въ укромныхъ мѣстахъ, густо обросшихъ зарею и травами, тамъ гдѣ ручьи впадаютъ въ рѣку, — не роятся коромыслы со своими стеклянными головками и кисейными крыльями.

Но что особенно бросалось въ глаза, такъ это перемѣна въ Антоновкѣ. Она какъ словно обновилась. Всѣ почти избы покрыты новой соломой; на задахъ деревни неуклюжія риги заслонены скирдами, которыя, привлекательно круглясь въ сжатомъ пространствѣ гуменъ, гордо возносятъ свои остроконечныя макушки. Со всѣхъ сторонъ раздаются учащенные удары цѣповъ или слышится шумъ подбрасываемаго на воздухъ зерна, которое звонко падаетъ на гладко-убитый токъ.

Въ этой дѣятельности, сосредоточенной въ деревнѣ, всегда какъ-то меньше суетливости, чѣмъ въ полѣ, даромъ-что тамъ она сжата, здѣсь разсѣяна на большомъ пространствѣ. Въ полѣ чувствуется всегда присутствіе чего-то спѣшнаго, судорожно-хлопотливаго,—словно весь работающій людъ находится подъ вліяніемъ тревожнаго какого-то ожиданія; въ деревнѣ совсѣмъ не то; прислушайтесь осенью, въ будничный день, къ деревенскимъ звукамъ—въ нихъ нѣтъ ничего безпокойнаго. Со всѣхъ

сторонъ бьютъ цѣпы, шумитъ рожь, а между тѣмъ нѣтъ тревоги, нѣтъ суетливости; отовсюду вѣетъ миромъ и кротостію,— чѣмъ-то такимъ, что сообщаетъ душѣ спокойное, удовлетворенное чувство.

Тайна этого не заключается ли въ тѣхъ высокихъ скирдахъ ржи и овса, которыя заслоняютъ гумно каждаго почти крестьянина?..

XVII.

Хотя ворота карповой риги,—тѣ ворота, которыя отворялись на токъ, — были настежь раскрыты, нечего было думать приступать съ этой стороны. Изъ воротъ вылетало, клубясь и подымаясь кверху, цѣлое облако пыли; передъ входомъ громоздился ворохъ куколи, мякины и всякаго сору; кромѣ того, легкая летѣвшая пыль ослѣпила бы глаза. Надо было обогнуть строеніе и войти въ другія ворота, также настежь отворенныя, но обращенныя къ полямъ, откуда тянулъ легкій вѣтерокъ.

При входѣ въ ригу, сначала рѣшительно ничего нельзя было разсмотрѣть отъ рѣзкаго перехода изъ свѣта подъ темную крышу, но это проходило скоро. Прежде всего выставлялись горы взбитой соломы и между ними, сквозь облако пыли, виднѣлись Карпъ, его сынъ и сноха, которые, стоя другъ противъ друга, неистово махали цѣпами, стараясь повидимому истребить одинъ другаго; потомъ, при взглядѣ на верхъ, постепенно выяснялись кривыя стропилы и пучки соломы, изъ которыхъ поминутно вылетали ласточки, стремительно пропадавшія въ свѣтломъ пятнѣ воротъ. Подъ конецъ, глазъ совершенно привыкалъ, начиналъ даже любоваться коричневымъ полусвѣтомъ, который наполнялъ ригу и постепенно темнѣлъ, приближаясь къ воротамъ, какъ бы для того, чтобы еще рѣзче выставить всю миловидность свѣтлаго пейзажа съ клочкомъ голубаго неба, зеленымъ лужкомъ и сверкающимъ бѣлымъ облакомъ, отражавшимся въ поворотѣ рѣчки.

Судя по солнцу, время приближалось къ полудню, когда

за плетнемъ неожиданно раздались чьи-то охи; вслѣдъ затѣмъ, въ свѣтломъ пространствѣ воротъ показалась Дуня.

Пройдя отъ дому до риги, она совсѣмъ уже запыхалась и черезъ силу поддерживала Ваську; выпучивъ глаза и засунувъ въ ротъ указательный палецъ, Васька такъ же мало повидимому заботился о рукахъ сестры, какъ паша какой нибудь о диванѣ, на которомъ покоится.

— Ухъ! вымолвила Дуня, переваливая Ваську на другое плечо.—Дѣдушка, староста зоветъ! подхватила она торопливо:— стучитъ подъ окнами, народъ собираетъ... Подъ ветлой на улицѣ народъ собирается!..

— Чего имъ тамъ надо!.. произнесъ Карпъ, опуская цѣпъ.

— Не знаю, дѣдушка! отозвалась внучка, думавшая, что вопросъ къ ней относился.

— Гаврило никакъ въ контору не ѣздилъ... замѣтилъ Петръ.

— Оттуда, можетъ, приказъ прислали, сказалъ Карпъ, надѣвая шапку и отирая рукавомъ лицо, совсѣмъ почернѣвшее отъ пыли. Скоро время обѣдать, вымолвилъ онъ, останавливаясь въ воротахъ:—вы, какъ копну домолотите, домой ступайте; я скоро приду.

— Ладно, батюшка! отозвался сынъ, принимаясь снова за цѣпъ.

XVIII.

Народъ дѣйствительно собирался къ ветлѣ, бросавшей тѣнь на тесовую крышу мірскаго магазина. Еще издали Карпъ услышалъ шумный говоръ. Судя по тому, съ какою поспѣшностію крестьяне шли къ сборному мѣсту, надо было думать, причина сбора была немаловажная и слухъ о ней успѣлъ уже обѣжать деревню.

Карпъ ускорилъ шагъ.

— Карпъ, слышалъ? обратился къ нему старый мужичокъ, толкавшійся вмѣстѣ съ другими.

— Ничего не знаю...

— Оброкъ требуютъ!

— Какъ такъ?

— Теперь, говорятъ, требуютъ...

— Срокъ къ Кузьмѣ и Демьяну; всегда такъ отдавали... Еще семь недѣль до срока остается...

— Теперь, говорю, требуютъ! Изъ конторы писарь съ бумагой пріѣхалъ; сказываютъ, наказъ такой изъ Питера баринъ прислалъ...

— Кто сказывалъ-то?

— Гаврило; онъ и бумагу читалъ...

Карпъ, приведенный въ смущенье такимъ извѣстіемъ, началъ протискиваться въ кружокъ, чтобы узнать что нибудь повѣрнѣе; но толку нельзя было добиться никакого; всѣ говорили въ одно и то же время, и всѣ говорили разное, перетолковывая каждый по своему. Теперь, какъ и всегда впрочемъ въ случаяхъ мірской сходки, первымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся рыжій Филиппъ, тотъ самый, который смѣлѣе другихъ выражалъ когда-то въ полѣ свое мнѣнье.

Голосъ его на этотъ разъ не покрывалъ остальныхъ голосовъ; тѣмъ не менѣе, плечистая фигура его, цѣлою головою почти превышавшая толпу, появлялась то въ одномъ концѣ сборища, то въ другомъ; шапка его то-и-дѣло пригибалась къ уху товарищей, съ которыми не переставалъ онъ втихомолку, но съ одушевленіемъ разговаривать.

— Гдѣ-жъ староста? Куда его носитъ! всѣ никакъ собрались... Кого еще надо?.. громко наконецъ произнесъ Филиппъ, выпрямляя голову. — Эй, Гаврило! крикнулъ онъ еще громче, поглядывая на улицу и обращаясь къ старостѣ, который обходилъ послѣднія избы, постукивая въ окна.—Эй, староста! ступай! Всѣ ужъ здѣсь!..

— Иду! отозвался Гаврило, торопливо направляясь къ магазину.

Толпа разступилась и замкнула въ свой кругъ старосту. Человѣкъ десять, изъ которыхъ одинъ только разбиралъ печать, но не могъ читать писанаго, легло Гаврилѣ почти на спину.

— Что вы, братцы! сказалъ староста, ворочаясь на мѣстѣ:— думаете, что я отъ васъ утаить хочу, что въ грамотѣ писано... Бери, читай самъ, кто хочетъ...

— Ну, читай, читай! нетерпѣливо вымолвилъ Филиппъ, ста-

новясь къ старостѣ ближе всѣхъ.—Помолчи только, братцы, ничего какъ есть не слышно...

Вмигъ все замолкло.

Гаврило вынулъ изъ-за пазухи письмо и прочелъ довольно внятно и толково слѣдующее:

„Гаврило Андреевъ, съ полученіемъ сего, приказываю тебѣ собрать мірскую сходку и объявить о немедленномъ сборѣ оброка; въ случаѣ если выйдутъ какія замедленія, приказываю тебѣ не медля явиться въ контору и донести мнѣ объ этомъ.

Старшій управляющій конторой Поповъ."

Громкій ропотъ пробѣжалъ въ толпѣ; все заколыхалось и пришло въ движеніе.

XIX.

— Что-жъ намъ, братцы, дѣлать теперича? спросилъ Гаврило съ недоумѣвающимъ видомъ.

— А то дѣлать—не отдавать оброка,—вотъ и все! сказалъ Филипъ, оглядываясь вокругъ и стараясь увѣриться, не торчитъ-ли гдѣ нибудь писарь, присланный изъ конторы.—Сказано: срокъ къ Кузьмѣ и Демьяну,—тому, стало, и быть! прибавилъ онъ рѣшительно.

— Писарь сказывалъ мнѣ, началъ Гаврило:—изъ Питера въ контору такой приказъ пришелъ; самъ баринъ велѣлъ оброкъ представить...

— Господа нашего положенья не вѣдаютъ; это все вертятъ эти мошенники управители! заговорилъ опять Филипъ. —Православные! воскликнулъ онъ, неожиданно обращаясь къ толпѣ, причемъ лицо его сдѣлалось вдругъ такимъ же краснымъ, какъ волосы и коротенькая курчавая бородка:—православные! что-жъ вы стоите, молчите?! Надо всѣмъ отвѣтъ держать!.. Что-жъ это такое! одно, выходитъ, разоренье! До оброка цѣлыхъ семь недѣль сроку остается... Откуда теперь взять его? У многихъ хлѣбъ еще въ полѣ; а хошь и обмолотились, куда его продашь? Цѣны нѣтъ никакой теперь. Даромъ, что-ли, отдавать?

Въ толпѣ опять разомъ все заговорило, такъ что въ первую минуту невозможно было разобрать слова.

— Погодите маленько, братцы, дайте слово сказать! крикнулъ Гаврило.

Снова наступило молчаніе.

— Обо всемъ этомъ, что ты говоришь, Филипъ, сами мы знаемъ, началъ Гаврило: — надо, примѣрно, не объ этомъ... Настоящимъ дѣломъ разсудить надо... Оброка, говоришь, не платить... Велятъ—такъ заплатишь... Надо настоящее говорить... потому словесами одними ничего не сдѣлаешь...

— Изволь, я и настоящее скажу... Давно бы сказалъ... ты же перебиваешь! Настоящее то, что въ контору надо ѣхать къ управителю! возразилъ Филипъ:—велѣли міру собраться—и собрался; міромъ и положили: время такое,—нѣтъ силы возможности отдать оброка; къ Кузьмѣ-Демьяну отдадимъ, какъ слѣдуетъ по положенью... Теперь нѣтъ цѣны на хлѣбъ... Продать теперь—значитъ разоренье одно... такъ и сказать надо!..

Всѣ въ одинъ голосъ подхватили мысль Филипа. Напрасно Гаврило убѣждалъ въ безполезности поѣздки къ управителю съ такимъ порученьемъ, напрасно приводилъ изъ опыта разные примѣры,—міръ поставилъ на томъ, чтобы Гаврило ѣхалъ.

Рѣшивъ такимъ образомъ, толпа стала расходиться, собираясь на улицѣ маленькими кучками, въ которыхъ громко говорили.

Карпъ вернулся домой чуть-ли не изъ послѣднихъ.

Войдя на дворъ, онъ засталъ жену и сноху подъ навѣсомъ, гдѣ стояли лошади; обѣ женщины, припавъ къ плетню лицомъ, жадно къ чему-то прислушивались. До слуха старика долетѣли въ то же время крики, раздававшіеся у сосѣда.

Скрыпъ воротъ заставилъ бабъ обернуться; обѣ побѣжали къ Карпу.

— Батюшка, касатикъ, заговорила старуха:—сейчасъ Воробей съ братомъ сестру свою, солдатку, били... Такъ били,—у насъ даже слышно было... Пришли они какъ народъ сталъ расходиться — и давай колотить... Слышимъ, кричатъ... Что такое, думаемъ?.. Подошли послушать: ужъ такъ-то кричитъ—и-и-и!..

Карпъ сейчасъ-же смѣкнулъ, въ чемъ дѣло; но онъ былъ слишкомъ не въ духѣ, чтобы вступить въ разговоръ и дать женѣ и снохѣ объясненіе того, что происходило у сосѣда. Онъ

сдѣлалъ видъ, какъ будто не обратилъ никакого вниманія на слова жены.

Поднявшись на крыльцо, онъ сказалъ только бабамъ, чтобы скорѣе собирали обѣдать.

XX.

Несмотря на то, что зори по утрамъ начинали быть довольно холодны, Карпъ все еще продолжалъ спать въ ригѣ. Въ ночь, которая слѣдовала послѣ сборища у магазина, Карпъ, начинавшій уже засыпать, внезапно пробудился и сталъ прислушиваться. Слухъ его явственно различилъ шорохъ; но гдѣ онъ раздавался, внутри или снаружи риги,—этого въ первую минуту не могъ разобрать старикъ... Наконецъ слышно стало, что кто-то царапался вдоль плетня и перебиралъ ногами въ высокой крапивѣ, окружавшей ригу. Немного погодя, чьи-то руки ощупали деревянный засовъ и бережно начали отворять ворота.

— Кто тутъ? крикнулъ Карпъ, торопливо приподымаясь съ соломы.

— Я... дядюшка Карпъ... проговорилъ кто-то, шмыгнувъ въ ригу.

— Кто ты? еще громче крикнулъ Карпъ, дѣлая шагъ впередъ.

— Не призналъ, что-ли?.. Я, я,—Ѳедотъ! произнесъ голосъ, явно старавшійся принять характеръ примирительный, заискивающій.

— Такъ это ты! могъ только выговорить старикъ, озадаченный такимъ неожиданнымъ появленіемъ.

— Было мнѣ по дорогѣ, думалъ отдохнуть у тебя, подхватилъ Ѳедотъ скороговоркою и какъ бы стараясь замять рѣчь старика: — Аксенъ просилъ сходить въ Андреевское... насчетъ, то-есть — корова тамъ у барыни продается... такъ посмотрѣть просилъ... Я у него живу теперича... Ну, запоздалъ маленько... Дѣло не спѣшное, думаю; дай зайду къ дядѣ Карпу, отдохну до зари...

— Врешь, врешь! безстыжіе твои глаза! заговорилъ сквозь зубы и какъ-бы съ озлобленіемъ старикъ: — врешь! знаю я,

зачѣмъ ты сюда шляешься! Знаю, за какими коровами ходишь... Собака ты этакая!..

— За что-жъ ты ругаешься...

— Ахъ, ты непутный ты этакой! продолжалъ Карпъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь:—будь я помоложе,—я бы въ тебѣ мѣста цѣлаго не оставилъ!..

— Не тотъ я человѣкъ, чтобы меня трогать! обиженнымъ голосомъ возразилъ Ѳедотъ: — никто еще меня не трогалъ... Это ужъ я вижу: значитъ, тебѣ на меня наговорили...

— Нѣтъ, не наговорили!.. Кто разболталъ Аксену про мерина, а?—кто?.. Говори, черезъ кого, коли не черезъ тебя, лошадь отошла отъ двора моего?..

— Слушай, Карпъ Иванычъ, снова скороговоркою началъ Ѳедотъ:- провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, отсохни мои руки, лопни мои глаза...

— Молчи, безстыжій! Не божись лучше, не грѣши... Самъ я про все знаю. — Стой, погоди! воскликнулъ Карпъ, думая, что Ѳедотъ хочетъ улизнуть, тогда какъ Ѳедотъ отступалъ только въ сторону, боясь, чтобы Карпъ его не ударилъ: — сказывай, благо пришло къ случаю: какія и когда давалъ ты мнѣ деньги? а? Говори, когда я бралъ у тебя? Зачѣмъ-же ты разсказываешь, что ссужалъ меня деньгами, и теперь хоронишь, которыя остались, — боишься, не сталъ бы я просить на избу...

— Отсохни мои руки, лопни мои глаза... началъ было Ѳедотъ, но Карпъ не далъ ему договорить.

— Молчи, окаянный, не божись, самъ слышалъ!

— Ничего я этого не говорилъ.

— Врешь! Какъ шелъ я намедни ночью отъ Аксена, самъ слышалъ, какъ ты на паромѣ...

— Что ты? перебилъ Ѳедотъ:—ноги моей никогда на паромѣ не было! Все это, Карпъ Иванычъ, одни сплетки про меня пущаютъ, подхватилъ онъ невиннымъ голосомъ:—и охота только слушать тебѣ... Меня всѣ знаютъ!.. Не тотъ я человѣкъ совсѣмъ.

— Ну теперь, продолжалъ Карпъ, не обращая вниманія на оправданіе своего родственника: — сказывай, зачѣмъ пришелъ? Чего надо?.. Сестра Воробья, солдатка, приманила!.. На себя бы ты поглядѣлъ! Тебѣ ли, лысому чорту, такими дѣлами заниматься?.. Хоть бы людей-то постыдился, коли въ тебѣ ни

стыда нѣтъ, ни совѣсти! Вѣдь черезъ тебя ссоры только въ семьѣ да брань: и то сегодня, черезъ тебя, братья ее таскали... Да и тебѣ такъ не сойдетъ... Воробей съ братомъ сами мнѣ сказывали: попадись только имъ,—тутъ тебѣ и голову положить! Они и день и ночь на сторожкѣ, какъ бы только поймать тебя; можетъ, и теперь ужъ укараулили...

— Все это сплетки одни; какъ предъ Богомъ, сплетки... неувѣренно и даже плаксиво проговорилъ Ѳедотъ.

— Ладно, сплетки!.. А пока ступай отъ меня! проваливай! чтобъ духу твоего здѣсь не было!..

— Дядя Карпъ, пусти переночевать,—сдѣлай милость... Что-жъ я, чужой тебѣ, что ли? робко промолвилъ Ѳедотъ.

— Вонъ ступай, бестыжіе твои глаза! Вонъ!

— Дядя Карпъ, сдѣлай милость...

— Не пущу! заключилъ Карпъ, выталкивая Ѳедота, который пятился назадъ:—вонъ ступай, говорю; вонъ,—и на глаза мнѣ не показывайся!..

Карпъ заперъ ворота и возвратился на солому. Шуму никакого не было теперь слышно за плетнями; изрѣдка,—и то едва примѣтно,—раздавался трескъ сухихъ стеблей, ломавшихся подъ ногами, которыми очевидно переступали съ большой осторожностію. Наконецъ все замолкло, кромѣ пѣтуховъ, которые начали вдругъ драть горло, почуявъ полночь.

XXI.

Но не успѣлъ Карпъ заснуть, шумъ въ воротахъ снова привлекъ его вниманіе; на этотъ разъ кто-то смѣло стучался.

— Кто тутъ? съ досадою крикнулъ старикъ.

Я, дядя Карпъ! отозвался голосъ Филиппа.

Карпъ поднялся на ноги и отворилъ ригу.

— Я затѣмъ къ тебѣ въ такую пору,—не видать теперича... Не станутъ, значитъ, болтать... сказалъ Филиппъ:—слышь, дядюшка, вотъ дѣло какое: я, почитай, ужъ со всѣми перемолвилъ, всѣ въ одномъ утвердились: до Кузьмы-Демьяна не отдавать оброка! Тутъ толковать нечего; знамо, не барину нужно; господа люди понятные; одна тутъ управительская воля

„Какъ, молъ, хочу, такъ и верчу!“ вотъ что! Управитель у насъ новый; возьметъ такую привычку,—житья намъ не будетъ... Мы вотъ на чемъ положили: извѣстно, одинъ человѣкъ упрется, ничего не сдѣлаетъ,—въ рогъ согнутъ! А какъ міромъ что скажутъ, коли весь міръ въ согласіи,—тутъ хошь-не-хошь, ничего не возьмешь; съ цѣлой деревней ничего нельзя сдѣлать; всѣхъ къ становому не отправишь...

— Такъ-то такъ, Филипъ, отозвался старикъ:—не вышло бы только худа изъ этого...

— Эхъ! братецъ ты мой, говорю тебѣ:—весь міръ въ согласіи; главная причина, крѣпко только надо другъ за дружку держаться! Мы чего добиваемся? Хотимъ держаться до поры возможности, чтобы время протянуть до срока; уставится на хлѣбъ цѣна настоящая, хлѣбъ продадимъ, тогда и оброкъ бери... Такъ, что-ли?

— Хорошо, какъ бы такъ-то...

— Главная причина, подхватилъ Филипъ съ воодушевленіемъ:—не выдавать другъ друга! Примѣрно, хошь тебя спросятъ:—„Зачѣмъ не продаешь хлѣбъ?“—„Я, говори, ничего... міръ не велитъ; всѣмъ міромъ такъ положили ждать до осени!..“ Такъ всѣ уговорились, я со всѣми перетолковалъ; всѣ на одномъ стоятъ: не продавать хлѣба до Кузьмы-Демьяна, пока цѣна не уставится... Смотри, Карпъ, не выдавай; говори за одно со всѣми...

— Кому убытки,—мнѣ разоренье, сказалъ Карпъ:—коли мнѣ продать хлѣбъ теперь, безъ цѣны,—да изъ тѣхъ денегъ оброкъ отдать, ничего на избу не останется... Надо также и на зиму малость денегъ оставить...

— То-то же и есть!.. У тебя изба, у другаго свои дѣла; у всякаго такъ-то!.. Такъ слышь: какъ другіе, такъ и ты дѣлай; такой ужъ уговоръ; я затѣмъ и зашелъ къ тебѣ, чтобы какъ, то есть, повѣрнѣе... Ну, прощай, время идти... заключилъ Филипъ, суетливо выходя изъ риги.

Карпъ снова отправился на солому; но сколько не ворочался онъ съ боку на бокъ, онъ на этотъ разъ долго не могъ заснуть; сонъ сморилъ его тогда только, какъ пропѣли вторые пѣтухи.

XXII.

На другой день, вечеромъ, Карпъ, осмотрѣвъ свое озимое поле, и оставшись очень доволенъ всходами, возвращался въ Антоновку, когда, не далеко отъ поворота въ околицу, услышалъ за собою трескотню телѣжки. Онъ оглянулся; узнавъ по гнѣдой вислоухой лошади владѣльца телѣги, Карпъ остановился; лицо его замѣтно оживилось любопытствомъ. Немного погодя, телѣга съ сидѣвшимъ въ ней старостой, Гаврилой, поровнялась съ Карпомъ.

Уже одна наружность Гаврилы свидѣтельствовала, что поѣздка его была крайне неуспѣшна; онъ сидѣлъ нахохлившись какъ воробей послѣ дождя; глаза его противъ обыкновенія, мрачно, недоброжелательно какъ-то поглядывали изъ подъ шапки, пропускавшей большой клинъ клѣтчатаго платка, котораго онъ не думалъ поправлять.

— Что, какъ? спросилъ Карпъ, слѣдуя рядомъ съ телѣгой, которая продолжала приближаться къ околицѣ.

— Эхъ! былъ только отвѣтъ старосты.

— Худо, стало быть?

Гаврило тряхнулъ только шапкой.

— Напрасно, значитъ съѣздилъ?

— Говорилъ тогда,—нѣтъ не вѣрили! вымолвилъ наконецъ староста:—вышло все по моему, какъ я говорилъ: ничего этого, о чемъ мы толковали, не беретъ въ разсужденье!.. Только ругается... Грозитъ еще становаго прислать...

Карпъ зачмокалъ губами, отнялъ руку отъ перекладины телѣги и также нахохлился.

Такимъ образомъ вступили они въ околицу.

Появленіе Гаврилы на улицѣ произвело ожидаемое дѣйствіе; многіе увидѣли старосту—и слухъ о его возвращеніи мигомъ распространился по деревнѣ. Едва подъѣхалъ онъ къ избѣ своей и вылѣзъ изъ телѣги, его окружила толпа еще многочисленнѣе той, которая стояла у магазина.

Все что было взрослаго въ Антоновкѣ, знало болѣе или ме-

нѣе причину отъѣзда старосты, и всѣ любопытствовали узнать, какой будетъ отвѣтъ изъ конторы.

Въ первыя двѣ-три минуты Гаврило не могъ выговорить слова,—его рѣшительно затормошили; наконецъ, когда старые люди подали голосъ, призывая всѣхъ къ молчанію,—Гаврило передалъ міру почти то же, что сообщилъ Карпу.

— Писарь, который вечоръ пріѣзжалъ сюда,—не совралъ намъ, продолжалъ Гаврило:—точно, грамота такая пришла изъ Питера! Мнѣ земской сказывалъ; онъ и письмо барина видѣлъ...

— Да ты сказалъ-ли управителю о чемъ міръ проситъ? неожиданно вмѣшался Филипъ, просовываясь впередъ.

До той минуты онъ молча стоялъ въ толпѣ и только прислушивался.

— Ругается, кричитъ,—вотъ-те и все тутъ! ничего не сдѣлаешь! отвѣтилъ Гаврило, разводя руками:—знай, только кричитъ; „становаго пришлю!..“

— Эка невидаль! перебилъ Филипъ:—присылай, пожалуй! Мы становому то же скажемъ...

— Какже, станетъ онъ слушать! онъ, знамо, управительскую руку держитъ, вымолвилъ Гаврило: —что скажетъ ему управитель,—тому и быть...

— Это какъ есть!.. Что онъ скажетъ, тому и быть!.. Эхъ-ма... послышалось отовсюду на разные тоны.

— Православные! заговорилъ опять Филипъ, съ живостію обращаясь къ толпѣ:—неужто взаправду раззоряться?! По моему вотъ что дѣлать: самимъ къ управителю ѣхать; выбрать изъ міра человѣкъ пятокъ и ѣхать... А коли не поможетъ, напишемъ тогда письмо къ барину; изъ Коломны, по почтѣ, чрезъ пять дней въ Питеръ доставятъ... Это всего вѣрнѣе... Помереть мнѣ, коли все это дѣло не отъ управителя; помереть,—коли баринъ объ этомъ вѣдаетъ...

Одобрительный говоръ пробѣжалъ въ толпѣ.

— Православные! крикнулъ ободренный Филипъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь:—выходи, братцы, кто къ управителю поѣдетъ! Савелій, ступай сюда въ кругъ, обратился онъ къ рослому, смуглому мужику, стоявшему ближе другихъ.

— Охотниковъ безъ меня много... проговорилъ Савелій, запинаясь и пятясь назадъ.

— Стегнѣй,—выходи! крикнулъ Филипъ другому мужику съ оживленнымъ, рѣшительнымъ выраженіемъ лица.

Живое и рѣшительное лицо быстро скрылось въ толпѣ.

— Кумъ Демьянъ, поѣдемъ! опаски никакой нѣтъ; удастся,—ладно,—не удастся, письмо напись можно; поѣдемъ! выходи, становись въ кругъ!..

Но кумъ Демьянъ, шумѣвшій до сихъ поръ столько же, сколько самъ Филипъ,—былъ повидимому другаго мнѣнія. Онъ глухо пробормоталъ что-то, и съ этой минуты никто уже не слыхалъ его голоса.

Филипъ, у котораго побѣлѣли губы, обратился еще къ тремъ-четыремъ человѣкамъ, но также безуспѣшно.

Толпою, гдѣ плечо одного чувствовало плечо другаго, всѣ надсаживали горло, выказывали смѣлость, рѣшимость,—и, казалось, готовы были города брать; но странное дѣло, какъ только дѣло касалось каждой личности порознь,—едва требовалось провѣрить силу убѣжденій цѣлаго общества по силѣ убѣжденія каждаго лица отдѣльно,—каждый, къ кому ни обращались, напрямикъ отказывался дѣйствовать и даже назадъ пятился.

— Полно, Филипъ! ничего изъ того не будетъ, проговорилъ Гаврило, поглядывая на Филипа, который, казалось, съ трудомъ удерживалъ кипѣвшее въ немъ негодованіе.

— Извѣстно, ничего не будетъ, когда сначала всѣ за одно, какъ пришло къ дѣлу,—всѣ врозь, сказалъ Филипъ:—испугались, что-ли?!. примолвилъ онъ, мрачно озираясь вокругъ.

— Что ты храбришься-то! ѣхалъ бы самъ, коль охота есть! иронически замѣтилъ Гаврило.

Въ толпѣ многіе засмѣялись.

Это окончательно взорвало Филипа.

— Что-жъ,—и поѣду, сказалъ онъ, обмѣривая глазами Гаврилу:—ты, можетъ, ничего этого не сказалъ,—какъ надобно, управителю... добре́ ужъ оченно страхъ взялъ!.. Потомъ пріѣхалъ, разсказываешь: такое-то молъ рѣшеніе,—а тутъ тебѣ и повѣрили...

— Повѣрили! повѣрили! перебилъ староста, передразнивая Филипа, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ предосторожности отодвигаясь назадъ:—поѣзжай самъ, говорю,—авось сладишь...

Вмѣсто отвѣта, Филипъ снова обратился къ толпѣ.

Съ помощію современной-то науки какъ-то выходитъ удобнѣе, а изъ писанія и св. Отцевъ не такъ ясно выходитъ. Но тогда химіи чай совсѣмъ не было, а если и была, что за химія?! Нынѣ она, —такъ уже такъ!.. Такъ и забираетъ радость, что наше (брошюръ) ученіе о духахъ, яко тѣлахъ, нисколько непротивно химіи и математикѣ; но совпадаетъ и согласуетъ съ положительною теоріею этихъ наукъ (стр. 46—начало).

Такъ какъ же тутъ быть-то?! Химіи не знаешь, математикѣ на мѣдный грошъ учился. Стало, на основаніи ихъ говорить что нибудь въ свою пользу страшно. Брошюра пишетъ: «вводить человѣковъ въ обманъ именемъ науки—недобросовѣстно» (стр. 45 — съ нач.). Вѣдь это про насъ написано, которые признаемъ духовъ — духами чистыми, невещественными, не справясь съ химіею и математикою. Стать поперечить, больше и больше будешь погрязать въ недобросовѣстности. Со всѣхъ сторонъ бѣда! И уступить не хочется.

Попробую себѣ смахнуть на современность. Провозглашаю, что химія и математика не компетентные судьи въ духовныхъ предметахъ. Компетентный и не компетентный — вѣдь это современное слово: авось вывезетъ. Ну ужъ — вырвалось. Вывози! Такъ говорю: судьи некомпетентные, эти науки въ нашемъ дѣлѣ. Впрочемъ математика тутъ подстала ни къ селу, ни къ городу. Главное у насъ дѣло съ химіею. Такъ химія не компетентно судитъ о духовномъ. По старымъ законамъ такъ надо сказать; отвожу этого свидѣтеля и доказывателя: онъ состоитъ въ родствѣ, кумовствѣ и хлѣбосольствѣ съ моимъ противникомъ. Да. Химія вѣдь ничего не знаетъ, кромѣ вещественнаго. Ка-

— Хорошо, какъ послушаетъ; сказываютъ, не такой человѣкъ...

— Вретъ, Гаврило! нетерпѣливо перебилъ Филипъ: — отсохни правая моя рука, коли не вретъ! Самъ разсуди: статочное-ли дѣло, чтобы человѣкъ, какой онъ ни есть, слушать не сталъ, коли толкомъ, настоящее говорить? Побожиться радъ,— Гаврило ничего этого, что надо было, не сказалъ управителю; такая ужъ душа соломенная! Не токмо передъ управителемъ, другой разъ и передъ своимъ-то братомъ,— кто побойчѣе,— и то молчитъ... Ты ничего этого не опасайся. Пріѣду, скажу: такъ и такъ, повременить только просимъ до срока, — какъ по положенью... цѣна уставится,—къ Кузьмѣ-Демьяну все какъ есть представимъ...

— Дѣлай, какъ знаешь; я бы не поѣхалъ, сказалъ братъ.

— Это почему?

— Потому, если и ладно сойдетъ, послушаетъ тебя управитель, — не стоятъ они того, чтобы хлопотать...

— Думаешь, за міръ просить ѣду?!. съ живостію произнесъ Филипъ: — нѣтъ, подождутъ теперича! Пускай опять Гаврилу посылаютъ, — чортъ съ ними! Какъ знаютъ, такъ пускай сами раздѣлываются... Какъ только къ дѣлу пришло, всѣ одинъ за однимъ отступились... Ѣду за себя просить,—за семью свою. Намъ всего накладнѣе приходится; хлѣба продашь вдвое, — деньги выручишь тѣ же; по семейству по нашему, давай Богъ, чтобъ при настоящей-то цѣнѣ, на зиму хлѣба достало, покупать не пришлось; потому больше я ѣду. Нѣтъ, раздѣлывайся они какъ сами вѣдаютъ!.. Я теперь, что хошь мнѣ давай, — пальца не согну для міра, — шабашъ!..

Братъ, побѣжденный отчасти такими доводами, не старался болѣе удерживать Филипа и помогъ ему даже запречь лошадь.

XXIV.

Какъ только узнали въ деревнѣ объ отъѣздѣ Филипа, мнѣніе объ немъ тотчасъ-же перемѣнилось. Даже тѣ, которые на сходкѣ подтрунивали надъ нимъ заодно съ Гаврилой и говорили, что Филипъ только храбрится и хвастаетъ, не переста-

леніемъ вамъ именемъ моимъ зводить человѣковъ въ обманъ, не хочу пятнать моей совѣсти, и протестую противъ вашихъ утвержденій.

1, Откуда вы взяли, будто я потворствую распространенію мнѣній о существованіи такихъ веществъ, которыя не имѣютъ дѣйствія на наши чувства, или если имѣютъ *дѣйствіе*, то такое, которато *замѣтить нельзя*. Это совершенная ложь! Что лежитъ за предѣлами нашихъ чувствъ и *чего дѣйствія не замѣчаемы*, этого ни я, ни всѣ мои сестры (естественныя науки) знать не знаемъ и знать не хотимъ. Касаться того, не наше дѣло. Наше дѣло замѣчать, что поддается замѣчанію, подводить подъразныя чувства, дѣлать опыты, сличать, обобщать, дѣлать наведенія, и проч. Но все это въ области замѣчаемой если не всѣми, то хоть однимъ чувствомъ. Что до моего дѣла то у меня кислородъ, водородъ, азотъ — самыя тонкія, тоньше ихъ нѣтъ у меня, не имѣютъ ни цвѣта, ни запаха, ни вкуса, но все же они не суть не замѣчаемы. Я ихъ добываю, закупориваю въ банки, взвѣшиваю, соединяю, опредѣляю паи, въ какихъ они съ какимъ веществомъ соединяются, и проч. Они въ моихъ рукахъ, подъ непрестанными моими замѣтками; я слѣжу за ихъ дѣйствіями всюду и тѣмъ опредѣляю ихъ. Вообще (*) же предметъ мой — явленія, производимыя силою сродства. Слагала я и разлагала, и нашла 62 основныхъ элемента. Вотъ мои дѣтища, и моя область. А въ числѣ ихъ смотрите-ка какія есть: сѣра, фосфоръ, мышьякъ, желѣзо, кобальтъ, цинкъ, мѣдь, свинецъ, ртуть,

(*) Химическія понятія и термины взяты изъ Физики Писаревскаго ч. 1.

нему съ воплемъ, — онъ грубо отвелъ ее руками и сказалъ только: — „что тебѣ... давно, что ли, не видала?!..“ Послѣ того пошелъ онъ въ ригу. Жена, мать и сестры послѣдовали за нимъ, желая добиться какого нибудь толку, — онъ всѣхъ разогналъ, всѣмъ велѣлъ идти домой и допустилъ къ себѣ одного брата. Войдя въ ригу, Филипъ съ сердцемъ бросилъ наземь полушубокъ, бросвлъ шапку и ничкомъ повалился на солому. Два-три человѣка, которымъ потомъ удалось говорить съ братомъ, спѣшили сообщить, что Филипъ велѣлъ брату везти хлѣбъ и продать его за первую цѣну, какую дадутъ.

-- „Стало, и намъ тоже дѣлать!“ былъ общій отзывъ.

Слухъ обо всемъ этомъ не замедлилъ конечно достигнуть ушей Карпа.

— Оброкъ не пуще великъ, а много придется теперь за него хлѣба отдать! задумчиво промолвилъ старикъ, обратившись къ сыну, который передалъ ему общую вѣсть: — хлѣба, который останется, — только на зиму хватитъ для семейства.. Сколько ни считалъ я всѣ эти дни, не выручишь денегъ тѣхъ, что за избу отдать надобно... Такъ, стало, тому и быть! довершилъ онъ угрюмо.

Карпъ, точно также какъ и остальные обыватели Антоновки, лишившись всякой надежды на благопріятный поворотъ дѣла, упалъ вдругъ духомъ, и толковалъ теперь о томъ только, чтобы насыпать воза и везти хлѣбъ на продажу.

Такъ какъ пятнадцать рублей, получаемые Гаврилой въ видѣ жалованья, засчитывались ему ежегодно въ оброкъ, — староста на свой счетъ не очень сокрушался. Онъ тревожился тѣмъ только, что управитель, того и смотри, пришлетъ за нимъ и потребуетъ отчетъ за медленный сборъ мірскаго оброка. Движимый такою мыслію, онъ еще неусыпнѣе началъ убѣждать всѣхъ и каждаго, что если ужъ вышло такое невзгодье — откладывать нечего; чѣмъ скорѣе отдашь деньги, тѣмъ скорѣе отвяжешься отъ управительскаго надзора и непріятностей, которыя грозятъ міру въ случаѣ промедленія.

— Главная причина, въ спокойствіи тогда оставятъ, вотъ что! повторялъ староста:—станемъ оттягивать,—осерчаетъ, ужъ это навѣрное такъ; пожалуй, еще становаго пришлетъ... расправа начнется... что-жъ хорошаго?!..

На этотъ разъ никто не возражалъ ему; вмѣсто смѣлыхъ, бойкихъ отвѣтовъ, онъ встрѣчалъ одну молчаливую покорность.

Рѣшено было всѣмъ міромъ понавѣдаться завтра же утромъ къ Дроздову и условиться съ нимъ насчетъ цѣнъ. Впрочемъ это были одни только пустые разговоры; никто не сомнѣвался, что все равно надо будетъ отдать хлѣбъ за ту цѣну, которую назначитъ Дроздовъ.

XXV.

То же самое ожидало крестьянъ, еслибъ они повезли теперь хлѣбъ въ ближайшіе уѣздные города. Купцы очень хорошо знаютъ, что если мужикъ въ такую пору пріѣхалъ съ хлѣбомъ, — видимое дѣло, его прижали, ему до зарѣзу надобны деньги; они спѣшатъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, и въ свою очередь его прижимаютъ. Городскіе кулаки еще плутоватѣе, еще неумолимѣе деревенскихъ. Уже одно то, что крестьянинъ насыпаетъ дома рожь настоящей мѣрой, а купецъ принимаетъ ее по своей мѣрѣ, несравненно бо́льшаго объема,—заставляетъ всегда перваго избѣгать продажи въ городѣ.

На этомъ основаніи антоновцы рѣшились прибѣгнуть къ Дроздову; ктому же онъ проживалъ отъ деревни верстахъ въ пяти всего-на-всего.

Дроздовъ или, лучше, Никаноръ, потому что такъ обыкновенно называлъ его народъ, — былъ простой откупившійся на волю мужикъ, содержавшій большую миткалевую фабрику.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ средней Россіи, такихъ фабрикъ развелось, — особенно въ послѣдніе годы, — такое множество, что нѣтъ почти деревни, гдѣ бы не возвышалось неуклюжаго бревенчатаго строенія, изъ котораго съ утра и до вечера слышится шумъ разматываемой бумаги и щелкотня ткацкихъ становъ. Надъ этими фабриками не существуетъ ни присмотра, ни контроля; хозяева, обезпечивая себя ежегодно домашними расчетцами съ мелкими мѣстными властями, — пріобрѣтаютъ положеніе, которое ничѣмъ почти не отличается отъ положенія начальниковъ дикихъ племенъ на самыхъ отдаленныхъ архипелагахъ Тихаго океана. Самоуправство является здѣсь въ

полномъ своемъ безобразіи. Хозяева по произволу измѣняютъ заработную плату; назначается такая-то цѣна за основу; основа готова, — хозяинъ перемѣнилъ цѣну, и работникъ получаетъ меньше того, на что расчитывалъ. Бѣдные крестьяне сосѣднихъ деревень посылаютъ на фабрику своихъ дѣвочекъ и мальчиковъ для размотки бумаги; нѣтъ возможности приходить всякой день за нѣсколько верстъ и уходить вечеромъ; дѣти ночуютъ на фабрикахъ; все это спитъ гдѣ ни попало и въ повалку; можете судить о томъ, что здѣсь происходитъ и какъ, по мѣрѣ процвѣтанія фабрикъ, должна процвѣтать нравственность. Мало того, хозяева рѣдко или, вѣрнѣе, никогда не расчитываются съ народомъ на чистыя деньги. Они покупаютъ въ городахъ залежалыя партіи сапоговъ, оптомъ скупаютъ шапки, подмоченую соль, годовалую муку, перепрѣвшую крупу и т. д. и расчитываются такимъ матеріаломъ, ставя за него всегда въ три-дорога противъ того, что стоитъ онъ имъ самимъ. Народъ слѣдовательно обутъ и одѣтъ скверно, ѣстъ худую пищу и постоянно находится безъ гроша денегъ.

Многіе изъ этихъ хозяевъ владѣютъ большими капиталами. Никаноръ принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Впрочемъ, онъ продолжалъ только дѣло, начатое еще покойнымъ его родителемъ.

XXVI.

Взглянувъ на лицо фабриканта, нельзя было повѣрить, чтобы могъ онъ такъ успѣшно вести дѣла свои. Наружность Никанора ставила въ тупикъ, — такъ рѣзко противорѣчила она его дѣйствіямъ. На всемъ свѣтѣ не было, казалось, тупоумнѣе человѣка. Безцвѣтные на выкатѣ глаза, какъ у разварной рыбы, смотрѣли мутно, какъ будто угасла въ нихъ способность осмысливать предметы; плоскіе, какъ щепки, волосы мертвенно висѣли по обѣимъ сторонамъ пухлаго, по крайне-болѣзненнаго лица, окруженнаго рѣдкими бакенами и такою же чахлой, жидкой бородкой; всѣ черты выражали одну сонливость, вялость неспособность. Все въ немъ было одно къ одному; говорилъ онъ вяло, словно клещами хомутъ натягивалъ; ногами своими,

обутыми въ башмаки, передвигалъ онъ медленно, словно противъ воли. Ходилъ онъ всегда запахиваясь въ длинный бумажный пабильной халатъ такого же почти грязновато-больнаго цвѣта, какъ и лицо его. Словомъ, не было возможности повѣрить, чтобы такой человѣкъ былъ на что нибудь годенъ. Дѣла его между тѣмъ шли блистательно; онъ ворочалъ такими деньгами, что ничего не значило ему усадить въ своемъ приходѣ пятьдесятъ тысячъ на постройку огромной кирпичной церкви съ круглымъ зеленымъ куполомъ.

Это не мѣшало однакожъ самому Никанору жить, какъ говорится, свинья-свиньей. Домъ его, очень помѣстительный, съ нижнимъ этажемъ кирпичнымъ, а верхомъ деревяннымъ, былъ крытъ желѣзомъ и выкрашенъ зеленой краской, оставшейся отъ церковнаго купола. Внизу помѣщались подвалы для склада товара, и контора. Верхній этажъ изъ шести-семи комнатъ занималъ Никаноръ съ своимъ семействомъ.

Жилъ онъ собственно въ одной только изъ этихъ комнатъ; остальныя стояли пустыми; кое-гдѣ развѣ попадалась скамья или стояла кадушка съ квашеной капустой, прижатой кирпичемъ. Въ комнатѣ Никанора рамы не выставлялись со времени постройки дома; тамъ съ трудомъ можно было переводить дыханіе; все смотрѣло до невѣроятности грязно,—начиная съ самой хозяйки и ея засуленныхъ, золотушныхъ дѣтей и кончая зеленымъ какъ словно прокислымъ самоваромъ и стеклами оконъ, почти до темноты засиженныхъ мухами.

У дверей, въ высокомъ буромъ футлярѣ, доходившемъ до потолка, чикали часы съ циферблатомъ, размалеваннымъ цвѣтами; въ углу стоялъ неприслоненный къ стѣнѣ диванъ, покрытый ободранной кожей; по Боже-было-упаси сѣсть на него; особенною опасностію угрожали гвоздики и тесемка, обшивавшая кое-гдѣ кожу; подъ каждымъ гвоздемъ и складкой сидѣло, мирно пріютясь, цѣлое гнѣздо клоповъ. Все это, кромѣ впрочемъ дивана, который постоянно, годы цѣлые, оставался на своемъ мѣстѣ,—чистилось и переставлялось разъ въ годъ, — именно на страстной недѣлѣ передъ Свѣтлымъ праздникомъ; тогда цѣлые ушаты воды разомъ проливались въ этомъ второмъ этажѣ; хляскъ воды раздавался повсюду; вода, не находя себѣ выхода, скорѣе всего утекала въ широкія щели кой-какъ сколоченаго пола, удобряла земляную настилку, и этимъ спо-

собою разводила миріады блохъ, которыя несмѣтными легіонами появлялись уже къ Святой.

Но Никаноръ и его семейство такъ сжились со всѣмъ этимъ, что всякое другое мѣсто показалось бы имъ крайне неудобнымъ. Незачѣмъ было, слѣдовательно, измѣнять порядка, начатаго, блаженной памяти, упокойнымъ родителямъ,—порядка, которымъ удовлетворялся сынъ и, вѣрно, будетъ удовлетворяться золотушное потомство.

XXVII.

Карпъ былъ одинъ изъ первыхъ, который явился къ Никанору. Войдя въ контору, старикъ засталъ тамъ хозяина. Въ конторѣ никого почти не было; стояли только двѣ бабы и оборванная дѣвочка, пришедшія за бумагой для размотки.

Тѣмъ не менѣе Никаноръ сдѣлалъ видъ какъ будто не замѣтилъ вошедшаго. Онъ никогда не кланялся первымъ простому мужику. Никаноръ прежде былъ проще; гордость напала на него съ той самой поры, какъ воздвигъ онъ церковь и къ концу каждой обѣдни поминали его, какъ строителя храма, и подносили ему просвиру.

Карпъ подошелъ къ прилавку, раздѣлявшему контору на двѣ половины, и поклонился.

— Чего надо? спросилъ Никаноръ, едва поворачиваясь.

— Хлѣбца привезъ, Никаноръ Иванычъ... десять четвертей: не возьмешь ли?.. задобривающимъ голосомъ сказалъ Карпъ.

— Не надыть! возразилъ фабрикантъ какъ бы сквозь сонъ.

— Что-жъ такъ?.. Возьми, сдѣлай милость!..

— Столько хлѣба навезли,—дѣвать некуда.

— Всего вѣдь десять четвертей!

— Къ тому же денегъ теперь нѣту... началъ-было Никаноръ, но Карпъ перебилъ его.

— У тебя?!. У кого-жъ и быть деньгамъ-то?!. Возьми, пожалуйста!

— Пять съ полтиной, коротко и сухо проговорилъ наконецъ Никаноръ.

— Какъ, за четверть? воскликнулъ Карпъ, между тѣмъ какъ фабрикантъ повернулся къ нему бокомъ и, казалось, пересталъ даже его слушать:—побойся Бога! къ Кузьмѣ-Демьяну четверть-то девять рублей стоитъ; три рубля съ полтиной на четверть хочешь нажить... Бога ты побойся.

На мутномъ лицѣ Никанора промелькнула тѣнь пренебреженья.

— Чего ты присталъ ко мнѣ, произнесъ онъ, не возвышая однакожъ голоса:—говорю не надо; вези куда знаешь... гдѣ сходнѣе...

Въ эту минуту батрачка позвала хозяина наверхъ; почти въ то же время въ контору вошелъ еще мужичокъ изъ Антоновки.

Карпъ передалъ ему свой разговоръ съ фабрикантомъ.

— Дѣлать, знать, нечего, Карпъ Иванычъ; отдать надо, отвѣчалъ тотъ:—больше не дастъ; вечоръ ужъ трое изъ нашихъ къ нему пріѣзжали; за ту же цѣну отдали.

— Знаю, сказывали мнѣ, вымолвилъ старикъ.—Я думалъ, посовѣстится, не надбавитъ ли какимъ случаемъ; потому и разговоръ такой повелъ съ нимъ.

— Какъ же, жди отъ него совѣсти, экъ захотѣлъ!.. И я свои два воза за тѣ же деньги ссыпалъ, дѣлать-то нечего!..

Съ возвращеніемъ Никанора дѣло Карпа было кончено. Фабрикантъ, поручая приказчику сходить и смѣрять привезенную рожь, говорилъ такъ же сонливо, вяло и не охотно; казалось, онъ не подозрѣвалъ даже, какой огромный оборотъ дѣлалъ, скупая въ настоящее время хлѣбъ изъ Антоновки.

Получивъ деньги, Карпъ сѣлъ въ пустую телѣжку и вмѣстѣ съ сыномъ, помѣстившимся на другой подводѣ, отправился домой.

Путемъ-дорогой старикъ принялся въ сотый разъ сводить свои счеты; онъ какъ будто все еще не довѣрялъ прежнимъ своимъ соображеніямъ и думалъ—авось-либо выйдетъ какъ нибудь по другому.

Нѣтъ, по другому не выходило! Прежніе разсчеты были совершенно вѣрны. Отдавъ пятьдесятъ-два съ полтиной оброку, отложивъ десять четвертей на зиму для семейства, Карпъ могъ продать всего-на-всего шесть четвертей ржи и четыре четверти овса. Какъ умомъ не раскидывай, не было возможности, даже

при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, выручить изъ этого столько денегъ, чтобы добавить Аксену за срубъ, отдать плотникамъ за постановку избы, печнику за печь—и мало ли еще сколько денегъ требуется при сооруженіи новаго дома!

Касательно перваго задатка, отданнаго Аксену, Карпъ не безпокоился; Аксенъ былъ извѣстенъ своею честностію; старикъ ни на минуту не сомнѣвался, что получитъ свои деньги. Но вотъ что неотступно его тревожило,—тревожила мысль о второмъ зададкѣ, о сѣромъ меренкѣ, который, какъ на зло, приглянулся Аксену, такъ что послѣдній имъ не нахваливался. Тутъ какъ быть? Какъ тутъ разсчитываться? Вѣрнѣе всего, Аксенъ оставитъ его за собою; вѣдь ему надо получить вознагражденіе за убытки; на избу много было охотниковъ; не случись Карпа, Аксенъ давно бы продалъ ее съ барышами.

Карпъ такъ углубился въ свои соображенія, что поднялъ голову тогда только, какъ лошадь остановилась передъ его воротами.

Послѣ дождя, лившаго всю ночь и все утро, избенка какъ нарочно представлялась такой кислой, такъ грустно поглядывала на улицу своими крошечными окнами, покосившимися углами и выдавшейся мокрой стѣною, что вчужѣ забирала жалость.

Понятно, такой видъ не могъ порадовать и развлечь ея владѣльца.

XXVIII.

Время, между тѣмъ, шло своимъ чередомъ, свершая въ природѣ обычные, неумолимо-неизмѣнные перевороты. Давно ли, кажется, поля, луга и рощи дышали такимъ оживленьемъ? Все это миновало! Первыми возвѣстниками наступающихъ холодовъ были, по обыкновенію, ласточки; онѣ отлетѣли съ первыми морозными утренниками. За ними, въ похолодѣвшемъ воздухѣ, пронеслись длинныя бѣлыя нити тенетника; потомъ, въ свѣтломъ, хотя уже блѣдно-зеленоватомъ небѣ, пролетѣли журавли, возбуждая отдаленнымъ крикомъ своимъ громкіе возгласы деревенскихъ мальчишекъ.

Давно ли, наконецъ, антоновская роща, одѣтая съ макушки до корня зеленью клена, березы, орѣшника и разнаго рода кустарниковъ, наполнялась веселымъ трескомъ, свистомъ и пѣніемъ каждый разъ, какъ проникалъ въ нее первый солнечный лучъ? Давно ли, кажется, было все это!.. Теперь, отъ маковки до корня, стоитъ она обнаженная, и хотя бы три раза въ сутки начинался день, не пошлетъ уже ему навстрѣчу веселыхъ, привѣтливыхъ звуковъ. Въ сѣрой, сквозящей глубинѣ рощи мелькаютъ одни голые стволы и перекрещиваются во всѣ стороны почернѣвшія обнаженныя вѣтви. Вмѣсто прохлады отовсюду несетъ сыростію и крѣпкимъ запахомъ опавшихъ листьевъ, которые наполняютъ глубину кустарниковъ и густо устилаютъ дорогу. Изрѣдка, кое-гдѣ, тоскливо, въ разладъ, чиликнетъ краснобрюхій снигирь или вдругъ въ сторонѣ зашуршукаютъ листья и черезъ дорогу пугливо пробѣжитъ заяцъ.

Все остальное, куда ни обращаются глаза, носитъ ту же печать опустѣнія. Окрестность словно состарѣлась; колеи, которыми изрыты дороги, кажутся глубокими морщинами; рѣчка, такъ долго отражавшая въ послѣднее время свинцовыя, сѣрыя тучи, усвоила навсегда какъ будто цвѣтъ ихъ, отвѣчающій, впрочемъ, общему тону печали, которымъ окутались не только окрестность, но и самое небо.

Куда дѣвался также веселый видъ деревни, когда, бывало, при заходящемъ солнцѣ, ослѣпительно сверкаютъ соломенныя крыши избушекъ; когда старыя ветлы, бросая черезъ рѣку на лугъ длинныя густыя тѣни, постепенно зарумяниваются, покрываясь багрянцемъ заката; когда весь деревенскій людъ, высыпая въ эту пору на улицу и — то уходя въ сизую тѣнь, бросаемую избушками, то выступая на свѣтъ—начинаетъ пѣть пѣсни и водить хороводы, играя на солнцѣ ярко-алыми и синими платками и рубашками... Куда все это дѣлось! Антоновки узнать невозможно. Она также отжила какъ будто и вдругъ состарѣлась. Стѣны избушекъ, вымоченныя безпрерывными дождями, такъ-же почти черны, какъ улица, которая превратилась въ грязь, замѣсилась и стала непроходимою; старыя ветлы обнажали свои головастые пни, и вѣтви на нихъ торчатъ кверху, какъ волосы на головѣ взъерошеннаго человѣка. Солома на крышахъ сдѣлалась совсѣмъ сѣрою и едва-едва отдѣляется теперь на сѣромъ небѣ.

Небо пока не шлетъ еще дождя но въ отдаленіи начинаютъ уже клубиться тяжелыя, мрачно-сизыя тучи.

XXIX.

Дядя Карпъ, котораго ненастье отрывало поминутно отъ начатой работы, спѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ. Обрадованный, что пересталъ наконецъ дождикъ, онъ, съ помощію сына, съ утра еще выкатилъ двѣ пустыя кадки; онѣ служили старику козлами для подмостокъ; приставленныя къ наружной стѣнѣ избы и устланныя досками, кадки давали Карпу возможность достать рукою почти до крыши.

Взгромоздившись на подмостки, Карпъ старательно набивалъ глину въ пазы и трещины избенки; онъ то-и-дѣло обращался къ снохѣ, которая тутъ же въ сторонѣ мѣшала лопатою сырую глину. Бѣдная бабенка едва успѣвала управиться; съ одной стороны кричалъ свекоръ, съ другой поминутно высовывалась изъ окна свекровь съ хозяйственными разспросами, съ третьей—приводилось гнать Дуню, которая, несмотря на холодъ, никакъ не хотѣла идти въ избу. По всей вѣроятности, Дуня согрѣвалась Васькой: крѣпко перехвативъ брата поперегъ живота, она переносила его съ одного плеча на другое; но какъ терпѣлъ Васька, — это дѣлалось рѣшительно непонятнымъ! Мальчикъ перешелъ уже отъ багроваго цвѣта въ синій; но ничего однакожъ; Васька не плакалъ; онъ только кряхтѣлъ и пыжился и то, повидимому, не столько отъ стужи, сколько отъ того, что вздрагивавшая сестра слишкомъ ужъ сильно нажимала ему животъ.

Подлѣ другой стѣны, со стороны улицы, происходила также работа; Петръ приваливалъ къ стѣнѣ солому, укрѣпляя ее жердями.

По мѣрѣ того, какъ съ той и съ другой стороны подвигалась работа, избушка принимала видъ больной, хилой старушенки, которую обкладываютъ пластырями и кругомъ обвязываютъ и кутаютъ.

На улицѣ никого почти не было, кромѣ семейства Карпа. Изрѣдка проходилъ кто нибудь. Такъ прошла баба съ ворохомъ неразмотанной бумаги на спинѣ. Поровнявшись съ избою

Карпа, она остановилась, поздоровалась со старикомъ и его снохою.

— Карпъ Иванычъ, сказала она: — тебѣ сродственникъ твой Ѳедотъ велѣлъ кланяться!

— Ну, его совсѣмъ! ворчливо проговорилъ старикъ, продолжая шлепать глиной.

— Ты, Дарья, откуда? спросила сноха: — я думала, ты отъ Никанора.

— И то, оттуда; вишь, взяла ребятамъ разматывать! возразила Дарья, встряхивая бумагой.

— Гдѣ-жъ ты Ѳедота видѣла? Онъ вѣдь у Аксена живетъ; развѣ такъ повстрѣчались?

— Нѣтъ, касатка, нанялся онъ теперь къ Никанору; у Никанора живетъ въ работникахъ.

При этомъ Карпъ сердитѣе только шлепнулъ глиной.

Немного спустя послѣ ухода Дарьи, мѣсто ее заступилъ маленькій живой мужичокъ съ веснушками, который во время уборки ржи бесѣдовалъ съ Гаврилой.

Поглядѣвъ съ минуту молча на работу Карпа, онъ наконецъ придвинулся.

— Ничего отъ этого, сватъ, теплѣе не будетъ, сказалъ онъ:—я, какъ не было у меня новой избы, свою старую тоже глиной обмазалъ, — продуваетъ; такъ-то продуваетъ, — хуже быть нельзя.

— Коли хорошо, крѣпко смазать,—не продуетъ! отозвался Карпъ неохотно.

— Хуже, сватъ, право, хуже; тогда снутри прѣть начнетъ; у меня то же было; пойдутъ морозы,—въ окнахъ, повѣришь-ли, вотъ какія сосульки намерзнутъ! добавилъ мужичокъ, показывая отъ плеча до ладони.

Карпъ ничего не отвѣтилъ.

— Сейчасъ, сватъ, къ Филипу заходилъ, продолжалъ словоохотливый мужичокъ: — дома нѣту, уѣхалъ; сказываютъ,— опять запилъ; года три за нимъ этого не было; зарокъ сказываютъ, на себя наложилъ, чтобъ не пить... Теперь опять, сказываютъ, зашибается... Э! да никакъ дождикъ?.. промолвилъ онъ, подымая голову.

Карпъ, сноха и Петръ, слышавшіе весь этотъ разговоръ, сдѣлали то же самое.

Сѣрыя тучи, которыя бѣжали, казалось, надъ самою крышею, дѣйствительно начинали отдѣлять дождевыя капли; въ тоже время вѣтеръ сильнѣе зашевелилъ соломой.

— Прощай, сватъ! надо скорѣй до дождя укрыться!... сказалъ мужичокъ, направляясь къ избѣ, которая стояла на самомъ краю деревни.

Пока онъ приближался къ дому, тучи, давно уже потоплявшія своею тѣнью окрестность, быстро надвигались на Антоновку. Съ каждой минутой, мѣстность, лежавшая за старыми ветлами, заслонялась и пропадала; вотъ и ветлы начали показываться какъ бы сквозь сѣрую дымку и вскорѣ пропали; дождикъ замѣтно дѣлался чаще и усиливался. Въ дальнемъ концѣ деревни, кто-то закутанный съ головою, — баба ли, мужикъ ли, разобрать было невозможно,—промелькнулъ черезъ улицу.

На минуту можно еще было различать, какъ Карпъ, его сынъ и сноха бѣгали и суетились, убирая свои кадки; но и они не замедлили изчезнуть за частою сѣтью дождя, который, крутясь и двигаясь по волѣ вѣтра, ударилъ шумнымъ косымъ ливнемъ и заслонилъ наконецъ самую Антоновку.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

БАРХАТНИКЪ.

XXX.

Позвольте теперь перенести васъ изъ унылой деревушки, утопающей въ грязи и облитой дождемъ, прямо въ центръ Петербурга. Переходъ, конечно, очень рѣзокъ; но тѣмъ лучше, мнѣ кажется. Безъ контрастовъ и неожиданныхъ переходовъ отъ худаго къ хорошему, отъ мрачнаго къ веселому и обратно, не только романы и повѣсти, но и самая жизнь была бы однообразна и слѣдовательно невыносимо скучна.

Итакъ, поспѣшимъ войти черезъ парадную дверь въ одинъ изъ самыхъ большихъ домовъ Малой Морской. Признаюсь, что домъ, при основаніи своемъ, исключительно предназначал-

ся для вмѣщенія жильцовъ богатыхъ или такихъ, которые во что бы ни стало хотѣли прослыть за богатыхъ,—служила широкая, устланная ковромъ лѣстница, украшенная каминами и швейцаромъ.

Намъ незачѣмъ подыматься слишкомъ высоко; достаточно остановиться во второмъ этажѣ противъ двери съ мѣдной досчечкой, на которой награвировано: „Аркадій Андреевичъ Слободской".

Аркадій Андреевичъ вмѣстѣ съ домашней его обстановкой,—начиная съ круга знакомыхъ и кончая мебелью его обширной квартиры,—составляютъ главный предметъ настоящаго повѣствованія. Мебель, особенно гостиной и кабинета такъ великолѣпна, что, я увѣренъ, еслибъ любое кресло перенести вдругъ въ Антоновку и поставить посреди улицы, ни одинъ изъ тамошнихъ обывателей ни за что не опредѣлилъ бы, что это за штука такая; самъ приходскій священникъ сильно бы затруднился дать ему вдругъ, сразу, настоящее имя, и только развѣ послѣ нѣкотораго размышленія могъ бы рѣшить, что издѣлію сему всего болѣе подобаетъ находиться въ храмѣ для замѣщенія стариннаго сѣдалища въ алтарѣ.

Аркадій Андреевичъ былъ холостъ, любилъ роскошь и рѣшительно не видѣлъ надобности себѣ въ ней отказывать; у него было около семи тысячъ душъ, въ числѣ которыхъ, если не ошибаюсь, состояли также знакомыя антоновскія души.

Часовъ въ двѣнадцать утра, въ богато-убранномъ кабинетѣ Слободскаго находилось уже нѣсколько посѣтителей. По мѣрѣ того какъ приближался день, посѣтители умножались; многіе являлись, впрочемъ, минутъ только на пять; спѣшно выкуривъ папироску, повертѣвшись передъ каминомъ, они такъ же скоро исчезали. Всѣ входили совершенно безцеремонно; брали со стола сигары и папиросы и во всемъ поступали какъ у себя дома. Кто усаживался, укладывая удобно ноги на сосѣднее кресло, кто попросту разваливался на кушеткѣ противъ пылающаго камина, кто расхаживалъ взадъ и впередъ, пуская кверху дымъ, который расходился мутными, сѣрыми клубами, потому что самое утро было мутно, сѣро и ненастно. Всѣ они по большей части были товарищами Слободскаго по службѣ; нѣкоторые, подобно ему, вышли въ отставку; другіе ходили въ мун-

дирахъ. Хозяинъ дома, заслонивъ себя отъ каминнаго жара стеклянными ширмами, располагался въ волтеровскихъ креслахъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати-восьми, съ чертами лица чрезвычайно правильными и красивыми, но уже замѣтно начинающими отцвѣтать. Военная служба не оставила на немъ ни малѣйшаго отпечатка; онъ такъ же изящно одѣвался и такъ же свободно двигался въ сѣрыхъ панталонахъ, сѣромъ жилетѣ и сѣрой жакеткѣ англійскаго покроя, какъ будто вѣкъ не носилъ другаго платья; въ пріемахъ его не было ничего жосткаго, натянутаго; во всей фигурѣ его, начиная съ маленькихъ красивыхъ ушей и кончая бѣлой нѣжной кистью руки, было что-то женственное, изнѣженное. Онъ казался усталымъ, хотя всего часъ назадъ вышелъ изъ постели. Слободской не переставалъ говорить то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей своихъ; въ голосѣ его и во взглядахъ проглядывало однакожъ полнѣйшее равнодушіе, если не всегда къ предмету бесѣды, то всегда почти къ собесѣднику.

Слободской далеко не былъ мизантропомъ; равнодушіе его проистекало частію изъ жизненнаго опыта, частію изъ того также, что онъ никого не любилъ искренно изъ тѣхъ, съ кѣмъ постоянно жилъ и въ кругу которыхъ ежедневно вращался. Выраженіе „mon ami,—il n'y à pas d'amis!!", изобрѣтеніемъ котораго былъ онъ очень доволенъ, повторялось имъ каждый разъ, какъ только слышалъ онъ слово—„другъ". Слободской, тратившій большія деньги на обѣды, гдѣ за каждаго пріятеля приходилось иногда платить рублей тридцать и сорокъ, пожалѣлъ бы между тѣмъ десятя цѣлковыхъ, чтобы спасти пріятеля, которому случилось бы обкушаться на его обѣдѣ.

Онъ раздѣлялъ своихъ знакомыхъ и пріятелей на три разряда. Къ первому принадлежали лица, которыя въ самомъ дѣлѣ были къ нему привязаны и любили его; до сихъ поръ онъ встрѣтилъ одного только такого; но и того убили на Кавказѣ. Ко второму разряду причислялись тѣ, которые ѣздили къ нему ради удобствъ, хорошихъ сигаръ, надежды выгодно промѣнять лошадь, занять денегъ или ради того также, что надо же дѣться куда нибудь и вертѣть языкомъ,—благо, онъ существуетъ; третій родъ пріятелей состоялъ изъ лицъ, которыя положительно его ненавидѣли, но видѣлись съ нимъ, частью чтобы скрыть настоящія свои чувства, частью потому, что пошло, глупо рас-

ходиться съ человѣкомъ, не имѣя, кромѣ затаенной ненависти, другой, болѣе основательной причины.

Изъ числа послѣднихъ не было къ счастію ни одного между посѣтителями настоящаго утра: всѣ они по большей части принадлежали ко второй категоріи. Несмотря на положительную глупость многихъ изъ нихъ, каждый, повидимому, въ отношеніяхъ своихъ къ Слободскому стоялъ въ настоящей точкѣ зрѣнія; никто не обманывался въ его чувствахъ; но никому, казалось, не было дѣла до этого, никто объ этомъ не заботился; каждый думалъ о себѣ самомъ, о своемъ удобствѣ, о хорошей сигарѣ,— и точно также чувствовалъ къ хозяину самое полное равнодушіе.

Все это нисколько не мѣшало вести самую короткую дружескую бесѣду.

XXXI.

— По моему, одно изъ самыхъ главныхъ, самыхъ натуральныхъ чувствъ человѣка,—это чувство благодарности! говорилъ Слободской, продолжая начатый разговоръ и преимущественно обращаясь къ смуглому господину среднихъ лѣтъ, лежавшему на кушеткѣ съ сигарою въ зубахъ: — человѣкъ, не имѣющій такого чувства, на мои глаза, существо недоконченное, что-то въ родѣ полу-человѣка!... И вотъ именно этого-то чувства,—не весело въ этомъ сознаться, но надо говорить правду,— именно этого-то чувства не вижу я въ нашемъ простомъ народѣ....

Господинъ, лежавшій на кушеткѣ, выразительно усмѣхнулся.

— Я говорю такъ рѣшительно потому, что основываю свои сужденія на собственномъ опытѣ, продолжалъ Слободской: — при покойномъ отцѣ, крестьянамъ моимъ было такъ плохо, какъ хуже быть не можетъ: отецъ почти безвыѣздно жилъ въ Парижѣ; въ имѣньяхъ распоряжались управляющіе,—грабили, разумѣется, и разоряли крестьянъ до невозможности; когда я вступилъ во владѣніе имѣньями, первымъ дѣломъ моимъ было

искоренить весь старый порядокъ и злоупотребленія; я смѣнилъ управляющихъ, уничтожилъ барщину и посадилъ мужиковъ на оброкъ, зная, что такое положеніе для нихъ несравненно легче барщины. Сотни, тысячи помѣщиковъ берутъ двадцать, двадцать пять рублей и болѣе оброку; я назначилъ всего пятнадцать съ семейства, — съ тягла, какъ тамъ называютъ... Кажется, сдѣлано было все, что только можно сдѣлать! Какой же вышелъ результатъ? Крестьяне сдѣлались только неисправнѣе; съ перваго же года до настоящей минуты, я только и слышу, что о недоимкахъ и недочетахъ, чего прежде, при отцѣ, никогда не бывало!... Далеко идти не зачѣмъ; я теперь болѣе мѣсяца безъ денегъ.... Пишу, пишу,—недѣли проходятъ прежде чѣмъ пришлютъ изъ той или другой конторы какихъ нибудь четыре-пять тысячъ! Послѣ всего этого, поневолѣ прійдешь къ убѣжденію, что при снисходительномъ, гуманномъ, какъ говорятъ теперь, управленіи, народъ дѣлается только неисправнѣе и балуется; управлять имъ, какъ видно, можетъ только страхъ; горько сознаться,—но это так!...

— Что-жъ вы хотите, Слободской, чтобъ я сказалъ вамъ на это?... произнесъ небрежнымъ тономъ и по французски господинъ, лежавшій на кушеткѣ;—мнѣ отвѣчать нечего; вы, по этому предмету, давно знаете мои убѣжденія!...

XXXII.

Убѣжденія этого господина заключались въ томъ, что онъ называлъ Россію непроходимою тундрой и отвергалъ въ русскомъ народѣ, котораго величалъ тунгусомъ, всякую способность къ развитію. Происходя изъ чисто русской-фамиліи Ипатовыхъ (невозможно, кажется, подозрѣвать примѣсь чего нибудь иноземнаго), онъ ненавидѣлъ все русское, и нельзя было лучше польстить ему, какъ сказавъ, что онъ, по выговору, привычкамъ своимъ и наружности, представляетъ совершеннѣйшій типъ француза или англичанина. Не имѣя понятія о самыхъ главныхъ основныхъ фактахъ отечественной исторіи, — фактахъ, извѣстныхъ каждому почти школьнику, не прочитавъ во всю жизнь ни одной русской книги, потому что, какъ самъ онъ

говорилъ, вся русская литература не стоила маленькой комедіи Октава Фелье или пословицы Мюссе, оставаясь такъ же равнодушенъ, какъ какой нибудь японецъ, къ самымъ живымъ событіямъ, совершающимся въ отечествѣ,—онъ въ то же время съ неимовѣрною жадностію поглощалъ иностранныя газеты, revue и брошюры.

Трудно найти человѣка, который былъ бы сильнѣе Ипатова, когда рѣчь заходила объ административномъ, политическомъ или финансовомъ вопросѣ въ Европѣ. Онъ зналъ имена всѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей континента и Британіи и могъ сообщать мельчайшія подробности изъ ихъ біографіи. Преніе верхней и нижней палаты, виды англійской политики, подробности касательно борьбы виговъ и торри, направленіе наполеоновской политики, отношеніе французскаго государства къ восточному и итальянскому вопросу, политическое состояніе Австріи и Германіи,— все это занимало Ипатова и дѣйствительно знакомо было ему въ той самой степени, какъ мало знакома была Россія и вообще все отечественное.

Всего замѣчательнѣе, что Ипатовъ никогда не бывалъ за границей; всю свою жизнь провелъ онъ въ Петербургѣ, изрѣдка посѣщая Москву, чтобы повидаться съ теткой, надъ которой громко всегда смѣялся, называя ее княгиней Халдиной.

Онъ проводилъ время, читая или рыская по гостинымъ, гдѣ, на изящнѣйшемъ французскомъ нарѣчіи, разсказывалъ о ходѣ современныхъ европейскихъ дѣлъ, и каждый разъ, какъ представлялся случай, проливалъ потоки желчи, костя на чемъ свѣтъ стоитъ Россію.

Предположеніе, будто основаніемъ желчи служило оскорбленное самолюбіе, совершенно несправедливо; съ самой юности до настоящаго времени, не произошло съ Ипатовымъ рѣшительно ничего такого, что, хотя бы кончикомъ волоска, могло задѣть его самолюбіе. Другіе слагали причину его желчи и раздражительности на бѣдность, которую скрывалъ Ипатовъ тщательнѣе своихъ пороковъ, но и это неосновательно; Россія виновата была въ этомъ, конечно, никакъ не болѣе Англіи, Франціи, Германіи, и т. д.

Въ послѣднее время Ипатовъ сдѣлался еще замѣтно терпимѣе; прежде онъ былъ рѣшительно невыносимъ. Манія его къ чужеземному доходила до того, что онъ никогда ни съ кѣмъ

ни хотѣлъ слова сказать по-русски; такъ напримѣръ, во время обѣда, желая выпить стаканъ воды, онъ обращался всегда къ сосѣду и говорилъ по-Французски: „Сдѣлайте милость, скажите лакею, чтобы налилъ мнѣ воды!“

Я самъ лично былъ свидѣтелемъ такого факта; хотите— вѣрьте, хотите—нѣтъ!

XXXIII.

— Я давно слышалъ, продолжалъ Слободкой, закуривая новую сигару и опрокидываясь на спинку креселъ:—будто вся эта дикость, недобросовѣстность,—словомъ, весь этотъ правственный упадокъ народа происходитъ отъ крѣпостнаго состоянія, я не защищаю его,—нѣтъ; но все-таки желательно бы знать, подхватилъ онъ, пуская струю дыма:—почему, несмотря на крѣпостное состояніе, которое началось не на прошлой недѣлѣ, въ прежнее время все шло какъ-то исправнѣе: самый народъ былъ лучше и нравственнѣе?..

— Полно, пожалуйста, Слободской! съ жаромъ заговорилъ бѣлокурый молодой человѣкъ, до сихъ поръ ходившій молча по кабинету.—Удивляюсь только, какъ можешь ты это говорить! Что теперь худо,—никто въ этомъ не сомнѣвается; но что прежде было хуже,—это такъ ж вѣрно, какъ то, что мы теперь въ Малой Морской; дѣло въ томъ, что прежде жили мы въ невѣдѣніи счастливомъ, какъ говорится,—о Россіи понятія не имѣли; все было отъ насъ шито да крыто; теперь начинаемъ мы мало по малу съ ней знакомиться...

Ипатовъ прислушивался къ рѣчи молодаго человѣка, какъ къ чему-то очень забавному и вмѣстѣ съ тѣмъ достойному сожалѣнія; онъ считалъ всегда, что знакомство съ Россіей достигнуто въ совершенствѣ, когда произнесешь слово—„тундра“; по его мнѣнію, это легче было, чѣмъ выкурить папироску.

— Да, я утверждаю, подхватилъ тотъ же молодой человѣкъ съ прежнимъ оживленіемъ:—всему виновато крѣпостное состояніе; только оно одно могло постепенно привести въ такой упадокъ нравственность крестьянина...

— Эхъ, досадно, право, слушать, сказалъ, нетерпѣливо вставая плотный кавалерійскій ротмистръ съ рыжими бакенами, расходившимися вѣеромъ:—у меня даже кровь въ голову бросается, когда онъ начинаетъ проповѣдывать! Знаете ли вы, Лиговской, что русскій мужикъ во сто кратъ счастливѣе меня съ вами,—да съ!..

— Вотъ это прекрасно...

— Да, счастливѣе подхватилъ ротмистръ, багровѣя.—Что ему дѣлается! Хлебаетъ себѣ щи, пичкаетъ съ утра до вечера пироги и сметану, да на печкѣ валяется... А тутъ, подлѣ, жена... какая нибудь толстая, бѣлая, румяная баба...

Всѣ засмѣялись, кромѣ Лиговскаго.

— Превосходно знаете вы, стало быть, положеніе нашего простолюдина, произнесъ онъ:—не только не ѣстъ онъ пироговъ, но часто нечѣмъ печь истопить,—ту печь, на которой, по словамъ вашимъ, онъ весь день валяется!.. Слава Богу, мы начинаемъ теперь иначе смотрѣть на вещи; я думаю, нѣтъ теперь человѣка, который не ждалъ бы ото всей души скораго уничтоженія крѣпостнаго права; я увѣренъ что какъ только...

— Лиговской! Лиговской!.. смѣясь закричалъ хозяинъ дома, указывая на верхній косякъ двери:—Лиговской, посмотри... Ты, кажется, знаешь правило!..

Къ верхнему косяку пришпиленъ былъ булавкой кусокъ бумаги съ крупною надписью: „Здѣсь не говорятъ объ эманципаціи!“

— Скажи-ка лучше, подхватилъ Слободской:—ты, который часто видишься съ Берестовымъ,—разыгралъ ли онъ свою комедію, разошелся ли наконецъ со своею танцоркой?

— Нѣтъ, каждый день ссорятся, расходятся, потомъ мирятся и снова сходятся,—совершенно какъ старый Исакіевскій мостъ, отвѣчалъ разсѣянно Лиговской:—мнѣ кажется, они вѣкъ проживутъ такимъ образомъ.

— Съ этими барынями всегда легче сойтись, чѣмъ разойтись... сказалъ Слободской. — Сначала онѣ ни за что какъ будто не хотятъ начинать; потомъ, какъ начнутъ, ни за что не хотятъ кончить! Это всегдашняя исторія... Скажи, пожалуйста, ну а графъ Пирхъ все еще влюбленъ?

— Развѣ онъ у тебя не бываетъ?

— Бываетъ, но только давно что-то блистаетъ своимъ отсутствіемъ...

— Влюбленъ по прежнему! Утромъ проѣзжаетъ своихъ лошадей мимо ея оконъ; въ шесть часовъ вечера провожаетъ ея карету до театра; послѣ театра торчитъ на театральномъ подъѣздѣ ..

— Но какъ дѣло его? идетъ успѣшно?

— Кажется... не знаю только чѣмъ кончится...

— Ничѣмъ не кончится! замѣтилъ ротмистръ:—Пирхъ въ конецъ промотался,—, кромѣ что нѣмецъ; говорятъ, онъ даже долговъ не платитъ...

— Ну, это еще не доказательство! Долги платятъ теперь одни только наслѣдники... и то въ первое время своего богатства... Увидите, господа, Пирхъ достигнетъ своей цѣ и; тамъ гдѣ другой беретъ браслетами, Пирхъ возьметъ терпѣніемъ... И наконецъ, что-жъ мудренаго: оба они могутъ быть влюблены другъ въ друга...

— Какая тутъ любовь! перебилъ Лиговской, съ тѣмъ же самымъ жаромъ, какъ говорилъ объ эманципаціи и состояніи народа:—какая любовь!—если есть что нибудь у нихъ,—такъ просто обмѣнъ двухъ капризовъ.

— Ну, прощайте, господа! сказалъ Ипатовъ, приподымаясь съ кушетки:—какъ скоро рѣчь зашла о балетѣ и театрѣ, вы, по обыкновенію, никогда не кончаете:—прощайте, Слободской...

— Прощайте! я тоже ухожу, вымолвилъ ротмистръ, пристегивая палашъ: -ты не забылъ, Слободской, что обѣщалъ сегодня Острейху пріѣхать посмотрѣть его лошадей.

— Нѣтъ; но стоитъ-ли? Хороши-ли лошади?

— Знатные есть кони! Я купилъ у него верховую.

— Доволенъ?

— Не совсѣмъ... Лошадь во всѣхъ статьяхъ красива, проговорилъ ротмистръ, насупивая брови:—но я погорячился; нахожу въ ней сухость какую-то въ аллюрѣ; своего, природнаго въ ней мало... Понимаешь братецъ, — нѣтъ подъ сѣдломъ фантазіи; фантазіи нѣтъ! Такъ ты пріѣдешь?

— Да, въ три часа, какъ обѣщалъ, отвѣчалъ Слободской, поглядывая на булевскіе часы, украшавшіе каминъ.

XXXIV.

Выходя изъ кабинета, Ипатовъ и ротмистръ встрѣтили въ дверяхъ камердинера, который несъ на подносѣ нѣсколько конвертовъ, запечатанныхъ казенною печатью.

— Сейчасъ съ почты принесли, проговорилъ камердинеръ, подавая ихъ барину.

Слободской распечаталъ одну повѣстку за другою, бѣгло взглянулъ на цифру, потомъ придвинулся къ столу, черкнулъ на обратной сторонѣ довѣренность на имя камердинера и велѣлъ ему, не медля ни минуты, съѣздить сначала въ полицію для удостовѣренія подписи, потомъ въ почтамтъ для полученія денегъ.

Камердинеръ вышелъ.

Въ общей сложности, повѣстки объявляли о полученіи изъ разныхъ губерній суммы въ пять тысячъ. Слободской ждалъ гораздо больше; въ другое время онъ жестоко-бы разсердился и тотчасъ-же написалъ бы громовое письмо въ главную свою контору. Но нынѣшнее утро застало его въ хорошемъ расположеніи духа. Это обстоятельство спасло главную контору, а слѣдовательно и все, что находилось въ ея зависимости, отъ передрягъ, суеты, безпокойствъ и даже притѣсненій всякаго рода.

Слезно прибѣгаемъ къ Провидѣнію, моля его продлить хорошее расположеніе духа Аркадія Андреевича Слободскаго!

— Слушай, Лиговской, сказалъ Слободской, поворачивая кресло къ молодому человѣку, который стоялъ спиною къ камину, расправивъ въ обѣ стороны фалды сюртука: — я ждалъ ухода Ипатова и милѣйшаго изъ ротмистровъ, чтобы пригласить тебя сегодня въ ложу.

— Спасибо; все та же ложа—литера Ц съ лѣвой стороны?

— Да. Такъ ты пріѣдешь?

— Непремѣнно; но скажи, пожалуйста, весело подхватилъ Лиговской:—какъ идутъ твои собственныя дѣла съ маленькой Никошиной?.. О другихъ ты распрашиваешь, о себѣ никогда ничего не скажешь...

— Мои дѣла, смѣясь возразилъ Слободской: — мои дѣла

пока еще въ будущемъ! Они ограничиваются, утромъ,—прогулкою по театральной улицѣ...

— Говорятъ—улица любви! съ комическимъ укоромъ подсказалъ Лиговской: — вступивъ въ кругъ театраловъ, ты долженъ говорить ихъ языкомъ и называть вещи настоящимъ ихъ именемъ.

— Вечеромъ, когда балетъ, продолжалъ Слободской: — сижу въ ложѣ, гдѣ у насъ происходитъ стрѣльба...

— Которая, прибавь, идетъ очень удовлетворительно; въ прошлый вторникъ, я сидѣлъ въ креслахъ; едва вошелъ ты въ ложу,—она не спускала съ тебя глазъ; стоя за кулисами, она также исправно на тебя пострѣливала... Прелесть, какая миленькая дѣвочка! Но я не объ этомъ... Мнѣ хотѣлось узнать, не приступишь-ли ты къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ?

— Нѣтъ еще; до сихъ поръ не могъ даже хорошенько узнать, есть-ли у нея какая нибудь родственная обстановка...

— Да, это статья не послѣдняя!..

— Еще бы!

— Надо-бы попросить барыню Берестова разузнать объ этомъ... Но впрочемъ, вотъ и Димъ! спроси у него.—Здравствуй Димъ!...

XXXV.

Восклицаніе это относилось къ молодому человѣку лѣтъ двадцати-трехъ, худенькому, тщедушному, но съ пріятнымъ лицомъ, исполненнымъ огня и одушевленія, не совсѣмъ обыкновенныхъ. Въ юношѣ этомъ было что-то особенное,—какая-то внутренняя притягательная сила, которая невольно влекла къ нему и располагала въ его пользу.

Онъ дѣйствительно любимъ былъ всѣми, кто только зналъ его,—начиная съ лицъ высшаго общества, къ которому принадлежалъ онъ, и кончая скромными кружками бѣдныхъ студентовъ и художниковъ. Лучшимъ доказательствомъ хорошей природы его служило то, что всеобщее баловство и своего рода популярность не имѣли на него никакого дѣйствія; онъ былъ скромнѣе, проще и добродушнѣе многихъ никому невѣдомыхъ юношей, съ которыми водилъ дружбу,—дружбу, которая, ска-

жемъ мимоходомъ, сильно неправилась его отцу, матери и другимъ родственникамъ.

Предразсудки и обстоятельства его окружавшіе служили съ раннихъ лѣтъ преградою всѣмъ его стремленіямъ, не дали развиться ни одному изъ его талантовъ, лишили его всякаго направленія; онъ ни на чемъ не остановился. А между тѣмъ, уже по одному тому, за что брался онъ иногда,—видно было, что могло бы выйдти изъ него при другихъ условіяхъ. Никогда не учась рисовать, онъ набрасывалъ эскизы и композиціи, которые обличали богато-одаренное воображеніе и сильное артистическое чутье; не учась никогда музыкѣ, онъ бѣгло разыгрывалъ à livre ouvert какіе угодно пассажи, игралъ на память цѣлыя оперы; врожденное музыкальное дарованіе высказывалось въ его вкусѣ, въ способности быстро понимать и сильно чувствовать истинно хорошее,—даже въ манерѣ пѣть романсы, которые передавалъ онъ часто лучше многихъ извѣстныхъ артистовъ. Артистическая природа еще сильнѣе выказывалась въ его разговорѣ, отличавшемся живописностію и пластикой; двумя-тремя мѣткими выраженіями умѣлъ онъ обрисовать живую фигуру или перенести слушателя въ тотъ кругъ, который хотѣлъ изобразить. Принимаясь за книгу случайно, урывками, онъ прочелъ очень много: и здѣсь точно также выборъ его—показывалъ вкусъ и вѣрное чутье. Словомъ, еслибъ раздѣлить дарованія этого юноши между пятью французами и пятью англичанами,—вышло бы навѣрное десять замѣчательныхъ людей. Изъ Дима ничего не вышло; вышелъ только милый, умный, занимательный малый, который съ шестнадцати лѣтъ рисовалъ каррикатуры въ альбомы барынь высшаго круга, пѣлъ романсы и цыганскія пѣсни въ обществѣ камелій, былъ необходимымъ членомъ всѣхъ холостыхъ обѣдовъ и попоекъ, являлся на всѣхъ загородныхъ гуляньяхъ, скачкахъ и празднествахъ, на всѣхъ вечерахъ и пикникахъ съ актрисами, лоретками и цыганками,—гдѣ снова пѣлъ романсы, танцовалъ, произносилъ комическіе спичи и пилъ наравнѣ съ самыми застарѣлыми питуками веселыхъ сборищъ.

Папенька его, въ это время, неизбѣжно сидѣлъ въ англійскомъ клубѣ, гдѣ провелъ болѣе двадцати лѣтъ своего существованія; маменька, которой давно минуло за сорокъ, сидѣла въ театрѣ, или, разряженная въ пухъ и прахъ, въ manches courtes a décolletée, вертѣлась на какомъ нибудь балѣ, окру-

женная роемъ молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ одинъ особенно отличался всегда своимъ постоянствомъ.

Димъ, настоящее имя котораго было Дмитрій, а фамилія графъ Волынской,—вошелъ не одинъ къ Слободскому. Его сопровождалъ тоже молодой человѣкъ, но только плотный, коренастый, съ крутыми огромными икрами, выпученной грудью, коротенькой шеей и шарообразною головою, обстриженной подъ гребенку. Господинъ этотъ, по фамиліи Свинцовъ, былъ фанатическимъ поклонникомъ Волынскаго; онъ точно влюбленъ былъ въ него до идіотства; онъ не отставалъ отъ него ни на шагъ, стремительно летѣлъ туда, гдѣ могъ быть Волынской,—словомъ, не могъ безъ него обходиться; каждое слово Волынскаго, каждая его выходка, каждая плохая острота имѣли свойство приводить Свинцова въ восторгъ и восхищенье неописанные.

— Здравствуй, Димъ! ты какъ нельзя кстати, сказалъ Слободской, здороваясь съ Волынскимъ и пожимая руку Свинцову, котораго называлъ онъ всегда субъектомъ, вполнѣ достойнымъ своей фамиліи: — мы говорили здѣсь съ Лиговскимъ о Фанни Никошиной...

— За которой онъ звѣрски ухаживаетъ, хотя и скрываетъ это! подсказалъ Лиговской.

— Положимъ!... перебилъ Слободской. — Я до сихъ поръ не знаю, есть ли у ней родня какая нибудь, папенька, маменька, бабушки, тетушки и т. д., проговорилъ онъ съ комической интонаціей.

— Если ты точно влюбленъ — не испытывай, пожалуйста, моей деликатности, сказалъ Димъ, улыбаясь: — спроси лучше, хорошенькія ли у ней ножки; мнѣ въ тысячу разъ пріятнѣе будетъ тебѣ отвѣтить...

— О ея ножкахъ я и безъ тебя знаю!.. Изъ того, что ты говоришь, я долженъ слѣдовательно заключить, что Фанни обременена многочисленнымъ, и вдобавокъ, что всего прискорбнѣе, добродѣтельнымъ семействомъ..

Вмѣсто отвѣта, Волынской подошелъ къ роялю, сѣлъ на табуретъ и взялъ нѣсколько аккордовъ.

Свинцовъ засуетился, поспѣшно поставилъ каску, и подошелъ къ роялю.

— Я лучше спою вамъ вещь, которую оба вы, и ты, и Лиговской, вѣрно не слыхали....

— О, это превосходно!... Восхитительно!... Какъ онъ поетъ это, господа!... Послушайте, это просто—просто восхитительно!! произнесъ Свинцовъ, сіяя весь съ головы до ногъ безсмысленнымъ восторгомъ.

— Свинцовъ, я уже сказалъ тебѣ разъ навсегда:—меньше восторга и больше скромности въ отношеніи ко мнѣ, сказалъ Волынской, откашливаясь.

— Что это такое? спросили Лиговской и хозяинъ дома.

— „La Chanson du pain" Пьера Дюпона:

«Quand dans l'air et sur la riviére
Des moulins se tait le tic-tac:—»

— Слушайте!

Но не успѣлъ онъ спѣть первой фразы, какъ въ кабинетѣ неожиданно явилось новое лицо.

XXXVI.

На этотъ разъ предсталъ господинъ лѣтъ уже подъ пятьдесятъ, высокій плотный, въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, по военному. Лицо его, брюзглое и морщинистое, какъ печеное яблоко, украшалось сверху коротко обстриженными волосами, по срединѣ, круто завинченными усами; и то и другое было такъ дурно выкрашено черною краской, что всюду просвѣчивала сѣдина и рыжеватый корень; золотые очки и коричневыя перчатки, которыя такъ были широки, что сами собою сползали съ пальцевъ, дополняли его наружный видъ.

— А, князь! закричали присутствующіе въ одинъ голосъ.

— „Bonjour!" отвѣчалъ съ какимъ-то недовольнымъ, нахмуреннымъ выраженіемъ князь, поочередно пожимая всѣмъ руки.

— Что съ вами? Вы сегодня, кажется, не въ духѣ?.. спросилъ Слободской.

— Нѣтъ... Ничего...возразилъ князь, насупивая брови.

— Полно врать, пожалуйста! крикнулъ Волынской, который со всѣми рѣшительно, даже съ дряхлыми стариками, былъ на ты:—всѣ знаютъ, что такое!..

— Если знаете, стало быть, спрашивать нечего! сухо возразилъ князь, принимаясь ходить изъ угла въ уголъ по кабинету.

— Самъ разсуди, братецъ, началъ Волынской, умышленно-серьезнымъ тономъ:—какъ же ты хочешь, что бы Фисочка Вишнякова, которой, скажемъ мимоходомъ, протежируешь ты чортъ-знаетъ изъ чего, нашла себѣ обожателя!? Не самъ ли ты увѣрилъ ее, что у нея есть талантъ, бѣгалъ къ театральному начальству и хлопоталъ, чтобы перевели ее изъ балета въ Александрійскій театръ; кто ее тамъ увидитъ? Останься она въ балетѣ—другое дѣло!.. И наконецъ, талантъ ея совсѣмъ не изъ тѣхъ, который можетъ обратить на нея вниманіе...

— Совсѣмъ не о талантѣ рѣчь! съ жаромъ заговорилъ князь: — я говорю только, — вотъ дѣвушка съ самыми блистательными условіями, молоденькая, хорошенькая, ангельски-кроткаго характера, не имѣющая никакого родства, кромѣ старой бабушки, которая безвыѣздно живетъ въ Кронштадтѣ, и при всемъ томъ, дѣвушка эта никого не находитъ, кто бы обратилъ на нее вниманіе! Да знаете ли вы: Elle n'a pas de chemises! понижая голосъ и съ сильнымъ драматическимъ оттѣнкомъ добавилъ князь, не замѣчавшій, что присутствующіе переглядывались и посмѣивались.

— Ну, такъ купи ей дюжину рубашекъ—и дѣлу конецъ! сказалъ Волынской.

— Не могу же я одѣвать всю дирекцію! возразилъ князь патетически:—да, господа, это просто срамъ! подхватилъ онъ съ возраставшимъ негодованіемъ.—Въ прежнее время этого бы не случилось! Нынѣшняя молодежь—просто дрянь!.. Да!.. Это какія-то вялыя сосульки, и больше ничего! Я не могу говорить.. объ этомъ равнодушно... Это... это просто чортъ-знаетъ что такое!

Всего замѣчательнѣе было то, что князь въ негодованіи своемъ былъ какъ нельзя болѣе искрененъ. Проведя болѣе тридцати лѣтъ въ театральномъ обществѣ, въ пользу котораго отказался отъ своего собственнаго, онъ такъ съ нимъ сблизился и сроднился, такъ усвоилъ себѣ закулисную точку зрѣнія, что не шутя принималъ къ сердцу судьбу каждой неустроенной молоденькой танцовщицы или актрисы; онъ бился и хлопоталъ изо всей мочи, чтобы какъ нибудь уладить дѣло. Для этого онъ давалъ у себя обѣды, устраивалъ танцовальныя вечера, куда приглашалась молодежь и театральныя дамы, сочинялъ пикники, составлялъ въ лѣтнее время разныя увеселительныя прогулки, катанья въ лодкахъ, и проч. и проч. Князь крестилъ почти во

всѣхъ устроенныхъ имъ семействахъ. Когда съ его точки зрѣнія,—которая, какъ мы уже сказали, была закулисная точка зрѣнія,—удавалось ему устроить судьбу какой нибудь Ашеньки, Пашеньки или Глашеньки, онъ на нѣсколько дней совершенно перерождался; онъ расправлялъ брови, не переставалъ мурлыкать подъ носъ какія-то пѣсенки и крѣпко потиралъ ладонями отъ восхищенья; весело постукивая тростью по плитамъ невскаго тротуара, князь подходилъ тогда къ каждому знакомому и, радостно потирая руками, произносилъ:—„L'affaire est arrangée! Nous avons baclé l'affaire!!.“

XXXVII.

— Знаешь, князь, сказалъ Волынской, перебирая клавиши:—не шутя тебѣ совѣтую,—напусти-ка ты стараго Галича на свою protegée...

— Ну его, стараго шута!

— Представьте, господа, этотъ старикашка, Галичъ, не шутя, кажется, рехнулся! сказалъ Волынской.—Вчера сидѣлъ я съ нимъ въ ложѣ князя; на сцену выходитъ Цвѣткова; клянусь вамъ, она ни разу на насъ не взглянула; напротивъ, умышленно даже отворачивалась; князь, который на томъ свѣтѣ отвѣтитъ за Галича, потому что первый втравилъ его въ театръ и волокитство,—князь говоритъ ему:—„ты ничего не замѣчаешь, она съ тебя глазъ не сводитъ!„ Смотрю, Галичъ закрылъ вдругъ глаза, припалъ головою къ перегодкѣ ложи и, пожимая намъ нѣжно руки, проговорилъ глухимъ, потухающимъ голосомъ:—„merci, merci!..“

Всѣ засмѣялись. Самъ князь улыбнулся, и съ той минуты повеселѣлъ какъ словно.

— Но лучше всего, это исторія съ поэмой...

— Какой поэмой? спросилъ Лиговской.

— Какъ! развѣ ты не знаешь?

— Нѣтъ.

— Галичъ, котораго опять-таки подбилъ князь,—сунулся на подъѣздъ актеровъ послѣ спектакля и сказалъ Цвѣтковой какой-то комплименть... Та что-то ему отвѣтила, надо думать пріятное, потому что Галичь въ тотъ же вечеръ полетѣлъ къ старухѣ, сестрѣ своей, и наотрѣзъ объявилъ ей о своемъ

намѣреніи жениться на Цвѣтковой! Бѣдная старуха, говорятъ, покатилась на диванъ, и часа два не могли привести ее въ чувство... Дня четыре назадъ, сидимъ мы послѣ обѣда у князя,— является Галичъ. Въ жизни не видалъ я болѣе уморительной и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкой фигуры...

Волынской подогнулъ колѣни, повѣсилъ голову на бокъ и такъ поразительно живо представилъ Галича,—что всѣ снова разразились смѣхомъ.

— Князь, которому Галичъ сообщилъ уже свою поэму въ честь Цвѣтковой, началъ его упрашивать прочесть намъ ее; я думалъ, старикъ начнетъ ломаться, — ничуть не бывало! Онъ беретъ восторженную, самодовольную позу и начинаетъ декламировать... Больше всего, примолвилъ, смѣясь, Волынской:—больше всего понравились мнѣ слѣдующіе стихи:

„Я на Араратъ ее поставлю,
И весь міръ думать заставлю:
—Вотъ та, которую я люблю!!!."

— Не праздали, это прелесть! я тотчасъ же и музыку сочинилъ... Что-то торжественное, во вкусѣ марша Черномора изъ Руслана и Людмилы... заключилъ Волынской, подходя къ роялю въ сопровожденіи Свинцова.

— Пой, я пока одѣнусь: меня ждутъ въ три часа, сказалъ Слободской, направляясь къ уборной.

Онъ возратился однакожъ, увидѣвъ камердинера, входившаго съ толстыми пакетами, запечатанными пятью печатями.

Слободской сорвалъ обертки, положилъ деньги въ столъ и заперевъ его ключикомъ, который носилъ всегда въ карманѣ,— ушелъ въ уборную.

Въ продолженіе четверти часа долетали до его слуха звуки фортепіано и пѣніе, прерываемое время отъ времени криками— „браво“ и громкимъ хлопаньемъ.

— Господа, произнесъ Слободской, выходя въ кабинетъ совсѣмъ уже одѣтый:—я предлагаю вамъ сдѣлать мнѣ сегодня маленькое удовольствіе... Сегодня, какъ вамъ извѣстно, — балетъ; пріѣзжайте всѣ ко мнѣ въ ложу; ложа обыкновенная—литера Ц съ лѣвой стороны.

— Господа, вмѣшался Лиговской:—отказать ему нѣтъ возможности! Знаете сами, какой день сегодня: сегодня Фанни Никошина,—нечего объяснять вамъ, какое значеніе имѣетъ она

для хозяина дома сего,—Фанни танцуетъ сегодня свой первый па... Это нѣкоторымъ образомъ ея дебютъ!..

— Еще бы! непремѣнно! Просить нечего! заговорили присутствующіе, съ участіемъ окружая Слободскаго, который смѣялся, какъ человѣкъ, которому ничего больше не оставалось дѣлать.

— Господа, да будетъ вамъ извѣстно, сказалъ окончательно развеселившійся князь:—я пріѣду въ ложу первымъ; безъ букета никто не впускается; "c' est de rigeur!"

— Спасибо, князь! вымолвилъ Слободской:—я прошу васъ объ этомъ, господа, не столько для своихъ цѣлей, сколько, не шутя, для того, что надо же поощрить молоденькій, начинающій талантъ.

— Знаемъ! знаемъ!!. замѣтилъ Волынской.

Всѣ снова засмѣялись.

Слободской позвонилъ, открылъ ящикъ въ столѣ и вынулъ нѣсколько ассигнацій.

— Сходи сію же минуту къ Казанскому собору въ цвѣточную лавку, сказалъ онъ, подавая деньги вошедшему камердинеру: — спроси два лучшихъ букета изъ бѣлыхъ камелій, — не забудь: бѣлыхъ камелій! Скажи только хозяину: для господина Слободскаго, — онъ знаетъ! А что, коляска готова?

— Готова.

— Ну, господа, извините; надо ѣхать; далъ слово, заключилъ онъ, поглядывая на часы.

— Всѣ взялись за шляпы и вышли изъ кабинета вмѣстѣ съ хозяиномъ дома.

XXXVIII.

Острейхъ жилъ въ Сергіевской. Слободской проскакалъ слѣдовательно по всему Невскому и Литейной въ тотъ часъ именно, когда на первой изъ этихъ улицъ, даже въ дурную погоду, бываетъ особенно людно. Коляска Слободскаго произвела свой всегдашній эффектъ.

Онъ имѣлъ обыкновеніе выѣзжать на страшной парѣ вороныхъ, которыхъ охотники называли „чертями и дьяволами,"

а остальные смертные — „лошадьми непозволительнаго свойства,“ — и при этомъ всегда бранили полицію, дозволяющую скакать по городу во всѣ лопатки. Такія жалобы не совсѣмъ были справедливы; полиція нисколько не была виновата, что коляска Слободскаго опрокидывала извощичьи дрожки, разъ задѣла четырехъ подмастерьевъ со шкафомъ на головѣ, а разъ совсѣмъ сбила съ ногъ и чуть не задавила какую-то старушку, проходившую черезъ улицу. Полиція неоднократно отбирала лошадей у Слободскаго. Слободской ограничивался тѣмъ, что смѣнялъ кучера, покупалъ новую отличную пару, промѣнивалъ ее на свою прежнюю, и снова „черти и дьяволы“ появлялись на Невскомъ.

Слободской вовсе не думалъ встрѣтить у Острейха многочисленную компанію. Когда онъ пріѣхалъ, общество находилось въ конюшнѣ; тамъ началась уже выводка и продажа.

На свою долю Слободской купилъ маленькаго англійскаго пони; онъ вовсе не былъ ему нуженъ, но такъ ужъ пришлось,— съ языка сорвалось, какъ говорится. Пріобрѣтеніе пони внушило Слободскому мысль заказать легонькій кабріолетъ, въ которомъ, не обременяя маленькаго коня и сидя только съ грумомъ, можно было бы ѣздить въ лѣтнее время на острова и посѣщать мысъ Елагина острова. Съ такою мыслію, Слободской, привыкшій исполнять свои прихоти и фантазіи тотчасъ же, не откладывая минуты, отправился къ своему каретнику.

Оттуда проѣхалъ онъ въ Большую Милліонную къ сестрѣ, съ которой не видался болѣе восьми дней.

Сестра его была женою великолѣпнаго, блистательнаго господина, который задавалъ каждую зиму роскошные балы и праздники, куда съѣзжался весь городъ, но который вмѣстѣ съ тѣмъ сидѣлъ постоянно безъ гроша денегъ, такъ что въ послѣдніе два года, несмотря на строжайшія предписанія докторовъ, не находилъ никакой возможности отправить жену и дѣтей въ Гапсаль для излеченія здоровья.

Отъ сестры Слободской проѣхалъ къ одной свѣтской дамѣ, которой говорилъ „вы“ при мужѣ и „ты,“ когда супругъ находился въ отсутствіи. Онъ ѣхалъ къ ней единственно съ тою цѣлію, чтобы только показаться на глаза и этимъ способомъ избавить себя, хоть на время, отъ преслѣдованій и длинныхъ писемъ, исполненныхъ опасеній, упрековъ, и часто,—что было

всего невыносимѣе, — писемъ закапанныхъ слезами. Связь эта, продолжавшаяся всего десять мѣсяцевъ, но стоившая ему три года постоянныхъ и почти безнадежныхъ ухаживаній,—страхъ теперь ему прискучила и была въ тягость. Онъ бросился въ театральство и распускалъ слухъ о волокитствѣ за маленькой Фанни, въ той надеждѣ, что это, по всей вѣроятности, дойдетъ до дамы его сердца и ускоритъ между ними разрывъ.

Узнавъ отъ швейцара, что барина нѣтъ дома, но барыня принимаетъ, Слободской, который прежде послѣ такого извѣстія радостно взбѣгалъ по лѣстницѣ,—страшно теперь надулся. Онъ надулся еще болѣе, заставъ барыню совершенно одну. — „Хоть бы лакей какой-нибудь торчалъ въ дверяхъ!..“ досадливо подумалъ онъ, ожидая начала докучливыхъ объясненій. Онъ не ошибся; дѣйствительно, началась одна изъ тѣхъ сценъ, когда женщина, чувствуя себя оскорбленною, но столько еще любящая, что мысль о разлукѣ тяжелѣй всего переносится, забываетъ вдругъ всю мелочь самолюбія и явно, не скрываясь, отдается своему горю. Но странно, чѣмъ справедливѣе были ея упреки, чѣмъ обильнѣй лились ея слезы, тѣмъ болѣе и болѣе ожесточалось сердце Слободскаго, тѣмъ сильнѣе разгоралось въ его груди чувство досады и даже злобы. Наконецъ онъ всталъ, произнесъ мелодраматическимъ тономъ: — „Encore des larmes, Madame! Encore des reproches! C'est horrible. vraiment!..“ — и торопливо вышелъ.

Онъ заѣхалъ еще въ два дома, чтобы оставить карточку, и велѣлъ везти себя какъ можно скорѣе въ Малую Морскую. Ему оставалось ровно столько времени, чтобы успѣть переодѣться. Онъ ѣхалъ на полу-оффиціальный именинный обѣдъ, который можно было бы назвать обѣдомъ проклятій, потому что тотъ, кто давалъ обѣдъ, проклиналъ его еще за три дня, — и тѣ, которыхъ звали, также проклинали его въ свою очередь.

Тѣмъ не менѣе обѣдъ прошелъ какъ нельзя лучше; хозяинъ и хозяйка дома были очаровательно любезны, гости также, и всѣ весело встали изъ-за стола, помышляя объ одномъ только: какъ бы поскорѣе удрать, не обижая хозяина, который съ своей стороны думалъ: какъ бы только поскорѣе освободиться!

Слободской ускользнулъ первымъ. Онъ заѣхалъ опять домой и снова переодѣлся.

*

— Въ большой театръ! закричалъ онъ, влѣзая въ карету, которая стремглавъ понеслась, едва захлопнулись дверцы.

XXXIX.

Туманъ, который опустился на Петербургъ часамъ къ семи, былъ такъ густъ, что карета нѣсколько разъ должна была останавливаться,—частію, чтобы не налетѣть на другіе экипажи, катившіе по тому же направленію,—частію потому также, что лошади скользили и спотыкались на торцѣ, увлажненномъ сыростію. На театральной площади было еще хуже. Сотни экипажей стремительно неслись на площадь и храбро врѣзывались въ туманную мглу, которая ходила волнами и постепенно сгущалась; ничего нельзя было различать. Слышались только со всѣхъ сторонъ гамъ и крики, неистовый грохотъ колесъ и быстрый лошадиный топотъ.

Бо́льшей возьни и суматохи не могло быть, кажется, на днѣ Краснаго моря, когда волны его, разступившись стѣною, вдругъ сомкнулись и закрыли Фараоново войско.

Все это выпутывалось какимъ-то чудомъ и подкатывало къ ярко-освѣщеннымъ подъѣздамъ. Изъ экипажей поминутно выходили воздушныя, какъ сильфиды, дамы, которыя быстро исчезали въ дверяхъ, распространяя въ воздухѣ тонкій благоухающій запахъ фіалки, es-bouquet и геліотропа. Въ коррндорахъ было почти такъ же жарко, какъ было сыро и холодно на улицѣ. Тамъ уже съ трудомъ можно было двигаться. Львы и денди всѣхъ возможныхъ возрастовъ и слоевъ общества, офицеры всѣхъ возможныхъ полковъ, дамы, молоденькія и старыя, въ бальныхъ нарядахъ, ливрейные лакеи и капельдинеры,—все это двигалось взадъ и впередъ, взбиралось по лѣстницамъ и хлопало дверьми ложъ и партера.

Въ залѣ, наводненной свѣтомъ, было еще шумливѣе. Поминутно, то тутъ, то тамъ, ряды ложъ унизывались хорошенькими женщинами, блиставшими своими нарядами, плечами и драгоцѣнными каменьями. Хорошо было, что съ перваго взгляда доставлялась возможность вѣрно судить о томъ, чѣмъ именно слѣдовало любоваться; выставлялось только то, что дѣйствительно заслуживало вниманія; здѣсь, при всемъ желаніи усмо-

трѣть что нибудь другое, — можно было видѣть одну только профиль, тутъ показывалась на всеобщее удивленье часть спины, отъ которой рябило въ глазахъ и сладко вздрагивало сердце; тамъ поражала чудная бѣлизна руки съ обнаженнымъ локтемъ, который привлекательно лоснился на красномъ бархатѣ перилъ. Иногда въ той или другой ложѣ усаживалась въ кресло ветхая фигура, представлявшая одну груду драгоцѣнныхъ камней, которые блескомъ своимъ привлекали на минуту всеобщее вниманіе.

Въ глубинѣ ложъ, не считая постоянныхъ лицъ, общество то-и-дѣло смѣнялось; множество мужчинъ, старыхъ и молодыхъ, со звѣздами и безъ звѣздъ, штатскихъ и военныхъ, желая до начала представленія воспользоваться свободнымъ временемъ, спѣшили отдать свои визиты и пробирались изъ яруса въ ярусъ. Въ качествѣ гостей, въ ложи являлись иногда мужья; повертѣвшись съ минуту, они спѣшили исчезнуть, чтобы скорѣе занять свое мѣсто въ креслахъ — и оставляли за спиною женъ изящнѣйшихъ молодыхъ людей, которымъ жены давали держать букетъ, бинокль, бросая на нихъ украдкою нѣжные выразительные взгляды.

Въ половинѣ осьмаго, зала театра окончательно наполнилась; въ партерѣ не было уже свободнаго мѣста. Начинали чувствоваться жаръ и духота; въ разныхъ концахъ раздавалось хлопанье и шумѣли ногами, требуя, чтобы скорѣе подняли занавѣсь. Звуки инструментовъ, которые настроивали въ оркестрѣ, говоръ въ ложахъ и креслахъ, шумъ шаговъ, хлопанье,—все это замѣтно угомонилось, какъ только въ оркестрѣ появился капельмейстеръ.

Въ тоже время, въ литерной ложѣ налѣво — выставился впередъ Слободской, князь, Лиговской и Волынской, за спиною котораго показалось сіяющее безсмысленной веселостію лицо Свинцова.

Наконецъ, грянулъ оркестръ, проиграли увертюру, и при внезапно-воцарившемся молчаніи подняли занавѣсь. Въ залѣ сдѣлалось свѣжѣе, точно пахнуло свѣжостію изъ роскошнаго тропическаго лѣса, изображеннаго на декораціи.

Не смотря на величавыя тѣлодвиженія индѣйскаго набоба, котораго невольники принесли въ паланкинѣ, не смотря на изумительные прыжки вновь ангажированнаго бордосскаго тан-

цора,—тишина въ залѣ не прерывалась до той минуты, пока изъ за кулисы не выбѣжала маленькая Фанни. Сигналъ аплодисментамъ, поданный изъ литерной ложи налѣво, былъ тотчасъ же подхваченъ въ креслахъ и другихъ частяхъ залы, гдѣ разсажены были агенты Слободскаго. Каждое движеніе Фанни сопровождалось криками „браво“ и хлопаньемъ; наконецъ, когда послѣ не совсѣмъ удавшагося пируэта остановилась она и поклонилась публикѣ,—къ ногамъ ея упала цѣлая дюжина букетовъ, пущенныхъ изъ знакомой литерной ложи; въ числѣ букетовъ особенно бросались въ глаза два изъ бѣлыхъ камелій, стоившіе пятнадцать рублей, — кто знаетъ, — можетъ быть тѣ самые пятнадцать рублей, добытіе которыхъ произвело (если помнитъ читатель)—цѣлую драму въ семействѣ стараго Карпа, изъ Антоновки....

Но не время ли намъ остановиться, и здѣсь—именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ—окончить нашу повѣсть?

Намъ конечно ничего бы не стоило описать, какъ Слободской и его общество отправились послѣ спектакля на театральный подъѣздъ, какъ веселились они на вечерѣ у M-lle Emilie, какъ потомъ отправились всѣ вмѣстѣ ужинать къ Борелю и какъ наконецъ, часу уже въ третьемъ ночи, поѣхали всей гурьбой къ цыганамъ;—но веселое расположеніе автора вдругъ измѣнило ему; онъ извиняется передъ читателями, которые останутся недовольны такимъ рѣзкимъ окончаніемъ, и скорѣе ставитъ точку.

———

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

ПОВѢСТЬ

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Скарятина, Фонарный переулокъ, д. Франка.

1871.

Дозволено Цензурою. С. Петербургъ, 15 Сентября 1871 г.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА.

Охъ, весною да безпольице,
Лѣтомъ тяжкія работушки,
Осенью да бездорожьице,
Зимой — зимушка студеная.

Простонародная пѣсня.

I.

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большаго лѣса
Солнышко выходитъ!

Кольцовъ.

Заря только-что занималась... Туманныя полосы, въ которыхъ тонули луга и пашни, начинали, однакожъ, алѣть и расходиться; и только холмистыя поля, заслонявшія восходъ, оставались покрыты черною, холодною тѣнью.

Солнце далеко не показывалось надъ ними.

А между тѣмъ на смугломъ хребтѣ ихъ, обозначавшемся все рѣзче и рѣзче въ загоравшемся горизонтѣ, уже давнымъ-давно трудился пахарь. Угловатая профиль дряхлаго его туловища, согбеннаго годами и заботой, четко вырѣзывалась въ чистомъ, прозрачномъ небѣ вмѣстѣ съ профилью старой клячи, тащившей соху; вытянувъ длинную, кудластую шею свою, усиленно подогнувъ переднія ноги, она также трудилась, бѣдная, взрывая жосткую, неблагодарную почву; подлѣ бѣжалъ спотыкаясь жеребенокъ „сосунчикъ“, упорно прижимавшійся къ костлявымъ бокамъ ея своими жиденькими членами, покрытыми сѣрымъ пухомъ. За сохою слѣдила, то подымаясь на воздухъ, то припадая къ землѣ, цѣлая стая сизыхъ и бѣлыхъ полевыхъ

голубей, искавшихъ завтракъ въ засвѣжо раскрытой бороздѣ, которую проводилъ пахарь.

По мѣрѣ того, какъ горизонтъ становился ярче и ярче, въ поляхъ и особенно въ лощинѣ, лежавшей по ту сторону горы и обращенной къ солнцу, все постепенно оживало и наполнялось звуками. Робкій голосъ овсянки и пѣночки откликнулся уже гдѣ-то на проталинкѣ; легкій вѣтерокъ пахнулъ сильнѣе, принося жирный запахъ только-что вспаханной нивы; тамъ, изъ-за темной кочки, тяжело взмахнулъ крыльями грачъ, первая хлѣбная птица, и высоко поднялся въ сверкающемъ небѣ; лощина, потопленная золотыми лучами восхода, вскорѣ представила самую жизненную картину: по всѣмъ направленіямъ, вдали и вблизи, показались пахари съ ихъ лошадьми, тащившими сохи и бороны, которыя подпрыгивали на кочкахъ, влача за собою косматые пучки травъ, захваченныхъ зубцами. Отдаленные крики: „возлѣ, возлѣ!" или „ближе, ближе!", которыми пахарь возбуждаетъ рвеніе лошади, заставляя ее въ тоже время держаться прямаго направленія сосѣдней борозды, внятно раздавались въ чистомъ воздухѣ; слѣва лощина замыкалась длинною березовою рощей, усыпанной только-что распускавшимися почками. Милліоны голосовъ подымались оттуда: все вокругъ радовалось и улыбалось теплому весеннему утру...

Но старый пахарь, преданный весь своей работѣ, казалось, ничего не замѣчалъ; онъ выступалъ за сохою тѣмъ же медленнымъ, ровнымъ шагомъ, кладя борозду подлѣ борозды и постепенно спускаясь въ лощину. Это былъ мужикъ уже согнутый и покрытый морщинами; лѣта его опредѣлить было, однакожъ, трудно; есть время, гдѣ почти невозможно это сдѣлать; труды и забота рано кладутъ на лица поселянъ печать загрубѣлости, истомы и старости. Судя, впрочемъ, по широкой лысинѣ и сѣдымъ волосамъ, спускавшимся длинными прядями по обѣимъ сторонамъ щекъ, ему можно было дать лѣтъ пятьдесятъ слишкомъ; онъ былъ небольшаго роста, сухощавъ, костлявъ, но еще здоровъ и плотенъ; худенькое лицо его, покрытое синими и красными жилками, склонялось къ землѣ, его кормилицѣ — особенность, ни мало, однакожъ, не отнимавшая у него выраженія добродушія и какой-то ясности, которая просвѣчивалась во всѣхъ чертахъ; маленькіе сѣрые глазки, окруженные красными, больными вѣками, безпрерывно съуживались, что

постоянно придавало лицу старика видъ веселый и улыбающійся.

Итакъ, онъ усердно работалъ, не обращая ни на что вниманія; изрѣдка лишь остановится, понюхаетъ табачку изъ берестовой тавлинки, спрятанной за пазухой, или вдругъ повернется спиною къ рощѣ и, приложивъ ладонь къ глазамъ, чтобы защитить ихъ отъ свѣта, пристально поглядитъ въ безкрайное поле, гдѣ пашетъ сынъ, — и снова за соху.

Солнце не на шутку начало уже припекать лысину его, когда онъ остановился, наконецъ, у межи и рѣшительно отеръ потъ. Взглянувъ тогда украдкою на сына, онъ дернулъ возжами, своротилъ соху и пошелъ къ нему на-встрѣчу. Достигнувъ куста орѣшника, на которомъ висѣли двѣ сермяги, старикъ бросилъ возжи и принялся выжидать сына, успѣвшаго въ это время сдѣлать еще конецъ и возвращавшагося къ кусту.

Сыну было всего лѣтъ восемнадцать; дѣтина былъ рослый свѣжій, здоровый, съ русыми кудрями, нависшими скобками вдоль полныхъ щекъ, подернутыхъ первымъ пухомъ.

— Ну, что, Петрушка, умаялся? спросилъ старикъ, когда тотъ подошелъ къ нему валкимъ шагомъ.

— Ничего, батюшка, отвѣчалъ парень, тряхнувъ волосами и въ тоже время отирая рукавомъ рубахи лобъ и щеки.

— То-то, продолжалъ подтрунивая отецъ: — зналъ только о сю пору челночкомъ на фабрикѣ пощелкивалъ... э! небось, пашенка не свой братъ: какъ разъ упаритъ! Ладно, выѣхали до зари, хошь росой маленько землицу-то посмочило, а то бы не такъ еще уломался; ишь какъ ее нашу матушку присушило... смерть!.. Ну, чтожъ стоишь? распрягай лошадей: пусть ихъ подберутъ травки, пока мы отдохнемъ да пообѣдаемъ... Ухъ, какъ упыхался! рубаху-то хошь выжми.

Они молча распрегли лошадей, пустили ихъ на паръ и снова сошлись къ кусту орѣшника: старикъ вынулъ изъ-подъ него плетеную берестовую котомку, выложилъ поочередно передъ сыномъ полновѣсный сукрой хлѣба, черный глиняный горшокъ, заткнутый ветошью, тряпицу съ солью, и оба дружно принялись за обѣдъ.

— Эхъ! кабы да къ эвтому лучку теперь либо огурчика! вотъ дѣло было бы ладно, замѣтилъ старикъ, между тѣмъ какъ сынъ, не смотря на такія прихоти, усердно вопзалъ бѣ-

лые какъ кипень зубы въ ломоть чернаго хлѣба. — Да авось либо Господь насъ не оставитъ, продолжалъ отецъ, жадно прихлебывая изъ кувшина: — прошлый годъ, и то великъ больно разстрой вышелъ, ничѣмъ-ничего не уродилось... Неужто и нынче не создастъ намъ Господь хлѣбушка!...

— Съ чего бы, кажись, батюшка, быть нынѣ недороду? простодушно вымолвилъ парень: — ишь какія стоятъ вёдра! за прошлую вёсну, помнится, объ эту пору дождику переводу не было.

— Точно, годъ былъ мочливый, отвѣчалъ отецъ, заботливо качая головою: — на нашу землицу не угодишь: песокъ да глина; до пахоты пошелъ дождь: землю смочило, и пахать сподручно; спахалъ, ведра надыть для сѣва, ждать время не приходится; старики говорятъ: „сѣй въ волу да въ пору!“ И то сказать надо: упустишь сутки въ весну, въ осень недѣлей не нагонишь... Посѣялъ — опять надо просить у Бога дождичка, да и то въ уровень: пошелъ забойный — забьетъ, того и смотри, зернышко въ землю! тамъ поздній сѣвъ, овсы да гречиха — опять надыть тепло да ведра; старики сказываютъ, овесъ надо сѣять, когда голая нога не стынетъ на пашнѣ и листъ какъ есть развернется; тамъ опять подмочить его надо, какъ заборонишь... никакъ не угодишь! Много дождя — разступилась наша пашенка словно кисель; мало — пошла трескаться камень-камнемъ!... Вотъ теперь ужъ какъ бы по настоящему дождя-то надо, присовокупилъ онъ со вздохомъ: — совсѣмъ одолѣли ведра, тепло такое стоитъ, того и смотри, засушь; ничему нѣтъ росту; вонъ, посмотри, озими-то какія голодныя: словно варомъ ихъ поварило — (онъ выразительно протянулъ жилистую свою руку на сосѣднюю ниву, покрытую рѣденькими зеленоватыми отпрысками), — давно пора бы птицѣ въ нихъ хорониться, а ихъ отъ земли не видать... Эхъ, кабы на нихъ, да нашу матушку, тучку, онѣ бы сейчасъ какъ есть вздохнули; росой только и пробавляются... По всему сдается, и нынче быть сухменному лѣту; утренники студеные стоятъ, а день весь солнышко припекаетъ словно лѣтомъ... шутка, съ самаго Еремѣя-запрягальника почитай дождя-то не было... Ишь какъ паритъ, словно въ житво, продолжалъ онъ, проводя ладонью по лысинѣ: — ну, Петруха, сытъ, что ли?

— Сытъ, батюшка.

— И слава Господу Богу... эхма! прибавилъ онъ, ставъ на колѣни и тряхнувъ шутливо сына по плечу: — была бы у насъ мука, напекли-бъ мы съ тобою пироговъ, да горе, что не дается!... Ну, я чай, послѣ работы и вздохнуть не грѣхъ...

Сказавъ это, старикъ запряталъ въ котомку остатокъ обѣда, бодро поднялся на ноги, посмотрѣлъ, гдѣ лошади, и, перекрестившись на востокъ, развалился подъ кустомъ, подложивъ руку подъ голову и прикрывъ лицо шапкою. Сынъ не замедлилъ послѣдовать его примѣру, и вскорѣ оба заснули сладкимъ сномъ, подъ шумокъ насѣкомыхъ, которыя жужжали и кружились надъ ихъ головами...

II.

За-одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Кольцовъ.

Солнце далеко перешло половину неба, когда Петръ разстался съ отцомъ и вновь очутился одинъ-одинёшенекъ посреди полей. Несмотря на усердіе и готовность, съ какою принимался онъ за работу, легко было замѣтить, однакожъ, что мысли его частенько отрывались отъ сохи и уносились Богъ знаетъ куда; борозда шла тогда косѣе, кляча тащила лѣнивѣе, а наконецъ и вовсе останавливалась; и каждый разъ спохватится нашъ молодякъ, проворно подыметъ голову, дернетъ возжами, а тамъ, смотришь, опять зазѣвался, повѣсилъ невѣсть зачѣмъ голову, и снова пошла косить борозда подъ сошникомъ.

Уже передвоилъ онъ съ грѣхомъ пополамъ половину нивы, когда разъ, поднявъ голову, увидѣлъ вдалекѣ, на дорогѣ, извивавшейся посреди пашонь, какъ будто что-то бѣлѣлось. Онъ невольно остановилъ лошадь и сталъ вглядываться; вскорѣ зоркій глазъ его различилъ бабу, которая несла что-то на спинѣ

и, какъ казалось, направлялась прямо въ его сторону. Живой человѣкъ въ полѣ не диковинка! Но какъ бы тамъ ни было, появленіе бабы, по видимому, сильно запугало парня; щеки его загорѣлись, что кумачъ, онъ поспѣшно поворотилъ соху, такъ чтобы проходившая мимо баба не могла его узнать, и, нагнувъ голову, принялся за работу.

Къ несчастію, дорога прилегала прямо къ его нивѣ; трудно было послѣ этого, чтобы проходившій по ней свойякъ и особенно баба, завидя молодаго парня, рѣшилась пройти мимо, не перекинувшись словомъ.

Такъ и случилось. Поровнявшись съ нивой, баба остановилась, сбросила съ плечъ свертокъ холста и принялась ждать, пока парень вернется къ дорогѣ.

Бабенка была еще моложавая; въ одеждѣ ея замѣтно было болѣе щегольства, чѣмъ у простой крестьянки. Несмотря на будни, изъ подъ коротенькой понёвы выглядывали узорчатые, строченые коты, надѣтые на босую ногу; широкую грудь перехватывалъ темный ситцевый передникъ съ большими жолтыми разводами; на головѣ пестрѣлъ яркій писанный платокъ, широкіе концы котораго падали на плечи рубашки, вышитые краснымъ и синимъ гарусомъ. Свѣжее лицо ея было красно и лоснилось на солнцѣ какъ сафьянъ; черные маслистые глазки, увѣнчанные двумя сходившимися дугами черныхъ бровей, бѣгали какъ у мышенка и, вмѣстѣ съ вздернутымъ, раздвоеннымъ на концѣ носомъ, придавали ея физіономіи что-то бойкое, наглое, игривое,—свойство, особенно послѣднее, имѣющее, какъ извѣстно, силу полонить сердца мигачей фабричныхъ, служивыхъ и подгородныхъ, гульливыхъ мѣщанъ.

— Здравствуй, Петруша, сказала она заманчиво, когда парень остановилъ передъ ней соху и неловко приподнялъ шапку: — какъ поживаешь?...

— Ничего, ладно... отвѣчалъ Петръ, нагибаясь къ подсошнику, чтобы скрыть свою неловкость.

— Что больно спѣсивъ сталъ? продолжала бабенка, подбочениваясь и потряхивая головою.

— А что мнѣ спѣсивиться! а нешто... я ничего... сказалъ Петръ, разглаживая волосы.

— Какъ ничего! въ одномъ селѣ живемъ, а хоть бы сло-

во сказалъ... и на улицѣ-то не подойдешь... не стать бы, кажись, тебѣ со мною спѣсивиться...

— Рази меня на то отецъ вызвалъ на пашню, возразилъ Петръ запинаясь: — сама, чай, знаешь, здѣсь не на фабрикѣ работа, да и время-то рабочее.

— Вотъ то-то, теперь работа! перебила она поддразнивая: — ты думаешь, я не знаю...

— Что ты знаешь! подхватилъ онъ, плохо скрывая смущеніе.

— Ишь какой! ловокъ больно, думаешь люди-то глупѣе тебя..

— Да что ты знаешь?

— А вотъ знаю же! знаю! произнесла бабенка съ нѣкоторой досадой:—совокъ да неловокъ: прежде и тово и сево... а на деревню пришелъ, и глядѣть не хочешь...

— Чего тебѣ-то отъ меня надо? съ сердцемъ спросилъ Петръ.

— Чего? проговорила переминаясь бабенка: — чего? а! такъ ты вотъ какъ! заключила она, какъ бы не зная уже, что отвѣчать: — ладно же, ладно, не впервые намъ съ тобой встрѣчаться!... я те припомню!

— Ладно, припоминай сколько хочешь: я тебя не боюсь...

— Ой ли?... Ну, хорошо, бойся и небойся, припомнишь, припомнишь! вымолвила она, взваливая на плечи свертокъ холста. — Припомнишь! прибавила она, обернувшись еще разъ и останавливаясь посреди проселка.

— Ладно, ладно, ступай своей дорогой, сказалъ Петръ, погоняя лошадь.

— И пойду... что ты думаешь, не пойду; а вотъ пойду же, пойду... думаешь, больно мнѣ нужно! много васъ шушеры, лохмотниковъ окаянныхъ!...

— Ступай, ступай!...

— Не спрошусь тебя! прокричала она, яростно размахивая руками и снова останавливаясь.

На этотъ разъ Петръ ничего уже не отвѣчалъ, повернулся къ ней спиной и тронулъ возжами.

Встрѣча съ краснощекой бабенкой, казалось, еще сильнѣе закручинила молодаго пахаря.

И было, впрочемъ, изъ чего.

Въ бытность Петра на фабрикѣ, передъ тѣмъ, какъ отправиться ему къ отцу, лукавый натолкнулъ его на солдатку Домну (такъ звали бабенку). Оба, какъ на зло, были изъ одной деревни. Домна, баба вострая, которой въ-частую приходилось бражничать съ фабричными ребятами, подсѣла къ нему и, благо парень въ ту пору былъ простоватъ, давай вертѣть имъ какъ покромкой. Только и бѣды-то всей было, что Петръ занялъ у хозяина двугривенный, да потрунили надъ нимъ день-другой парни. Недѣли двѣ спустя послѣ этого, наступила Святая, и Петръ, по уговору, распрощался съ хозяиномъ фабрики и пошелъ на лѣто къ отцу, въ сосѣднюю деревню, откуда была также и Домна.

Гдѣ ужъ и быть веселью, какъ не на Святой! Знамое дѣло, въ деревнѣ не каждый день праздникъ. Пошли хороводы да пѣсни. Дѣвки понадѣли пестрые платки, парни красныя рубахи съ синими ластовицами, схватились за руки, и началось раздолье. Глядѣлъ такъ-то Петрушка, глядѣлъ на старостину дочку, да мысли къ ней и припали. Полюбить развѣ долго? Разъ взглянулъ, другой взглянулъ, поговорилъ въ третій, въ хороводѣ прошелъ, и дѣлу конецъ: запала зазнобушка, бродятъ по ней мысли день и ночь, что брага молодая, незаквашенная! Забылъ Петрушка и фабрику, и парней фабричныхъ, и Домну солдатку. И дѣвка-то, кажись, старостина-то дочка, непрочь была отъ парня. Прошла Святая, — стоятъ оба на заваленкѣ, каждый на своей, да переглядываются промежъ себя, ни дать ни взять — звѣздочки перекатныя въ синемъ небѣ, когда на немъ ни облачка. Проходитъ еще недѣля, и вдругъ, откуда ни возьмись, къ рабочему времени и Домна перебралась въ деревню. Бѣды тутъ большой опять-таки для Петра не было, да парень-то больно былъ новый, тихій: боялся, не нагрозила бы чего тараторливая баба. Начнетъ болтать, сплететъ невѣсть что, а тамъ, глядь, и Парашка перестанетъ съ нимъ кланяться. Вотъ почему такъ усердно избѣгалъ онъ встрѣчи съ солдаткой и смутился, когда столкнулся съ нею глазъ-на-глазъ въ полѣ.

Раздумье, овладѣвшее имъ, было такъ сильно, что онъ не замѣтилъ даже, какъ подъѣхалъ къ нему отецъ.

— Порѣшилъ, что ли, нивку-то? спросилъ старикъ, пристально оглядывая поле.

— Послѣднюю борозду провожу, батюшка, оторопѣвъ, отвѣчалъ сынъ.

— Эхъ, рѣдко запахалъ вонъ тотъ клинъ! э! э!.. а еще домкомъ собираешься жить; говорилъ: не тормози руки, вымолвилъ старикъ, уперши ладони въ бока и слегка подсмѣиваясь надъ парнемъ, съ котораго валилъ потъ.

— Никакъ не осилишь, батюшка: ишь какая сушь...

— Ладно, ладно... хорошо еще, до свѣту выѣхали: успѣли передвоить... Пойдемъ домой; солнышко садится, старуха-то наша ждетъ, я чай, не дождется...

Они перекинули на плечи сермяги, перевернули сохи сошникомъ кверху и выбрались на дорогу.

Скаты полей начинали уже покрываться огненнымъ заревомъ заката; сизая, зубчатая тѣнь отъ рощи, куда тянулась дорога, постепенно захватывала окрестность; съ востока небо заволакивалось тучами; въ воздухѣ замѣтно холодѣло.

Вскорѣ наши мужички достигли опушки рощи и, немного погодя, скрылись между деревьями, успѣвшими уже окончательно распуститься въ продолженіи дня. Тутъ Петръ оставилъ свою лошадь позади, приблизился къ отцу, и оба пошли рядышкомъ.

Все вокругъ дышало той весенней прохладой и сыростью, долго еще не покидающей лѣса, гдѣ, несмотря на засушь равнинъ, часто подъ грудами прошлогоднихъ листьевъ, рядомъ съ новой травкой, дотаиваетъ въ-тихомолку пластъ рыхлаго, темнаго снѣгу. Съ обѣихъ сторонъ проселка, врѣзавшаго глубоко въ землю и исполосованнаго корнями, тѣснились кусты вербы, орѣшника, жимолости; ихъ красные и голубоватые прутья, лишенные еще зелени, ярко пестрѣли надъ черною, влажною почвой. Мѣстами на глинистую окраину проселка свѣшивался крутой бугоръ мху, изъ-подъ котораго сочилась вода, падавшая капля за каплей въ ближнюю колею, заваленную сучьями и покрытую плесенью. Кое-гдѣ между бѣлѣвшими стволами березъ прорѣзывалась лужайка, охваченная золотымъ лучемъ солнца; жиденькая ея травка пестрѣла сквозившимися листами ландышей и фіялокъ, которыя разливали тонкій запахъ въ сыромъ вечернемъ воздухѣ. По мѣрѣ того, какъ Петръ и отецъ его забирались далѣе, кругомъ дѣлалось тише и тише, такъ что постукиваніе бороны, прыгавшей по корнямъ, одно раздавалось въ рощѣ.

— Эхъ, какъ холодкомъ-то хорошо идти, словно жерновъ съ плечъ снялся! началъ старикъ, снимая шапку.—Что это за весна, право, кажись я такой и не запомню... Бѣда, коли долго будетъ такъ-то стоять, куда тяжко будетъ: ничего не уродится!... придется: ни вонъ, ни въ избу!... Нашъ оброкъ не то, чтобъ непосильный, что Бога гнѣвить!—а все внести его надо по осень: пятьдесятъ рублевъ деньги большія въ такіе годы... Вотъ вѣдь и женить тебя пора, Петруха; — что глаза-то на меня уставилъ! вѣстимо, пора...

Онъ взглянулъ на сына и невольно усмѣхнулся, видя, какъ тотъ осадилъ тотчасъ же назадъ и замялся.

— Самъ вѣдаешь, продолжалъ отецъ, поглаживая лысину и стараясь принять заботливое выраженіе:—старъ я сталъ, одинъ работы не осилю, да и старуха наша одна съ домомъ не управится; братишки еще махонькіе: что въ нихъ!.. Тебѣ съ Миколы восьмнадцатый годъ пошелъ: я на то тебя изъ фабрики на пашню и вызвалъ... а ты думаешь зачѣмъ?... Время старикамъ подсоблять... Ума тотъ только не приложу, присовокупилъ старикъ, искоса поглядывая на сына, который шелъ, понуря голову:—кого бы въ снохи взять; въ своей деревнѣ одна Карпова Парашка на выданьи... да та не по насъ... отецъ артачится добре много: не отдаетъ даромъ, знай, молъ, старосту!.. Вотъ развѣ изъ чужой какой вотчины засватать...

— Слушай, батюшка, что я тебѣ скажу, вымолвилъ Петръ, запинаясь и обращая къ отцу зардѣвшее лицо свое:—я, кажись, о сю пору ни тебѣ, ни матери ни въ чемъ не перечилъ и впредь изъ твоей воли не выступлю... только ты, батюшка, не неволь меня въ эвтомъ дѣлѣ...

А развѣ я тебя неволю? экой дурень! къ слову только пришлось, отвѣчалъ старикъ, поглядывая на сына смѣющимися своими глазками: — въ семьѣ и каша гуще, пора, молъ, парнюху женить,— вотъ что!.. А и то сказать: батрака, что ли, подрядилъ ты за меня старика, я вотъ про что толкую...

— Я нѣшто отнѣкивался когда отъ работы? сказалъ Петръ, едва скрывая досаду: — нѣшто пѣнялъ я на васъ? Дѣлай со мною что хочешь, твоя воля; а изъ чужой деревни не возьму за себя дѣвку... лучше смерть принять!..

— А чтожъ такъ? спросилъ старикъ, ухмыляясь въ бороду.

— А вотъ что, возразилъ парень съ рѣшимостью:—окромя Карповой Парашки никого за себя не возьму!..

— А что, развѣ полюбилась?... Ишь разгасился какъ! сказалъ отецъ, давъ на этотъ разъ полную волю своему смѣху.—Эхъ, вы! вамъ бы только была взрачная да осанистая! А что въ нихъ, въ сухопарыхъ-те, ну, хошь бы въ Карповой Паранькѣ? Съ лица-то ея не воду намъ пить!.. Ну, ну, что голову-то повѣсилъ, полюбилась, такъ полюбилась, я не перечу, коли ты ей любъ: она дѣвка не гуляща—что худое говорить—дѣвка сытая, хорошая дѣвка; да вѣдь я-жъ те говорю, Карпъ даромъ ее не отдаетъ...

— Такъ чтожъ, батюшка, рази у насъ рукъ не стало? Годъ только-что начался, время много до осени...

— Эхъ! голова-то у те, видно, только для шапки и сдѣлана... дурень, дурень! слышь, говорятъ тебѣ: отецъ восемьдесятъ рублевъ за нея выкупу проситъ, а у насъ въ домѣ алтына нѣту; послѣднія деньги, что были, за корову отдали... малолѣтокъ ты, что-ли? вишь весна какая: завтра Егорье, а травы отъ земли не видать,—чего ужъ тутъ ждать по-осени...

— Да что ты, батюшка, загадываешь,—время раннее. можетъ еще уродитъ намъ Господь,—самъ говорилъ ты намедни, ласточки рано прилетѣли... И то сказать, станъ у меня теперь поставили: все штуку хошь одну миткалю вытку; вотъ-те и тридцать рублевъ лишку...

— Лишку! эхва! а оброкъ забылъ?... пятьдесятъ рублевъ одного оброку...

— Погоди, батюшка, братишки малы, малы, а все въ лѣто шпуль намотаютъ рублей на тринадцать; да корова къ осени отелится... я чай, въ городѣ-то все рублевъ десятокъ дадутъ за телка...

— Ладно, ну-ткась, перебилъ отецъ, выставляя лѣвую руку впередъ и принимаясь загибать правою палецъ за пальцемъ:—считай: тридцать рублевъ, да тринадцать, да еще десять,—сколько, по твоему, выходитъ?...

— Пятьдесятъ три рубля, съ запинкою отвѣчалъ парень.

— Тото-же, отдашь оброкъ,—три рублишка и останется тебѣ на свадьбу...

— Я чай, ржицы-то продашь хоть на сколько-нибудь, вымолвилъ Петръ нетвердымъ голосомъ.

— На это считать спозаранку нечего: что еще Богъ дастъ.

— А сѣно-то! воскликнулъ парень, какъ бы спохватившись.

— Экой ловкій какой! ну, а какъ дожди пойдутъ къ Петрову дню, да подмочитъ его на покосѣ... тогда что?

— Да что ты взаправду, батюшка, все къ худому загадываешь! съ сердцемъ произнесъ Петръ.

- Ну, Петруха, знать, больно полюбилась тебѣ Карпова Парашка, заключилъ отецъ, заливаясь смѣхомъ, крутя головою и ударяя ладонями по поламъ.—Дѣлай, какъ знаешь, присовокупилъ онъ серьёзнѣе:—приневоливать не стану, а только коли годъ выйдетъ плохой, да денегъ на оброкъ въ обрѣзъ хватитъ—не видать тебѣ ея какъ ушей своихъ.

Между тѣмъ, какъ они такъ разсуждали, деревья постепенно рѣдѣли, и вдругъ на крутомъ изгибѣ проселка оба очутились прямо противъ заходящаго солнца, лучи котораго потопляли въ этомъ мѣстѣ разщелину рощи. Вскорѣ передъ ними открылся широкій лугъ, спускавшійся накатомъ къ деревнѣ.

— Погляди, Петруха, радостно воскликнулъ старикъ, указывая на востокъ, окутанный сизою тучей:—никакъ, замолаживать начинаетъ!.. Эхъ, кабы Господь дождичка послалъ... Господи! прибавилъ онъ, снимая шапку и крестясь набожно на востокъ:—создай намъ теплую воду и тихую росу!..

Петрушка снялъ шапку и также перекрестился.

— Ну, вотъ, Петруха, плакались мы съ тобой, произнесъ старикъ, лицо котораго вмигъ повеселѣло:—вотъ, можетъ статься, и благодать небесная!.. ишь какъ небо-то съ той стороны позаволакиваетъ!.. дай-то, Господи!.. пойдетъ дождь—не о чемъ будетъ кручиниться,—сватай тогда любую невѣсту; тебѣ Парашка, а намъ, старикамъ, покой да хлѣбъ святой... Пойдемъ скорѣй домой; я чай, на деревнѣ не нарадуются!.. иди дружнѣй...

Въ радости, старикъ не замѣчалъ, какъ сынъ поминутно отставалъ, снималъ шапку, глядѣлъ пристально на приближавшуюся тучу и крестился, произнося шопотомъ: „создай, Господи, тихую воду и теплую росу"...

Лугъ, по которому змѣился теперь проселокъ, ограничивался съ-лѣва крестьянскими капустниками, околицей и задами деревни,—амбарами, ригами и клѣтушками, перехваченными плетнями, надъ которыми кое-гдѣ высились столѣтнія ветлы, усѣянныя гнѣздами; съ-права лугъ замыкался песчаными берегами рѣки и

холмистыми полями. На одномъ изъ загибовъ рѣки, далеко, далеко, новая, только-что выстроенная мельница показывала изъ-за ветлъ свою новую тесовую кровлю, охваченную солнцемъ.

Вскорѣ старикъ и сынъ его остановились у околицы.

— — —

III.

Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ,
Поливай ведромъ!..

Простонародная пѣсня.

Улица была уже окутана тѣнью, и только макушки крышъ, обращенныя къ закату, горѣли какъ вылитыя изъ золота. Почти у каждой завалинки, загроможденной сохами и боронами, толпился народъ. Ребятишки носились въ-запуски вокругъ часовни и окружавшихъ ее березокъ; топанье лошадей, пущенныхъ безъ путъ, на улицу, скрипъ воротъ, крикъ дѣтей, пронзительный визгъ бадьи, которую безпрестанно подымали и опускали у водопоя, наполняли деревню веселымъ гамомъ.

Петръ и отецъ подъѣхали къ кривой избенкѣ и остановились передъ воротами; распрегши лошадей, они загремѣли щеколдой и вступили на топкій, узенькій дворъ, обнесенный кругомъ сплошнымъ соломеннымъ навѣсомъ, бросавшимъ густую тѣнь, въ которой мелькали телѣга, сломанное колесо, ободья, корыто, оглобли. Полдесятка куръ отозвались тотчасъ же звонкимъ кудахтаньемъ съ своихъ жердочекъ. Изъ самаго темнаго угла двора, загороженнаго плетнемъ, внезапно раздалось протяжное мычанье, послѣ котораго надъ плетнемъ показалась бѣлая голова коровы.

Старикъ, не останавливаясь ни на минуту, пошелъ къ клѣти, не взглянувъ даже на овецъ и барана, которые, вытуливъ на него глаза свои, казалось, чего-то ждали, и принялся оглядывать корову. Увидя себя предметомъ такого вниманія, живот-

ное — съ радости, вѣроятно, — дунуло такъ сильно мокрыми своими ноздрями въ корыто, куда нагнулся было хозяинъ, что тутъ же напустило ему въ лицо цѣлое облако отрубей и пыли.

— Эхъ! Христосъ съ тобой! вымолвилъ онъ, протирая глаза и отступая шагъ назадъ: — знать, соскучилась стоять? Погоди, погоди, завтра на травку выпустятъ... Эй, Петруха! подь-ка сюда, прибавилъ онъ, обращаясь къ сыну, который развѣшивалъ хомуты... Старуха наша хоть и не велитъ похваляться, а надо сказать правду, — погляди-ка, — знатная животина попалась намъ; на всемъ селѣ другой такой не найдешь, — ей-Богу, правда; ишь утробистая какая! присовокупилъ онъ, трепля ее самодовольно по ребрамъ.

— Демьянычъ! а, Демьянычъ! что те тамъ надыть!... чего не видалъ! послышался полусердитый, дребезжащій голосъ на другомъ концѣ навѣса.

Старикъ проворно заслонилъ плетень и, вынырвувъ изъ-подъ клѣти вмѣстѣ съ сыномъ, очутился въ нѣсколькихъ шагахъ противъ жены, — крошечной старушки съ вдавленными плечами и грудью, которая торопливо пробиралась по кирпичикамъ и полѣньямъ, разбросаннымъ для хода по двору, отъ крылечка до навѣса.

Поступь ея и движенія отличались необыкновенною суетливостію и прыткостію; худенькое желтоватое лицо, сморщенное преждевременно пареньемъ въ печахъ, работой, зноемъ и всякими другими невзгодами, на-половину только выглядывало изъ-подъ синяго прорваннаго платка, небрежно окутывавшаго голову; сразу можно было узнать въ ней тѣхъ хлопотушекъ-домохозяекъ, охотницъ до мелочнаго порядка, вѣчно суетящихся, вѣчно бѣгающихъ отъ печурки до коморы, отъ коморы до клѣти, самоуправно распоряжающихся всѣмъ домомъ и наполняющихъ его ворчаньемъ, стоющимъ, впрочемъ, лучше иной ласки.

— Ну, что ты, старый дурень, прости Господи, глаза-то уставилъ! проговорила она скороговоркою, приправляя каждое слово быстрымъ движеніемъ головы и рукъ и едва сохраняя равновѣсіе на полѣнѣ, вертѣвшемся подъ ногами: — небось, извести захотѣлось животину-то?.. Стоитъ себѣ старый дурень да похваливаетъ. — Стоитъ да похваливаетъ, продолжала она, горячась болѣе и болѣе и наступая на мужа, который стоялъ,

почесывая затылокъ и ухмыляясь въ бороду: — небось, много у тебя коровъ-то?.. хочется, видно, чтобъ она издохла какъ у Стегнѣя... тьфу!..

Тутъ старуха плюнула съ сердцемъ чрезъ правую руку наземь, какъ это водится обыкновенно, чтобъ отвести вліяніе дурнаго глаза, и тотчасъ же, измѣнивъ недовольный голосъ, обратилась къ сыну:

— Охъ! касатикъ ты мой... что не веселъ, родной? аль больно измаялся?.. поди въ избу, болѣзный, поди, киселику поснѣдай... ишь отецъ-то словно чужакъ тебѣ достался... ступай, кормилецъ... Ну, чего буркулы-те уставилъ? стоитъ да глядитъ! прибавила она, гнѣвно обращаясь къ мужу.

— Ладно, ладно, иду, отвѣчалъ тотъ, посмѣиваясь: — эхъ, кабы хозяйка намъ молочка вынула, Петруха... Я чай, сказали бы мы ей спасибо... ась?..

— Да, есть у меня молоко, нарочно такъ вотъ и припасла про васъ, какже!.. ступай-ка, вороты-те отопри лучше, ишь ребята стучатъ...

Заботливость оказалась, однакожъ, лишнею: ворота протяжно скрыпнули, и на дворъ вбѣжали два мальчика, лѣтъ по десяти. На одномъ была лишь прорванная рубашенка; руками, вынутыми изъ рукавовъ, болталъ онъ за назухой, наполненной бабками, и глядѣлъ изъ подлобья; другой, смуглый, кудрявый, держалъ между пальцами какое-то подобіе утки изъ муравленой глины, которую не выпускалъ изо рта, издавая такіе пронзительные звуки, что куры, усѣвшіяся было на жердочкѣ, поскакали внизъ и забѣгали, какъ угорѣлыя, по двору.

— Тятька! закричали въ одинъ голосъ парнишки: — пусти насъ на водопой...

Демьянъ, не слушая возраженій своей старухи, начавшей было браниться за баловство, посадилъ ребятъ на лошадь, отворилъ ворота, выпустилъ ихъ на улицу и пошелъ въ избу за Петромъ, который стоялъ уже на крылечкѣ и умывалъ лицо изъ горшечка съ четырьмя горлышками, болтавшагося на перекладинкѣ противъ двери. Минуту спустя, старуха вошла за ними въ избу, таща горшокъ молока подъ полою.

— На, касатикъ, покушай, съ Богомъ, сказала она, ставя передъ сыномъ, подлѣ деревянной солоницы, наполненной ком-

ками соли, огромную чашку съ киселемъ:—въ полѣ-то, я чай, проголодался, сердечный...

— Ну, старуха, засушь какая! напасть да и только, началъ Демьянъ, опрокидывая послѣ каждаго глотка ложку къ закраинѣ чашки:—коли Господь не создастъ нынче дождичка, быть опять недороду...

Прошло нѣсколько минутъ молчанія, послѣ которыхъ старуха украдкою взглянула на мужа, отошла къ перегородкѣ, отдѣлявшей избу отъ печи, и кивнула ему оттуда пальцемъ.

— Демьянычъ, подь-ка сюда... вымолвила она.

Старикъ опрокинулъ ложку, всталъ изъ-за стола и пошелъ за перегородку.

— Быть дождю, таинственно шепнула она ему на ухо;— я, касатикъ ты мой, опомнясь въ колодезь-то мошку подсыпала...

Старикъ недовѣрчиво покачалъ головою, сѣлъ къ столу и продолжалъ ужинать.

— Старуха, а, старуха?..

— Ну, что еще? спросила она быстро, высовывая голову.

— Кисель-то какой у тебя нынче знатный. Вотъ такъ ужъ кисель... продолжалъ онъ усмѣхаясь: — густъ только что-то... я чаялъ, ты молочкомъ его поразбавишь... эй, ссуди молочкомъ! право, спасибо скажемъ. — Петруха, проси у матери, — чего зѣваешь...

— Да что ты, одурѣлъ нынче, что ли? прости Господи! ишь его!.. Ну, ну, на тебѣ, на, ѣшь! на, на!.. проговорила она, смягчая постепенно голосъ и ставя на столъ горшокъ съ молокомъ.

— Ай-да хозяйка! вотъ такъ уважила! ну, разсказывай, что дома дѣлала?

— А что дѣлала, вѣстимо что, не баклуши била...

— Понавѣдывался кто въ избу?

— Вѣстимо, ворчала она, суетясь у печки:—свѣтъ не безъ добрыхъ людей?

— Ктожъ былъ?

— Кто! кто!.. а тебѣ что! были, да и полно.— Дарья была!

— Ой ли! ну что, отступилась отъ нея лихоманка?

— Да, какъ бы не такъ, отступится! тутъ невѣсть еще какъ другой-то болѣсти не приступитъ... совсѣмъ извелась, сердечная.

— А что?

— Вѣстимо что: во тоскѣ да во кручинѣ живетъ, одни побои да понуканья, только и видитъ. Тутъ и безъ лихой болѣсти не проживешь. Мужъ пьяница, охаверникъ,—чтобъ ему, собакѣ, на томъ свѣтѣ... тьфу! Парнишечка-то въ послѣднее время больно измаялъ ее: грыжа у него показалась; ночь за нимъ ходитъ, не смигнетъ: болѣзная такая: день отъ мужа некуда голову преклонить. Охъ, вѣстимо, все бы притерпѣлось, какъ бы не онъ, охаверникъ проклятый! Сохнетъ, бездольная, словно порошинка; рада, рада, коли хлѣбушка корочку слезами-те горькими смочетъ; изо-дня въ день плоше да плоше, убивается кажиной день, горькая; право, такъ-то жаль бабенку; смирная такая... А все отъ недобраго глаза сухота-то припала; все эта вѣдьма Домна, все она, проклятая!

— Да полно, старуха, такъ ли? мало ли что говорятъ бабы; она, можетъ, и въ мысляхъ не держала...

— Вотъ еще разсказывать сталъ! заговорила съ жаромъ старуха:—бабы, я чай, видѣли, какъ она, проклятая, идетъ, идетъ за ней, нагнулась, „недобрая, взяла изъ подъ ея слѣда земли да и бросила по вѣтру“, она давно на нее злобу имѣла... Она и мальчишку-то сглазила... Подошла объ самое заговѣнье: Дарья стоитъ, такъ-то, лиха не чая, и держитъ его: „Экой, говоритъ, у те брюхастый парнишка!“ Съ той самой поры съ нимъ и попритчилось: сухота припала; я еще надоумила съ уголька спрыснуть, а то бы совсѣмъ померъ... Бабы, я чай, сами видѣли; что имъ врать-то? Давно бы пора ее изъ деревни выгнать: пускай идетъ къ своему Никанору на фабрику, пусть тамъ и безчинствуетъ съ нимъ...

— Э-ге-ге! никакъ дождичекъ не на шутку сбирается: ишь какъ заволокло, неожиданно перебилъ старикъ, нагибаясь къ окну; — дай-то Господи! Петруха, пойдемъ на улицу: я чай, весь народъ туда валитъ порадоваться Божьей милости; пойдемъ, старуха, и ты...

Едва успѣли всѣ трое ступить въ сѣни, какъ яростный ударъ грома прокатился надъ избою.

— Демьяныч, Демьяныч! кричала старуха, крестясь и метаясь какъ угорѣлая:—тащи скорѣй лопату на дворъ... гдѣ она?.. вонъ, вонъ, въ углу... тащи ее скорѣй на дворъ: оборони, помилуй, бѣда прилучится; громъ упадетъ на крышу... А

что, касатикъ, впервые нынче громъ-то? спросила она шопотомъ у мужа, когда тотъ вынесъ лопату.

— Впервые; а что?

— Слава тебѣ Господи, что въ скоромный день... а то бы во весь годъ, какъ есть, коровы не стали давать молочка...

Тутъ она вышла на крылечко и набожно перекрестилась.

Громъ между тѣмъ прокатился во второй и третій разъ, и когда старики присоединились къ сыну, который стоялъ уже на заваленкѣ и глазѣлъ на народъ, толкавшійся подъ каждыми воротами, крупныя капли запрыгали на пыльной дорогѣ, и вскорѣ дождь полилъ какъ изъ ведра.

— Создай, Господи, тихую воду и теплую росу, говорили послѣ каждаго громоваго удара Демьянъ и его старуха, крестясь на небо.

Со всѣхъ сторонъ, сквозь густое покрывало дождя, мелькали руки, которыя подымались и творили крестное знаменіе; многіе выходили даже на середину улицы, заглянуть, на долго ли обложило небо. Заваленки и подворотни наполнялись мужиками, бабами, ребятами; даже дряхлые старушки-бабушки, много дней не сходившія съ печи, и тѣ показались въ толпѣ съ грудными внучками на рукахъ. Посреди шума и хлестанья ливня слышались отовсюду радостныя восклицанія; мальчишки и дѣвчонки бѣгали какъ угорѣлые по лужамъ, хлопая въ ладоши и припѣвая съ крикомъ и визгомъ:

Дождь, дождь,
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ,
Поливай ведромъ!..

Ночь уже окинула непроницаемою пеленою деревню; уже давнымъ давно наступило время отдыха; улицы и заваленки давно были пусты; но долго еще изъ крошечныхъ оконъ избушекъ дѣды высовывали на дождикъ костлявыя руки и сѣдыя головы, и долго изъ конца въ конецъ раздавались посреди смолкавшаго ливня восклицанія „Создай, Господи, тихую воду и теплую росу!..“

IV.

Ужъ и нѣтъ такихъ людей,
Какъ фабричныхъ мигачей!
Они пьютъ, ѣдятъ готово,
Носятъ стеганое!..

Простонародная пѣсня.

Въ деревнѣ прежде всѣхъ пробудился пастухъ, шестидесятилѣтній старикъ, безъ роду и племени, нанимавшійся обыкновенно въ околодкѣ на лѣто пасти стадо. Нагнувшись къ крошечному волоковому окну и увидавъ, что на дворѣ уже свѣтлѣетъ, онъ началъ поспѣшно мотать онучи; одѣвшись, старикъ подошелъ къ темному углу мазанки и принялся будить мальчика лѣтъ десяти, худенькаго, щедушнаго; это былъ его батракъ. Старикъ нанималъ его у полунищаго, вдоваго мужика, обремененнаго многочисленною семьею. Мальчикъ, дрожавшій отъ предразсвѣтнаго холода подъ лохмотьями и соломой, очутился скоро на ногахъ. Запрятавъ тогда въ кузовокъ свертокъ лыкъ, кочедыкъ и колодку, перебросивъ черезъ плечо начатыя лаптишки и длинный смоляной кнутъ, старикъ взялъ съ полки рожокъ, свитый изъ бересты, и, сопровождаемый щедушнымъ мальчикомъ, вышелъ изъ мазанки.

Утро было чисто и ясно; на небѣ ни облочка; свѣжій вѣтерокъ распространялъ въ воздухѣ запахъ полей и луговъ, промоченныхъ насквозь вчерашнимъ дождикомъ. Заря занималась.

Пастухъ сталъ спиною къ околицѣ, перекрестился, оглянулъ деревню и заигралъ въ рожокъ; послѣ двухъ, трехъ колѣнъ, онъ медленно пошелъ по серединѣ улицы, сопровождаемый мальчикомъ, тяжело переступавшимъ по влажной дорогѣ, чернѣвшей между яркими полосами травы, съ которой начинали сверкать и дробиться дождевыя капли. Старикъ не успѣлъ пройти половины улицы, какъ уже всѣ хозяйки встрепенулись и засуетились.

— Вставай, вставай! кричала жена Демьяна, дергая мужа и Петра, спавшихъ подъ овчинами на полатяхъ; на дворѣ со-

всѣмъ бѣлехонько! вставайте, касатики, ишь пастухъ скотину сзываетъ! вставай, Демьянычъ! али не вѣдаешь—ионѣ Егорья, стадо въ первые въ поле выгонять.

И, успокоенная тѣмъ, что оба свѣсили ноги съ полатей, она обратилась къ малолѣткамъ, лежавшимъ на лавкѣ.

— Подь, я умою тебя, болѣзный, нашептывала она, подымая младшаго.—Ваня, подь, батюшка, ко мнѣ... Ну, полно же, полно, продолжала она, видя, что оба жмурили глаза и тянулись на лавку:—а я пирожка дамъ съ кашкой; слышь, слышь, какъ пастухъ-то играетъ? ступайте скорѣй на улицу. Она насильно стащила ребятишекъ съ лавки, вынесла ихъ на крылечко и начала спрыскивать водою. Почти въ тоже время на крылечкѣ показался Демьянъ; онъ окинулъ сонливыми глазами дворъ и какъ бы невзначай направился прямо къ клѣти, гдѣ стояла корова.

— Демьянычъ! куда ты? закричала старуха, бросая ребятъ и кидаясь вслѣдъ за мужемъ:—ну, чего ты лѣзешь къ ней, въ самомъ-то дѣлѣ? Ступай лошадей лучше напой; народъ давно на улицѣ, добрые люди въ поле собираются.

Видно было, что ей страхъ хотѣлось выпроводить мужа изъ своихъ владѣній.

Когда онъ вышелъ вмѣстѣ съ Петромъ, она сунула парнишкамъ по куску чернаго пирога съ кашей и точно также выгнала ихъ на улицу.

Оставшись одна, старушка тщательно заперла ворота и побѣжала въ избу; тамъ сняла она изъ-за иконы пыльный пучокъ вербы, вынула изъ него вѣтку и, вернувшись на дворъ, обмахнула ею нѣсколько разъ корову. Во время этой церемоніи она не переставала нашептывать ей что-то на ухо; сморщенное лицо старушки сохраняло самое строгое выраженіе. Наконецъ она положила вербу подъ ворота, открыла ихъ настежь и принялась гнать корову изъ клѣти, соблюдая при этомъ, чтобы животное перешло не иначе изъ двора на улицу, какъ черезъ вербу.

Пастухъ все еще игралъ на рожкѣ; но уже за нимъ вмѣсто блѣднаго мальчика слѣдовала теперь цѣлая толпа крикливыхъ ребятъ и дѣвченокъ. На дворѣ совсѣмъ развѣло; первые лучи солнца играли на рѣзныхъ и соломенныхъ макушкахъ избъ, придавая какую-то особенную чистоту и ясность окрестности, де-

ревьямъ и воздуху. Со всѣхъ сторонъ показывался народъ; всѣ сходились на середину улицы, къ колодцу, гдѣ остановился старый пастухъ и куда отовсюду сгоняли стадо.

— Тетка Арина, а тетка Арина, возьми парнишку, возьми его на руки! ишь подъ ноги лѣзетъ: того и смотри, быкъ запырлетъ! кричала солдатка Домна, просовывая впередъ красное лицо свое и махая руками. — Куда лѣзешь? пострѣлъ! вотъ я те... у-у... какъ пойду!..

— Бабы, касатки! пропустите Дарью, совсѣмъ путь заслонили! дайте ей пройти, раздалось на другомъ концѣ кружка, густѣвшаго вокругъ стада.

— Ступай, ступай, заговорило въ одно время нѣсколько бабъ, давая дорогу двумъ шаршавымъ овцамъ и худощавой женщинѣ съ изныбшимъ лицомъ, державшей въ одной рукѣ груднаго младенца съ изсохшими ножками, въ другой—жиденькій прутъ вербы.

— Эхъ, знатная у те корова-то какая, сватъ! вымолвилъ долговязый рыжій мужикъ, обращаясь къ Демьяну, успѣвшему напоить лошадей и присоединиться къ толпѣ.

— И деньги зато хороши, отвѣчалъ Демьянъ, самодовольно поглядывая то на присутствующихъ, то на корову:—не даромъ досталось.

— Ну, чего не видали! возразила съ сердцемъ жена его, проворно подбѣгая къ разговаривавшимъ. — Тьфу, пострѣлы! прибавила она, отплевывая черезъ правую руку.

Въ толпѣ послышался хохотъ.

— Что ты ругаешься, тетка! твое же добро хвалятъ, а ты коришь да хаишь, подала голосъ Домна, просовывая голову къ старухѣ:—вѣстимо, противъ твоей коровы на всей деревнѣ не сыщешь: ишь, гладкая какая!

— А ты чего лѣзешь? запальчиво возразила старушка: — эхъ, ты, ты!

— Да ты что ругаешься?.. ишь какъ ее куражится.

— Вѣстимо чего... твоя похвальба хуже всякой брани! я чай, всѣ добрые люди тоже скажутъ; ты вонъ и Дарью-то испортила и парнишка ея сглазила...

— Ахъ ты, загуменная карга! это ты всѣмъ ворожишь да лихость всяку напускаешь, затрещала солдатка, порываясь впередъ:—ишь разспѣсивилась какъ! жирны больно стали!.. словно

барскаго помету, тронуть нельзя, такъ и шипитъ на каждное слово, какъ желѣзо каленое, когда на его плюнешь... вотъ что!..

— Ахъ ты окаянная ты этакая!.. и отца и мать-то твою всѣ знали: такіе же были лиходѣи... шла бы лучше въ Бабурино село на фабрику къ своимъ полюбовникамъ, чѣмъ здѣсь всѣхъ баламутить!.. вотъ что!.. съѣшь!..

— Сама съѣшь!..

Хохотъ усиливался; толпа притиснулась къ ссорившимся.

Богъ знаетъ, до чего бы дошла ссора, еслибъ въ эту самую минуту всеобщее вниманіе не отклонилось появленіемъ Никанора Иваныча, фабриканта, который подъѣхалъ на своемъ возѣ. Возъ былъ доверху навьюченъ мотками бумаги и пряжи, такъ что напереди только оставалось мѣсто для хозяина, правившаго толстой саврасой кобылой.

Никаноръ Иванычъ игралъ сильную роль между мужиками того уѣзда; хотя онъ былъ такой же сермяжникъ, какъ и они, однакожъ, онъ держалъ ихъ всѣхъ въ своихъ рукахъ. Не было такой семьи, изъ которой хоть одинъ человѣкъ не работалъ бы на его фабрикѣ; кромѣ этого онъ раздавалъ еще работу на домъ; сверхъ всего онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ банкира между поселянами. Приходила ли кому нужда прикупить лѣску, подходилъ ли годъ къ исходу и не хватало хлѣба, пала ли лошадь передъ рабочею порою, хозяинъ волею неволею бредетъ въ Бабурино на фабрику.

— Такъ и такъ, молъ, Никаноръ Иванычъ, ссуди, кормилецъ, деньжонками: бѣда стряхнулась на меня, не оставь...

— А на что тебѣ?

— Да такъ и такъ, батюшка, во какое дѣло вышло... а ужъ насчетъ заработки за себя не постоимъ, къ сроку представимъ.

— Ты когда взялъ основу?.. съ перваго Спаса, что ли?.. такъ, ладно... ну, чтобъ была къ Рождеству готова, съ тѣмъ и даю деньги...

И бьется, колотится мужикъ, чтобы поспѣла во время непосильная работа и въ конецъ не утратить кредита Никанора Иваныча въ тугую пору.

Никаноръ Иванычъ зналъ, слѣдовательно, болѣе или менѣе обстоятельства каждаго мужика и, разумѣется, кто себѣ врагъ,

пользовался частенько этимъ знаніемъ. Онъ пріобрѣталъ также не мало вѣсу своею ученостію; кромѣ того, что мужики видѣли его каждое воскресенье на клиросѣ, подтягивающаго басомъ дьячку и пономарю, онъ частенько выходилъ читать апостола. Никаноръ Иванычъ носилъ синій кафтанъ въ распашку; рубаха была на немъ всегда ситцевая; на поясѣ его болтался мѣдный гребешекъ, хотя, правда, немного было на головѣ его что расчесывать. Вмѣсто лаптей, надѣвалъ онъ сапоги съ каблуками, унизанными гвоздями съ четырехгранными головками. „Купецъ, купецъ, да и полно!" говорили всегда мужики, когда фабрикантъ проѣзжалъ по улицѣ въ телѣжкѣ или выходилъ подбоченясь на рѣзное крылечко фабрики. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ во многомъ походилъ на купца; выпивалъ по самовару кипятку въ сутки; избу свою, оклеенную внутри лубочными картинками, называлъ горницею; водился охотнѣе съ уѣздною знатью, мельниками, купцами и дворовыми людьми; съ мужиками же кумился не иначе, какъ съ богатыми, или когда приходила въ комъ нужда. Впрочемъ, былъ исправный платильщикъ, надо отдать справедливость; счеты и книги держалъ въ хорошемъ порядкѣ, велъ себя вообще гладко и чинно; въ одномъ развѣ можно упрекнуть его: рѣзовъ былъ на счетъ волокитства, сильно даже рѣзовъ; но гдѣжъ сыскать человѣка безъ лиха?

— Что у васъ за сходка! чего расходились? шутливо повторялъ Никаноръ Иванычъ, продираясь сквозь толпу и показывая каждому свое пухлое лицо, оканчивающееся тучной бородой.

— Бабы поругались за корову! отвѣчали отовсюду мужики и парни, осклабляя зубы.

— Какія бабы? за какую корову?

— Домна, солдатка, съ Демьяновой женой.

— Э-ге-гей, тетки! что горло-то дерете! изъ чего у васъ вышло? спросилъ фабрикантъ, протискиваясь къ двумъ бабамъ.

— Ничего, батюшка, ничего, свое дѣло! вымолвила съ сердцемъ Демьянова старуха.

— Здорово, братъ, Демьянъ, продолжалъ Никаноръ Иванычъ, обращаясь къ Демьяну, который уговаривалъ жену: — изъ какой коровы у нихъ вышло?.. Не изъ твоей ли? покажи-ка мнѣ ее... я наслышенъ отъ людей, хороша больно животина...

детѣ не въ томъ мѣстѣ, куда уволенъ въ безсрочный отпускъ, и на переходъ изъ онаго не будетъ на билетѣ дозволительной надписи Градской или Земской Полиціи, то мѣстное Начальство обязано задержать его *Вишневскаго* и отправить за карауломъ къ ближайшему Начальству Внутренней Стражи, для поступленія съ нимъ по законамъ, какъ съ военнымъ дезертиромъ.

Ежели *Вишневскій* до истеченія 25-ти-лѣтняго срока службы его, призванъ будетъ Правительствомъ на службу, то обязанъ, по востребованію, немедленно явиться.

Если въ продолженіе означеннаго времени *Вишневскій* не будетъ требованъ на службу, то по истеченіи 25-ти-лѣтняго срока, и именно: 1867 года Января 1-го числа онъ получаетъ отставку и снабжается надлежащимъ паспортомъ отъ Завѣдывающаго безсрочно-отпускными нижними чинами въ Царствѣ Польскомъ.

При поступленіи на службу въ военное время, онъ *Вишневскій* получаетъ отставку по окончаніи войны, съ Высочайшаго разрѣшенія.

wał w innem miejscu, a nie w tem, do którego uzyskał Urlop nieograniczony, nie otrzymawszy na takowę zmianą mieszkania od Władzy miejscowej Policyjnej wzmiankowanego dopiero pozwolenia, na niniejszym urlopie zapisanego, w takim razie, miejscowa Władza Policyjna, winna przytrzymać Wiszniewskiego i pod strażą dostawić do najbliższej komendy Straży Wewnętrznej, z celem postąpienia z nim, podług prawa, jak ze zbiegiem wójskowym.

Gdyby *Wiszniewski*, przed ukończeniem 25-letniego zakresu służby, powołanym został przez Rząd do służby czynnej, wówczas, po otrzymaniu wezwania, powinien stawić się niezwłócznie.

Jesliby zaś, w przeciągu wzmiankowanego zakresu, *Wiszniewski* do czynnej służby powołanym nie został, na tenz cas, po upływie 25-letniego zakresu, a mianowicie w dniu 1 Stycznia 1867 roku, otrzyma od Jenerała, Zarządzaiącego w Królewstwie Polskiem żołnierzami Urlopu nieograniczonego, zupełne uwolnienie od służby.

Gdyby wrócił do służby w czasie wojny, w takim razie, po ukończeniu wojny, w skutek upoważnienia Jego Cesarsko-Krolewskiej Mości, udzielone mu zostanie zupełne uwolnienie.

— Знамое дѣло, сказалъ фабрикантъ:—на то и я покупаю, что нужда.

— Ну, хорошо, мы тебѣ продадимъ, а сами съ чѣмъ останемся?...

— Слушай, Демьянъ, уговоръ лучше денегъ: я тебѣ свою корову дамъ, — слышь; что возьмешь въ придачу?

— А что намъ въ твоей коровѣ! все одно, что есть она, что нѣту; я и сорока рублевъ не возьму въ придачу...

— Ну, пѣтъ, смышленъ больно, перебилъ фабрикантъ, лукаво подмигивая:—я чай, и за всю-то столько не далъ... сердито больно просишь....

— Нѣтъ, Никаноръ Иванычъ, я вовсе не продаю ея. Самимъ нужно, животина-то больно хороша вышла.

— Эй, продай, Демьянъ, полно тебѣ ломаться...

— Нѣтъ, Никаноръ Иванычъ, не продаю.

Ну, возьми двадцать рубликовъ и корову мою въ придачу...

— Ненадыть и сорока.

— Продай, говорю...

— Нѣтъ, ей же ей, не продамъ; упрямо заключилъ мужикъ, отдергивая руку жены, которая закрутилась вокругъ его полы.

— Бери тридцать рублевъ въ придачу, послѣднее слово.

— Ненадыть.

— Вотъ, подижъ, сладь съ нимъ! возразилъ съ досадою фабрикантъ, обращаясь къ окружавшимъ.

— Коровенка-то хороша больно, Никаноръ Иванычъ...

— И вы туда же, эхъ вы!.. Эй уважь, Демьянъ, мотри, чтобъ опосля не каяться...

— Не продаю! отвѣчалъ Демьянъ, махнувъ рѣшительно рукой.

— Ну, какъ знаешь, такъ и дѣлай, жаль, жаль, да и Богъ съ тобой, произнесъ фабрикантъ, хмуря лобъ: — самъ придешь просить о чемъ нибудь...

— Да нешто я въ чемъ причастенъ, Никаноръ Иванычъ, отвѣчалъ смѣясь Демьянъ:—что тебѣ полюбилась моя корова; мы ее не на продажу купили; всякій за свое добро стоитъ...

Въ то время, когда они разсуждали такимъ образомъ, стадо постепенно прибывало между пестрыми рядами густо столпивша-

гося народа; каждая хозяйка пригоняла сюда вербой послѣднюю овцу свою; въ рукахъ каждой виднѣлась ватрушка, или лепешка, или нѣсколько яицъ, которыми, по принятому обыкновенію, обдѣляютъ, въ день Егорья, пастуха, какъ бы для того, чтобы задобрить его къ хорошему уходу за скотиной.

— Пора, сказалъ пастухъ, уложивъ приношенія въ мѣшокъ и взваливъ его на худенькія плечи мальчика:—вишь, солнышко какъ высоко...

— Съ Богомъ! съ Богомъ! зашумѣло отовсюду.

Толпа разступилась надвое, и стадо ринулось съ ревомъ и блеяньемъ къ околицѣ, преслѣдуемое ребятишками, которые бѣжали, размахивая вербами, вырванными почти насильно изъ рукъ матерей.

— Эй, бабы, несите скорѣй шпули да приходите разбирать бумагу... мнѣ недосугъ! закричалъ Никаноръ Иванычъ, поворачиваясь спиною къ Демьяну, который тотчасъ же поплелся съ хозяйкой домой.

Минуту спустя, подлѣ воза Никанора Иваныча осталась одна только Домна; улица, за минуту кипѣвшая народомъ, почти опустѣла; кой-гдѣ виднѣлись мальчишки, бѣгавшіе въ-запуски, да мужики, хлопотавшіе у воротъ подлѣ сохи и собиравшіеся въ поле. Домна оглянулась на стороны и подошла ближе къ фабриканту.

— Здравствуй, Домнушка; что тебя давно не видать? началъ Никаноръ Иванычъ, охорашиваясь: — хоть на Святой завернула бы на фабрику; аль распрогнѣвалась, сударка?..

— Да, какже, есть мнѣ время, отвѣчала она заискивающимъ голосомъ: — къ тому же и ловки вы больно...

— А что?

— Да тоже... забылъ что ли?

— Видитъ Богъ, не помню...

— То-то... а кто посулилъ сафьяновые башмаки! сказала она, показывая ему рядъ бѣлыхъ зубовъ.

— Эка баба! проговорилъ въ полголоса фабрикантъ:—развѣ ты изъ одной корысти къ намъ хаживала?.. вишь, всѣ вы, видно, здѣсь корыстью забрались, словно жиды какіе, право-ну...

— Да, жиды, извѣстно, жиды, вымолвила Домна, наклоняя на бокъ голову и поддразнивая фабриканта.

— Разумѣется, одинъ за корову заломилъ чуть не сотенку,

другая дошла до Бабурина, три версты всего, а сафьяные башмачки... нынь да положь... а что, въ самомъ дѣлѣ, Домнушка, безъ ссоры, не знаешь ли, сколько далъ Демьянъ за корову?.. больно она мнѣ полюбилась...

— Пожалуй, скажу; а что дашь?..

— Ну, вотъ!.. да я коли захочу, безо всего навѣдаюсь: я чай, не ты одна знаешь.

— А вотъ же никто, ей Богу, никто не знаетъ, заговорила торопливо солдатка:—я знаю, какъ и корову-то достать... прибавила она, понизивъ голосъ и осматриваясь вокругъ.

— Ой ли?

— Провалиться мнѣ на эвтомъ мѣстѣ, отсохни руки и ноги, чтобъ мнѣ...

— Ладно, ладно... ну, слушай Домна, уговоръ лучше денегъ, когда правду скажешь, будутъ тебѣ башмаки, что посулилъ, да еще въ придачу платокъ набивной куплю, ей Богу, куплю.

— Обманешь...

— Ну, вотъ.

— Побожись.

— Ей Богу, куплю.

— Знаешь Петрушку Демьянова, начала Домна, подходя еще ближе.

— Какъ не знать! я чай, не хуже твоего, перебилъ Никаноръ Иванычъ, лукаво подмигивая солдаткѣ: — пять лѣтъ у меня на фабрикѣ работалъ; а что?

— Ему полюбилась Карпова Парашка; отецъ и мать, старая вѣдьма, непрочь женить его, да только Карпъ-то восемьдесятъ рублевъ проситъ выкупу... Имъ, знаешь, не въ домекъ это было, они и польстились на корову, да сорокъ рублевъ, послѣдніи что были, и отдали; приходится ждать имъ съ невѣстой до осени... А ужъ такъ-то хочется имъ породниться съ Карпомъ: вѣстимо, староста свой братъ будетъ тогда. Ты, Никаноръ Иванычъ, запугай ихъ только своимъ племянникомъ, Игнаткой: скажи, что сватаешь его за Карпову Парашку; на деревнѣ и то объ эвтомъ толкуютъ бабы; денегъ-то, восьмидесяти рублевъ, Демьяну по осени взять неоткуда будетъ: знамо, оброкъ, то, другое. Ты Петрушкинъ миткаль не возьми: съ нихъ спѣси-то и убудетъ; а ты тогда и приступи къ нему: либо Па-

рашку уступишь, либо корова твоя будетъ, особливо коли денегъ еще посулишь... Корову купишь, а тамъ все засылай къ Карпу сватовъ, все одно; тебѣ сходно за восемьдесятъ рублевъ взять дѣвку... что на Демьяна тебѣ глядѣть, своя рубаха ближе; коли хочешь, я сама тебѣ посватаю...

— Ладно, ладно, перебилъ Никаноръ Иванычъ, самодовольно разглаживая бороду: — ай да Домна! съ печи летитъ, семдесятъ семь думъ задумываетъ! Ну, ужъ, уважила, прибавилъ онъ, тряхнувъ головой:—видитъ Богъ, не даромъ побожился— корова моя, тебѣ башмаки и платокъ...

— Вотъ еще что сказалъ! сердито воскликнула солдатка:— нѣтъ, башмаки давай, какъ было по уговору, къ Троицыну дню.

— Тише, глупая; аль не видишь, бабы идутъ... никакъ вонъ и Демьянова старуха идетъ... чего боишься? отдамъ, коли побожился.

Домна повернула за другую сторону воза.

— Вотъ, кормилецъ, прими коклюшки, сказала старуха Демьяна, подавая ему связку:—парнишки мои намотали...

Никаноръ Иванычъ взялъ, сосчиталъ коклюшки, отмѣтилъ ихъ на биркѣ, противъ Демьянова дома, и подалъ старухѣ взамѣнъ три мотка бумаги.

— Эй, старуха, не скупись, вымолвилъ онъ:—скажи мужу, чтобъ уступилъ корову...

— Э-э-э, касатикъ, отвѣчала старуха, накидывая на себя плаксивый жалкенькій видъ, съ какимъ обыкновенно бабы обращаются къ сильному человѣку:—что ты на нее больно позарился? сами радёшеньки, что купили животинку-то, не знать какъ ужъ и ради-то ей... какъ это она полюбилась тебѣ, родной? что въ ней? не больно видущая, зазорная... все народъ наговорилъ тебѣ...

Тутъ къ возу приступило нѣсколько бабъ, и старуха воспользуясь этимъ случаемъ, взяла мотки подъ мышку и направилась въ избу. У воротъ нашла она Петра и мужа, которые запрягли уже лошадей въ сохи и собирались ѣхать въ поле.

— Ну, что, далъ небось мотковъ? а я чаялъ онъ въ отмѣстку поартачится пробавлять насъ работой... ишь глаза-то у него стали больно велики: что завидитъ, подавай ему... куда буяровать сталъ, настоящая гуфара!..

— Мотри, Демьянычъ, бѣды какой бы не вышло... охъ...

— Ну, вотъ, какая бѣда... э! полно старуха, гореваньемъ не пособишь, хоша и было бы о чемъ... Ну, Петрушка, пора: вишь солнышко гдѣ?.. Вотъ пахать такъ, ужъ нечего сказать, ладно нынче будетъ, прибавилъ онъ, весело оглядывая черныя поля, стлавшіяся въ-право отъ околицы.

Старикъ пахлобучилъ на глаза шапку, взялъ возжи и, сопровождаемый сыномъ, побрелъ за лошадью.

— Господь съ вами, родные! проговорила со вздохомъ старуха, когда оба очутились уже за околицей.

За тѣмъ перекрестила она нѣсколько разъ воздухъ, къ той сторонѣ, куда поѣхали пахари, повернулась ко двору и, согнувшись въ-три погибели, торопливо поплелась въ избу.

V.

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.

Въ копны чистыя,
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.

Кольцовъ.

... Было около полудня. Солнце пекло невыносимо; въ воздухѣ становилось жарко и душно, какъ въ раскаленной печкѣ. Поля и окрестность обозначались въ отдаленіи какими-то движущимися, волнующимися очертаніями; кой-гдѣ развѣ, подъ воротами да навѣсами, бросавшими синевато-сквозныя тѣни, можно было найти убѣжище отъ зноя.

Въ деревнѣ царствуетъ тишина мертвая.

Въ иное время, въ тотъ же полдень, когда все отдыхаетъ отъ утреннихъ трудовъ, встрѣтишь хоть толпу мальчишекъ, играющихъ у колодца, или старушенку, разстилающую холсты на лужайкѣ, или послышатся мѣрные удары валька съ ближайшаго

плота; теперь все пусто, собака не пробѣжитъ по пыльной улицѣ... Пора̀ стоитъ рабочая, страдная пора, какъ называетъ ее въ деревняхъ. Теперь и старушки, и дѣтки ихъ, и даже животныя, все живмя живетъ въ полѣ. Вотъ почему такъ тихо въ деревнѣ и кромѣ неугомонныхъ воробьевъ, перелетающихъ иногда цѣлыми стаями отъ одного коноплянника къ другому, ничего не встрѣтишь на улицѣ.

Но вотъ, однакожъ, посреди тишины протяжно заскрипѣли чьи-то ворота... Секунду спустя, изъ-подъ густой тѣни показалась Дарья. Она тащила на спинѣ люльку, или зыбочку; въ рукахъ ея виднѣлись сѣрый глиняный кувшинъ и коровай, завернутый въ полотенцо. Черты изнывшаго лица ея, казалось, еще болѣе вытянулись съ весны; загаръ какъ бы вовсе не касался блѣдныхъ щекъ бабы. Она медленно добрела до конца деревни, сняла невыразимо бережно зыбочку съ плечъ, тихо поставила ее на-земь и отворила околицу.

Путь къ полямъ лежалъ, какъ уже извѣстно, черезъ лугъ, поднимавшійся накатомъ къ рощѣ. Дорога только-что начиналась, а между тѣмъ крупныя капли пота выступали на сухощавомъ лбу и впалыхъ щекахъ Дарьи; но усталость и тяжесть ноши не измѣняли ни мало кроткаго выраженія лица; при малѣйшемъ шорохѣ или крикѣ изъ зыбки, она выпрямлялась, поворачивала назадъ голову и безпокойно разглядывала блѣдное личико младенца, повернутое потомъ и казавшееся еще блѣднѣе въ желтоватой тѣни, бросаемой толстой холстиной.

Очутившись у опушки рощи, Дарья пріободрилась, отерла потъ, оглянула кувшинчикъ, поправила зыбку и пошла скорѣе. Лѣсъ погруженъ былъ въ какую-то сладкую дрему; каждая вѣтка лѣниво отдыхала въ тишинѣ и зноѣ; листъ не шелыхался; все было тихо и вмѣстѣ съ тѣмъ полно таинственной жизни. Кой-гдѣ лопнетъ стручекъ, сбрасывающій сѣмя; прожужжитъ насѣкомое въ жирной травѣ, опутывающей мшистые корни; тамъ, изъ-подъ темной груды слѣпившихся листьевъ тяжело ломится мухоморъ, и алая шапка его, облитая лучемъ, случайно прорѣзавшимъ тучную листву, ярко сверкаетъ посреди лиловыхъ колокольчиковъ, бузины и кашки, покрытыхъ синею тѣнью; прокричитъ иволга,—и снова тишина...

Дарья остановилась, придержала люльку и стала внимательно прислушиваться: вдалекѣ, на другомъ концѣ рощи, раз-

дался съ перекликами голосъ кукушки; но не успѣла она сосчитать и одного разу, какъ пѣніе смолкло и лѣсъ погрузился въ молчаніе... Движеніе неотразимой тоски промелькнуло на блѣдномъ лицѣ бабы: она легонько приподняла холстяное покрывало, взглянула на младенца, который спалъ, скрестивъ худенькія ручонки, и грустно покачала головой.

Мало по малу стали открываться поля и лощина. Тутъ все дышало жизнью. По обоимъ сторонамъ проселка желтѣли нивы, усѣянныя золотыми копнами; все обозначало кончаніе жатвы; изъ рѣдкаго кустарника не торчали пучки колосьевъ, прицѣпившихся во время возки; кой-гдѣ между гладко скошенными нивами попадались клинья еще нетронутаго хлѣба; бѣлыя рубашки жницъ мелькали въ нихъ, какъ сѣдые барашки на волнующемся морѣ; то тутъ, то тамъ выглядывало смуглое, полное личико, осѣненное васильками, подымалась обнаженная рука съ пучкомъ длинныхъ колосьевъ, сверкалъ серпъ на солнцѣ. Насѣкомыя, оживленныя зноемъ, носились роями въ синемъ небѣ, производя отдаленную музыку, которая, казалось, еще сильнѣе давала чувствовать жизненность окрестности. Всюду между рядами копенъ подымались высокія телѣги, навьюченныя снопами; подлѣ бродили распряженныя лошади; въ прозрачномъ полусвѣтѣ, бросаемомъ подводами, отдыхали, развалившись, ребята, бабы и мужики, съ ихъ дюжими, плотными работниками.

Несвязный говоръ поселянъ, кой-гдѣ начатая пѣсня, трескъ кузнечика, голосъ жаворонка, серебряное ржаніе жеребенка въ отдаленіи,—все это, сливаясь вмѣстѣ, придавало полямъ какое-то приволье, жизнь, что-то чарующее, манящее въ эту тѣнь подводъ, въ эту желтую, тучную рожь, испещренную цвѣтами и лѣниво клонившуюся къ землѣ.

Дарьѣ слѣдовало пройти всю лощину, чтобы достичь мужа, которому несла она обѣдъ. Усталость ея была, однакожъ, такъ велика, что она рѣшила присѣсть и отдохнуть, какъ скоро поровняется съ нивой Демьяна, до которой оставалось уже не больно далеко. Немного погодя, ей послышались знакомые голоса, и вскорѣ увидѣла она ветлу, а изъ-за нея головы Демьяна, его жены и Петра.

Расположившись въ глубокой межевой ямѣ, заросшей вьющимися ежевичникомъ, бузиной и шиповникомъ, всѣ трое мирно оканчивали свой обѣдъ. Жиденькая тѣнь ветлы предохраняла

отъ зноя только головы стариковъ и туловища двухъ ребятишекъ, которые спали навзничь, заложивъ обѣ руки за голову и выставивъ на солнце ноги. На колѣняхъ у Демьяна была старинная липовая чашка, наполненная обломками хлѣба, лукомъ и квасомъ; подлѣ него, прижавшись бочкомъ къ плетеному кошелю, лежала старуха, державшая въ одной рукѣ кувшинчикъ, въ другой кленовую ложку; немного поодаль сидѣлъ Петръ. Положивъ голову между ладонями и упершп локти въ колѣни, онъ не раздѣлялъ, казалось, трапезы: ложка его лежала подлѣ на травѣ.

Когда Дарья подошла къ ветелкѣ, ей послышалось, что старики увѣщевали въ чемъ-то сына.

— Хлѣбъ да соль, тихо сказала она, останавливаясь на закраинѣ ямы.

— А, Дарьюшка! спасибо тебѣ, спасибо!... вымолвилъ Демьянъ опрокидывая ложку:—изъ деревни, что ли? мужу обѣдъ несешь?...

— Здравствуй, касатка, перебила старуха, ставя въ траву кувшинчикъ и приподымаясь на локтѣ:—подь къ намъ; я чай, измаялся, полемъ-то идучи; подь, вздохни...

— Спасибо, тетушка, я здѣсь посижу, отвѣчала Дарья, отирая потъ:—мнѣ недосугъ, боюсь запоздать.

— Все одно, болѣзная, что тебѣ на солнышкѣ-то печись, право, подь къ намъ, не запоздаешь.

— Вѣстимо ничего, примолвилъ Демьянъ:—твой мужъ упустилъ работу... вотъ Петруху посылали мы къ ручью за водою, самъ видѣлъ: много еще у него непожатаго хлѣба; я чай, работаетъ себѣ, все къ вечеру поспѣть хочетъ... останься съ нами безъ опаски, къ тому не всѣ еще и обѣдаютъ, рано...

Побѣжденная частію зноемъ, частію лаской, Дарья потихонечку спустилась подлѣ Петра, который молча далъ ей дорогу, и, бережно уложивъ зыбочку въ траву, усѣлась подлѣ стариковъ. Поднявъ глаза, она увидѣла надъ собою однѣ лишь окраины межевой ямы, глухо заросшія травою, синее небо и верхушку ветлы.

— Ты, касатка, поближе къ намъ сядь отъ солнышка, сказала старуха.—Что, спитъ? прибавила она, прикладывая сморщенную ладонь къ люлькѣ.

— Спитъ...

— Эй, Дарьюшка! произнесъ Демьянъ, подавая ей краюху съ отрѣзаннымъ ломтемъ, въ которомъ виднѣлись разрѣзанныя на-двое зерна:—не хочешь ли надломить съ нами хлѣбца святого? Хлѣбецъ мягкій, нынѣшній; отвѣдай; ты, я чай, нынѣшняго-то еще не пробовала; всего третьягодня помолотились...

— Нѣтъ, спасибо, родные, отвѣчала Дарья, качая головою:—что-то не хочется.

— Можетъ, тебѣ тюрька наша приглянулась?... на, бери ложку...

— Нѣтъ, благодарствуй, родный, повторила она, продолжая качать головою.

— Что такъ? аль у васъ опять нивѣсть что съ мужемъ вышло?... Вѣстимо, недобрый человѣкъ, что говорить, съ нимъ живучи, много бѣды напринимаешься! Эхъ жаль мнѣ тебя: баба-то ты больно покорливая... была бы моя сила, ей-ей, не пожалѣлъ бы его!...

Дарья закрыла лицо ладонями и продолжала качать головою.

— И-и-и... полно, полно, касатушка, заговорила старуха, замѣтивъ слезы между сухощавыми пальцами бабы:—гореваньемъ не пособишь, не убивайся такъ-то понапрасну, не томи себя тоскою; полно, прибавила она, отводя ей руку отъ лица.

— Вѣстимо, гореваньемъ бѣдѣ не пособишь, перебилъ Демьянъ, не зная уже, что бы такое ввернуть въ утѣшенье.

— Полно, касатка, по комъ бѣда-бѣдовая не ходила, продолжала старуха махая мужу, чтобъ онъ замолчалъ:—я не къ слезамъ говорю тебѣ; авось создастъ Господь, выйдетъ тебѣ перемѣна; добръ отецъ до дѣтей, добръ и Богъ до людей! Какіе еще твои года!.. Вотъ Господь утѣху послалъ тебѣ, присовокупила она, указывая на люльку: — не убивай такъ-то, Дарья, своего здоровьица некрѣпкаго...

— О, о, охъ! говорила рыдая Дарья:—я о немъ-то и сокрушаюсь... сдается мнѣ, не жить ему тетушка...

И ихъ, полно, болѣзная! во всемъ святая власть Божья... не попуститъ Онъ тебѣ такого горя... за что?

— Вѣстимо... Э! чего не было, смекай да подумывай, а будетъ, не будетъ—темный человѣкъ,—не распознаешь, началъ было Демьянъ.

— У кого нѣту своей кручины, перебила старуха, отстраняя руку мужа:—у всякаго свое,—въ лѣсу не безъ звѣря, въ

людяхъ не безъ лиха, касатушка; вотъ и мы: жили, жили, лиха не чая, а привелось горя отвѣдать,—накликали бѣду...

— Да, Дарьюшка, привелось и намъ почесать затылокъ, вымолвилъ Демьянъ:—бѣда не больно, чтобы велика... Мы Господомъ Богомъ очень довольны и, встаючи и ложаючи, благодаримъ Его; а все худо... Полно рюмить; послушай, что я тебѣ скажу, сами нынче только провѣдали: спасибо еще сватъ Гаврило навелъ...

Тутъ Петръ, сидѣвшій во все время неподвижно, легъ грудью на-земь и, уперевъ раскраснѣвшееся лицо въ шапку, прикинулся спящимъ.

Дарья медленно подняла заплаканные глаза свои и устремила ихъ сначала на парня, потомъ на обоихъ стариковъ.

— Да, подкузьмилъ насъ Никаноръ Иванычъ, чтобъ ему вѣкъ отъ добрыхъ людей добраго слова не слыхать, началъ Демьянъ.

— Слышь, — лихорадица истреши его, окаяннаго! — племянника своего за Карпову Парашку хочетъ засватывать, перебила съ жаромъ старуха: — самъ вишь Гаврилѣ сказывалъ; а все на зло, ей Богу, на зло, родная, продолжала она, разгорячаясь болѣе и болѣе: — видитъ Богъ, и въ мысляхъ прежде не держалъ; провѣдалъ онъ, что мы мѣтили на дѣвку, да въ въ отмѣстку, что корову ему не продали, и хочетъ у насъ отбить ее... вотъ како горе пало на насъ... а мы, признаться, на дѣвку-то больно позарились: дѣвка хороша; гдѣ искать, и сами теперь не знаемъ; изъ своей деревни все лучше: знаешь кого берешь въ домъ...

— Онъ, можетъ, еще отступится отъ нея... проговорила Дарья, взглядывая украдкою на Петра.

— А лихъ его знаетъ! возразилъ Демьянъ: — сватовъ, вишь, засылать хочетъ, сказывалъ Гаврило, — такой-то пропастный... сто рублевъ бы правилъ съ того, кто родилъ его недобраго...

На этомъ мѣстѣ Демьянъ и всѣ присутствующіе были прерваны громкимъ говоромъ, раздавшимся надъ ихъ головами.

Поднявъ глаза, они увидѣли нѣсколькихъ мужиковъ и бабъ съ вилами и косами на плечахъ, остановившихся у закраины ямы.

— Вишь куда затаились! здорово, сватъ Демьянъ! здрав-

ствуй, тетка! э, Дарья, ты какъ здѣсь? я, чай, вамъ податно тутъ отдыхать-то въ холодкѣ?... заговорили они въ одно время.

— Здорово, братцы! куда? отозвался Демьянъ, привставъ на ноги.

— Порѣшили, сватъ, свой хлѣбъ, — идемъ къ Карпу, — звалъ на помочь, хочетъ зразъ убрать нынче послѣдній снопъ съ поля... А ты какъ, сватъ, убрался?

— Нѣтъ еще; сдается, нынче совсѣмъ покончимъ...

— Богъ помочь!...

— Спасибо, братцы!...

Жнецы и жницы встряхнули косами и, распрощавшись съ Демьяномъ и его хозяйкой, пошли полемъ, затянувъ веселую пѣсню.

— Пора и намъ, сказалъ Демьянъ, взглянувъ на солнце:— вставай, Петруха; эй, ребята, полно вамъ... ишь развалились, и слышать не хотятъ, — вотъ то-то: ступай работать — брюхо болитъ, — ступай кисель ѣсть... а гдѣ моя большая ложка?... прытки больно... ну, ну, полно валяться, ночью отдохнете...

— И мнѣ пора, вымолвила Дарья, припадая къ зыбочкѣ:— пособи, тетушка, поднять на плечи...

— Изволь, родная...

Дарья взвалила на спину люльку, взяла кувшинчикъ и каравай и, сопровождаемая семьею Демьяна, уже вооруженною серпами и граблями, выбралась на проселокъ.

— Смотри только, касатка, сказала старуха, отводя въ сторону молодую бабу:—не разславляй никому, что я тебѣ повѣдала про наше горе; огласка пуще всего...

— И, тетушка, кому мнѣ разсказывать! отвѣчала она, выразивъ печальную улыбку.

— Ну, то-то... я затѣмъ тебѣ и сказывала, касатка, что ты не станешь разносить по деревнѣ: — ты баба смирная, не смутьянка какая... прощай, болѣзная, Господь съ тобою...

Старушка кивнула ей головою, повернулась къ полю и, бормоча что-то сквозь зубы, поплелась за мужемъ и Петромъ, которые шли какъ-то невесело другъ подлѣ дружки, поглядывая иногда на двухъ ребятишекъ, беззаботно прыгавшихъ между копнами.

Вскорѣ маленькая семейка достигла своихъ подводъ и принялась дожинать остающуюся рожь, не разгибая спины.

VI.

Въ селѣ, весной, при мѣсяцѣ,
Спокойно спитъ крещеный міръ;
Вдоль улицы нашъ молодецъ
Идетъ самъ другъ съ сосѣдкою;
Промежъ себя ведутъ они
О чемъ-то рѣчь хорошую.

Кольцовъ.

Уже вечерѣло, когда принялись они накладывать послѣдніе снопы.

— Готово? спросилъ Демьянъ, затягивая конецъ веревки, которую перекинулъ ему сынъ черезъ возъ, навьюченный до верху.

— Готово.

— Съ Богомъ! да смотри, Петруха, какъ станемъ изъ рощи спускаться, поддерживай лѣвый бокъ; трогай; пора, пойдемъ, старуха... эй, ребята, полно вамъ баловать съ жеребенкомъ; домой! ишь всѣ убираются съ поля...

И, въ самомъ дѣлѣ, по всѣмъ концамъ необозримой лощины тянулись высокіе возы съ рожью; за ними брели толпы поселянъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, съ граблями и косами на плечахъ. Солнце медленно спускалось за рощу, обливая поля, народъ, подводы, всю окрестность пурпуровымъ свѣтомъ; огненное небо было чисто и ясно; несмѣтные рои комаровъ и мошекъ кружились въ тепломъ, тихомъ воздухѣ. По всей лощинѣ неслась звонкая пѣснь, начинавшаяся у рощи, куда отовсюду стекались бабы и дѣвки. Пѣсня съ каждою минутой раздавалась громче и громче. Толпа, собравшаяся у рощи, видимо сгущалась вокругъ возовъ, которые постепенно останавливались одинъ за другимъ.

— Ай да дѣвки! какъ знатно пѣсни играютъ!... восклик

нулъ Демьянъ, выравниваясь съ толпою и останавливаясь подлѣ возовъ, которые захватывали весь проселокъ.

— Дѣлать, знать, нечего: ишь орутъ, словно шальныя какія... проворчала старуха.

— Э, ге, ге! да онѣ, должно быть, не снопъ ли наряжаютъ, продолжалъ Демьянъ, придерживая лошадь и вытягивая впередъ шею.

— Ну, чего ты, дурень, остановился? ступай, ступай... что глаза-то выпучилъ, словно баранъ на гумно... эка невидаль какая! сказала старуха, недовольное расположеніе которой, казалось, усиливалось съ часу на часъ.

— А тебѣ что?... Петруха, полно ее слушать, старую, пойдемъ, поглядимъ, произнесъ Демьянъ, заглядывая въ густую толпу: — ребятишки! э! да они ужъ тамъ, — ай-да молодцы, — пойдемъ, Петруха!... И, не обращая вниманія на брань жены — такъ сильно забирало его любопытство — онъ привязалъ возжи къ возу и протискался въ народъ вмѣстѣ съ сыномъ.

Посреди кружка, пестрѣвшаго шитыми рубахами, платками, передниками, стоялъ высокій возъ съ рожью, перетянутый крестъ на крестъ веревками и запряженный двумя лошадьми. Подлѣ него нѣсколько разряженныхъ бабъ и дѣвокъ съ визгомъ и хохотомъ возились вокругъ тучнаго снопа: кто повязывалъ его макушку платкомъ, кто натягивалъ на него рубаху. Это былъ „именинникъ“, какъ называютъ въ простонародьи снопъ, связанный изъ послѣднихъ пучковъ ржи, собранныхъ въ полѣ.

Пѣсни оглушали присутствующихъ.

— Экія чудныя! твердилъ Демьянъ, надрываясь со смѣху; Петрушка, глядь, словно бабу сдѣлали, ей-ей, бабу, ни дать, ни взять, бабу... ай да дѣвки!

Но Петръ уже ни на что не обращалъ вниманія; потупя голову, онъ изъ подлобья, словно прикованный, глядѣлъ на старостину дочку, виднѣвшуюся съ того мѣста въ толпѣ дѣвокъ.

— Кому садиться на возъ? дѣвки, ступайте всѣ сюда, кричала солдатка Домна, суетясь съ огромнымъ вѣнкомъ, сплетеннымъ изъ колосьевъ, цвѣтовъ и травы: — кому на возъ? выходите... чего заснѣсивились? бабы, погодите пѣсни играть, изъ-за васъ ничего не слышно.

— Ступайте, дѣвки... чтожъ вы, эй! Пора, не почи здѣсь ждать, заговорило нѣсколько голосовъ.

— Ну, чего прячетесь? экія! продолжала Домна: — э, коли спѣсивитесь, пустите меня: я сяду... никто не хочетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Карпову Парашку пустите, Карпову Парашку на возъ къ имениннику! отозвалось разомъ нѣсколько тоненькихъ голосковъ.

И почти въ ту же минуту дѣвки съ крикомъ вытащили на середину кружка стройную, осанистую дѣвушку въ синемъ сарафанѣ, съ алымъ платкомъ на головѣ, обхватывавшемъ кругленькое, загорѣлое личико съ карими глазами и длинными рѣсницами. У Петрухи заколохнуло на сердцѣ.

— Нѣтъ, дѣвки, пустите меня, я не хочу, пусть Домна сядетъ, говорила Параша, выбиваясь изъ рукъ подругъ, которыя тащили ее силою къ возу.

— Садись, садись! закричалъ весь кружокъ: — садись... чего артачишься! изъ-за тебя дѣло стоитъ... полно тебѣ ломаться... Домна, надѣвай ей вѣнокъ на голову; тащите именинника на возъ; тащи его, ну, дружнѣй! Держи его, держи, смотри, крѣпче, Парашка, нето свалится на косогорѣ, держи, не урони! кричали отовсюду, махая руками дѣвушкѣ, которая усаживалась на макушкѣ воза, придерживая одной рукой пестрый вѣнокъ надъ румянымъ своимъ личикомъ, другою — наряженный снопъ.

— Ну, трогай, что ли, съ Богомъ, съ Богомъ! о-о-о!...

И возъ, поскрипывая и покачиваясь изъ стороны въ сторону, покатился по проселку: впереди его, словно лебединое стадо, плавно выступали бабы, парни и дѣвки, съ граблями, вилами и косами, сверкавшими какъ золото на заходящемъ солнцѣ; громкая пѣснь ихъ, посреди которой мѣрно звякали удары въ обломокъ косы, далеко огласила окрестность. По сторонамъ бѣжали, хлопая въ ладоши, съ припрыгомъ и кривляньемъ, ватаги мальчишекъ и дѣвченокъ, размахивая пучками цвѣтовъ и колосьевъ; позади, за другими возами, тащились, припадая съ ноги на ногу отцы, сѣдые старики-дѣды и люди степенные.

Смуглыя лица ихъ, покрытыя потомъ и морщинами, сіяли довольствомъ и радостію.

И какъ не порадоваться! Недаромъ молвится: мужичекъ

пашетъ плачучи, а живетъ скачучи! Забота теперь какъ съ плечъ долой; хлѣбца святаго уродилось въ волюшку. Онъ станетъ дешевле; э, гдѣжъ теперь заботушка? ужъ не объ умолотѣ ли, когда изъ-за каждаго гумна, надъ плетнями, перевитыми хмѣлемъ и травами, глядятъ, словно божьи гости, ряды остроконечныхъ скирдъ-кормилицъ! И вотъ, прислушиваясь однимъ ухомъ къ размашистой пѣсни, другимъ къ веселому скрипу тяжелыхъ телѣгъ, навьюченныхъ снопами, ведутъ они мирную рѣчь свою о жатвѣ, покосахъ и засѣвахъ...

А между тѣмъ въ это время старуха Демьяна была уже давно дома. Недовольное расположеніе духа, казалось, все еще не покидало желтоватаго лица старушенки; она поминутно выбѣгала за ворота, заглядывала на улицу, съ сердцемъ отмахивалась отъ жуковъ, которые то и дѣло ударяли ее со всего размаху по лицу, и вновь высовывалась заботливо на улицу. Но не пѣсни приближающихся жницъ, не поѣздъ „именинника", начинавшій показываться изъ рощи, были тому причиной. Старушка не обращала на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Она глядѣла въ другую сторону, къ высокому берегу рѣки, надъ которымъ начинало клубиться облако пыли. Наконецъ старушка отворила настежь ворота и побрела къ нему навстрѣчу. Вскорѣ облако, охваченное солнцемъ, расширилось и сквозь золотую ткань пыли показались рогатыя головы, послышалось мычанье; ближе—мелькнули изъ-за него старый пастухъ съ связкою плетей и худенькій мальчикъ съ котомкой; еще ближе — и все стадо съ ревомъ и грохотомъ ринулось на мостъ. Лицо старушки прояснилось, когда она увидѣла впереди всѣхъ бѣлую свою корову.

— Аль времячко выглядываешь, тетка? спросилъ пастухъ.

— Да, родной, завтра посушить конопли хотѣли, слава те Господи!

— Да, будутъ ведра, произнесъ старикъ: — бѣлая корова впереди всѣхъ бѣжала; ужъ такая-то она у тебя, тетка, прыткая, никакъ не угонишься за нею, здорова, больно.

Старушенка поспѣшила отплюнуться, а старикъ тѣмъ временемъ кинулся сломя голову за стадомъ, которое смѣшалось и сбилось, набѣжавъ прямешенько на поѣздъ „именинника", въѣзжавшій на улицу изъ противоположнаго конца деревни.

Крики, пѣсни, ревъ, блѣянье, — все это разомъ смѣшалось

вмѣстѣ. Много трудовъ стоило старушкѣ отыскать посреди этой кутерьмы мужа; еще труднѣе было ей добраться до Петра, который, затесавшись въ самую середину толпы, желъ, вздернувъ голову кверху, ничего не слышалъ и не отнималъ глазъ отъ Парашки. Наконецъ, кой-какъ, съ помощію толчковъ и брани, она потащила ихъ домой, заставила убрать воза и усадила за ужинъ.

Въ деревнѣ, становилось, однакожъ, тише и тише: хозяйки разогнали стадо по дворамъ; мужья и дѣды, утомленные знойнымъ трудовымъ днемъ, покидали одинъ за другимъ улицу; кой-гдѣ на заваленкахъ оставались лишь парни да дѣвки, но и тѣ, впрочемъ, скоро разбрелись, такъ-что, когда сумерки окутали деревню, серебряный мѣсяцъ, выкатившійся изъ-за рощи, освѣтилъ уже совсѣмъ пустую улицу.

Все спало.

. . . .

— Что ты, Петруха? вымолвилъ Демьянъ, вскидываясь внезапно отъ сна.

— Ничего, батюшка, отвѣчалъ тотъ, проворно подбирая ноги, которыя свѣсилъ было съ полатей.

Прислушавшись къ храпѣнью отца, раздавшемуся почти вслѣдъ за пробужденіемъ, онъ потихонечку началъ спускаться по стремешкамъ съ полатей, останавливаясь при каждомъ шорохѣ, и наконецъ выбрался на крылечко. Вся забота состояла теперь въ томъ, чтобы отворить заднія ворота въ огородъ, перелѣзть черезъ плетень и выбраться на зады безъ малѣйшаго шума. Къ счастію, все прошло какъ нельзя лучше; собака не шевельнулась. Очутившись въ густой тѣни, бросаемой крестьянскими гумнами, Петръ попалъ на тропинку, вьющуюся между глухо разросшеюся крапивой, и пошелъ еще бережнѣе. Онъ зналъ, что многіе изъ мужиковъ спали теперь въ ригахъ. Встрепенется ли заснувшая птица, крикнетъ ли коростель въ болотной осокѣ, Петръ уже припадетъ въ траву, притаится словно куропатка, когда всматривается въ нее огненный глазъ лягавой собаки.

Такимъ образомъ достигъ онъ рѣчки, обогнулъ берегъ и очутился на-задахъ другой половины деревни.

— Что за диво! тамъ темно, хоть глазъ выколи; — здѣсь словно днемъ: виднымъ-виднешенько, прошепталъ Петръ, взгля-

ѣнувъ на мѣсяцъ, который обливалъ съ этой стороны поля и гумно голубовато-серебрянымъ свѣтомъ.

Ночь была чудная! звѣздное небо казалось еще необъятнѣе и шире. Теплый воздухъ былъ такъ тихъ, что малѣйшій звукъ въ отдаленіи, сухое дребезжанье телѣги, катившейся Богъ вѣсть гдѣ, по пыльной дорогѣ, говоръ запоздалыхъ жнецовъ за рощей—доходили четко и ясно, какъ будто все это происходило у околицы.

Но Петръ уже ничего не замѣчалъ; затаивъ дыханіе, стоялъ онъ передъ высокимъ плетнемъ, изъ-за котораго выглядывалъ черною бахрамою конопляникъ старосты.

Взобравшись кой-какъ на плетень, Петръ оглянулся на стороны; въ сторонѣ послышался шорохъ... Онъ рухнулся сломя голову въ конопляникъ, закрылъ глаза и не двинулъ не однимъ членомъ.

— Петруша, ты? произнесъ шопотомъ чей-то голосъ.

Петръ поднялъ голову и увидѣлъ шагахъ въ трехъ Парашу, которая шла къ нему, отслоняя одной рукой стволы конопель, другою боязливо указывая ему на кровлю отцовской избы. Мѣсяцъ свѣтилъ ей прямо въ лицо.

— Молчи, молчи, говорила она, удерживая парня, который, не обращая ни на что вниманія, кинулся къ ней на встрѣчу:— отецъ спитъ въ каморкѣ, — смерть страшно: того и смотри, услышитъ...

Они молча прошли нѣсколько шаговъ и остановились подъ высокой рябиной, которая окутывала черною тѣнью плетень и часть конопляника..

— Ну, что, Параша, ты, я чай, все... слышала? спросилъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ парень.

— Слышала, Петруша... не знаю, что и дѣлать, отвѣчала она, опуская руки.

— Какъ не знаешь? живо подхватилъ парень:—стало, тебѣ все одно! я изъ за горести свѣта не вижу, отбился отъ сна, отъ ѣды, а тебѣ все одно...

— Чтожъ мнѣ дѣлать, коли отецъ приневоливать станетъ... Вотъ ты какой... Петруша, прибавила она съ упрекомъ:— чѣмъ бы пожалѣть меня, горькую... а отъ тебя только и слышишь попреки...

— Полно, перестань, Параша, живо подхватилъ Петръ:—

не серчай на меня; я и самъ не знаю, что со мною попритчилось; не тоскуй такъ-то. У меня и безъ того все сердечко изныло... Вотъ послушай, что я тебѣ скажу, продолжалъ онъ, робко взявъ ее за руку: —слышь, что ли, Параша?

— Слышу, отвѣчала она, прижимаясь къ парню и стараясь улыбнуться.

— Ты говоришь: отецъ приневолитъ; нѣтъ, не приневолитъ, когда ты просить станешь... Что онъ тебѣ за злодѣй! ты у него всего одна какъ перстъ...

— Да чтожъ я ему скажу?

— Любъ я тебѣ, Параша? спросилъ неожиданно Петръ, взглядывая ей въ лицо.

— Кажись, пуще отца роднаго и матери, Петруша! отвѣчала она, наклоняясь къ парню.

— Ты бухнись имъ въ ноги, продолжалъ онъ, обнимая дѣвушку: — скажи: родные вы, молъ, мои, я одна у васъ, вы одни у меня, не губите вы меня, дайте хоть пожить маленько на бѣломъ свѣтѣ, чтобъ знала я, что за радость жить съ вами; буду служить вамъ вмѣсто батрачки, все стану работать и ни охну, ни застону!.. Сдѣлай, только повременили бы они до осени да слова не давали Никанору; выгадай только времячко; а ужъ я охулки на руки не положу; поколь мочь и сила будутъ, стану работать да денегъ наживать къ той порѣ; сама ты вѣдаешь: мать моя не прочь отъ этого дѣла; она намъ подсобитъ уломать отца.

— Ему-то что итти противъ нашего счастія? возразила Параша:—нешто я въ чемъ не по праву пришла ему?..

— Ну, вотъ подижъ ты? сказалъ Петръ, досадливо тряхнувъ головою:—сколько разъ говорилъ, что ты дѣвка хорошая, какъ передъ Богомъ!.. Да заартачился продать Никанору корову; слово за словомъ, повздорили, нѣтъ да нѣтъ, изъ этого-то и дѣло все вышло... Никаноръ на зло ему хочетъ сватать за тебя Игнатку... теперь вишь отнѣкивается брать у меня работу; да это куда бы ни шло: я снесу въ Емельяновку: тамъ возьмутъ; денегъ на выкупъ станетъ.

— Ну, а коли отецъ твой не послушаетъ матери: поартачится продать Никанору корову, а тотъ зашлетъ сватовъ?

— Нѣтъ, уломаемъ... Господь не попуститъ такого грѣха.

— А ну, какъ не уломаешь... тогда что?..

— Тогда... если ты пойдешь за Игнатку, прощай, Параша! прощай на вѣки!.. пойду изъ деревни куда глаза глядятъ, загублю свою голову...

— Нѣтъ, Петруша, чтобъ мнѣ свѣта Божьяго не видать,— не пойду ни за кого окромѣ тебя; лучше весь вѣкъ въ дѣвкахъ просижу по тебѣ плачучи...

Въ сторонѣ послышался легкій шорохъ. Оба притаились за рябину.

— Слышь, Петруша?.. шепнула она, робко озираясь и дрожа какъ осиновый листъ.

— Слышу... никакъ собака... не бойся...

— Охъ, нѣтъ, не отецъ ли... Смерть боюсь, Петруша, ступай лучше... ступай скорѣй... неравно еще застанетъ...

— Не бойся, ничего, говорилъ парень, прижимая ее къ себѣ крѣпко на крѣпко.

— Нѣтъ, оставь, оставь, шептала она, упираясь, что есть мочи, руками въ грудь парня:—застанетъ, осерчаетъ такъ, что слова мои впрокъ не пойдутъ... экой ты какой!.. пусти!

Она вырвалась изъ рукъ его, нагнула голову и пустилась безъ оглядки.

— Прощай, Параша, шепнулъ Петръ, выглядывая изъ за плетня, черезъ который успѣлъ уже перемахнуть.

— Кто тамъ? послышался въ эту минуту хриплый голосъ изъ коморы.

Петръ не дослышалъ далѣе; онъ летѣлъ уже стрѣлою по задамъ, придерживаясь къ плетнямъ, чтобы оставаться въ тѣни, которую начинали бросать теперь и съ этой стороны крестьянскія гумны.

— Экъ, его старый хрычъ, чуткой какой! вымолвилъ онъ, останавливаясь у берега, чтобы перевести духъ:—ладно, выходи теперь изъ коморы,— много возьмешь!.. Э, э, вонъ ужъ мѣсяцъ-то гдѣ, прибавилъ онъ, оглядывая синее небо, начинавшее блѣднѣть на востокѣ; мы и не примѣтили времячка; должно быть, скоро свѣтать начнетъ... не хватились бы дома!..

Сказавъ это, онъ снова пустился въ дорогу и, немного погодя, очутился въ отцовскомъ огородѣ, между тѣсными рядами капусты, огурцовъ, луку и картофеля, залитыхъ серебрянымъ свѣтомъ мѣсяца, тихо катившаго по синему звѣздному небу.

VII.

Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Кольцовъ.

— Экіе холода пошли! въ избѣ донимать стало!.. говорилъ Демьянъ, выходя ранымъ рано на крылечко и кутаясь въ кожухъ, наброшенный на плечи: — жаль, запоздали мы добре съ капустой, того и смотри прохватило ее нынче морозомъ, прибавилъ онъ, спускаясь на дворъ, покрытый застывшею грязью. Онъ направился прямо къ огороду, но, проходя мимо клѣти, не утерпѣлъ таки, чтобы не остановиться передъ коровой, предметомъ стольких толковъ и зависти.

Кромѣ пятка овецъ, барана и коровы, въ клѣти находился еще новый жилецъ—рыжая телочка съ бѣлыми отмѣтинами на лбу и бокахъ, которую не переставала облизывать Демьянова любимица. Мужикъ поглядѣлъ сначала на мать, потрепалъ ее по ребрамъ, потомъ приласкалъ дочку и, усмѣхнувшись самодовольно, пошелъ къ заднимъ воротамъ, не переставая ухмыляться въ бороду.

Вступивъ въ огородъ, онъ не безъ сожалѣнія увидѣлъ побѣлѣвшіе ряды капусты, поднялъ голову — и остановился, пораженный страннымъ зрѣлищемъ. Огромная старинная ветла, глядѣвшая изъ за сосѣдняго плетня, была усѣяна вся, съ низу до верху, ласточками; даже плетень и кровля сосѣдняго амбара были покрыты ими такъ, что казались совершенно черными. Демьянъ притаился за уголъ и сталъ глядѣть. Ласточки слетались отовсюду цѣлыми стаями; мало по малу онѣ усѣлись и успокоились: мертвое молчаніе воцарилось между ними; такъ прошло нѣсколько минутъ—и вдругъ всѣ, сколько ихъ ни было, защебетали въ одно время, замахали крылушками и разомъ понеслись къ югу, наполнивъ воздухъ своимъ крикомъ.

— Что за диковина! произнесъ Демьянъ, слѣдя съ недоумѣніемъ за темнымъ облакомъ ласточекъ, постепенно уменьшавшемся въ сѣромъ небѣ: — ужъ не къ отлету ли въ теплую

сторону собирались онѣ сюда?... А можетъ статься и то правда: время позднее, заключилъ онъ, возвращаясь на дворъ.

Онъ отвязалъ лошадей, отворилъ переднія ворота и, пропустивъ уздечки въ лѣвую руку, вышелъ на улицу.

Было еще очень рано. Сѣрое, туманное небо, разливавшее грустный свѣтъ на окрестность, свидѣтельствовало однакожъ, что солнце показалось надъ горизонтомъ. Все вокругъ безмолвствовало. Казалось, какъ будто все живущее уже давно попряталось отъ стужи въ избенки, подъ теплыя овчины и кожухи; у черныхъ заваленокъ, перепутанныхъ поблекшею, космато травою, не было видно ни сохи, ни бороны, ни телѣги; вся дѣятельность обозначалась возвышавшимся кой-гдѣ у воротъ ворохомъ хвороста, да дымкомъ, который начиналъ тянуться сизою струйкой изъ двухъ трубъ, прикрытыхъ горшечками.

Демьянъ достигалъ уже конца деревни, когда до слуха его неожиданно коснулись глухіе стоны и вопли. Онъ сталъ прислушиваться. Вопли выходили изъ крошечной избенки, объ одномъ волоковомъ окнѣ, перекосившейся на одну сторону и глядѣвшей невыразимо печально.

Демьянъ вспомнилъ тогда, что наканунѣ у Дарьи умеръ ребенокъ. Движимый любопытствомъ, онъ подошелъ къ избѣ и приложилъ бороду къ окну, стараясь разглядѣть, что тамъ происходило. Ничего, однакожъ, не увидѣлъ мужикъ; темно и мрачно было въ избушкѣ; глухія причитанія Дарьи, сопровождаемыя рыданіями, одни наполняли бѣдную, полуобвалившуюся лачужку.

— Дитятко мое! милка моя! плакала она на-распѣвъ: — охъ! горе мое, горькое горюшко... И нѣтъ уже дитятка моего! нѣтъ бѣлаго селезня!... Кого мнѣ прибаюкать на плечѣ моемъ? Бывало, забуду истому злую, нагнусь, возьму тебя на руки... Дитятко мое! надежда моя! Егорушка! бѣлянушка!... охъ, прости Господи, горе мое, оторвалось мое сердце, осиротѣла грудь моя и молочко твое присохнетъ; пуста теперь твоя зыбочка! охъ, горе мое, горе мое! забуду, что пуста она, твоя зыбочка, и стану качать ее, тебя вспоминаючи!...

— Полно, касатушка, полно, сердечная, не убивайся такъ-то, грѣшно передъ Господомъ... повторялъ вслѣдъ за тѣмъ чей-то ласковый голосъ.

Э! старуха моя ужъ тамъ! вымолвилъ Демьянъ, отходя прочь: — такъ, такъ, вотъ и ведра наши стоятъ у воротъ. —

Должно быть за водой шла да завернула провѣдать горюшицу, присовокупилъ онъ, направляясь къ рѣкѣ, сверкавшей какъ темное лезвее стали въ почернѣвшихъ берегахъ: — эхъ, жаль бабу-то! добрая, смирная баба такая... Да что станешь дѣлать! не стоятъ знать у ней робяты... вотъ ужъ третьяго на моей памяти хоронитъ... жаль, право, жаль!...

Напоивъ лошадей, Демьянъ подобралъ уздечки и началъ подыматься по скату берега.

Навстрѣчу ему попалась жена съ коромысломъ и ведрами на плечахъ. Глаза старушки были красны; въ смуглыхъ морщинахъ щекъ и подбородка виднѣлись кой-гдѣ слѣды незасохшихъ слезъ; желтое ворчливое лицо ея было на этотъ разъ кротко и спокойно.

— Погоди меня, Демьяныч, я воды зачерпну, пойдемъ вмѣстѣ, сказала она, проводя рукавомъ по лицу.

Мужикъ остановился, поглядѣлъ ей въ слѣдъ и почесалъ затылокъ. Немного погодя, старушка, переваливаясь съ ноги на ногу подъ тяжелыми ведрами, нагнала мужа, и они пошли рядышкомъ.

— Эхъ, бабу-то жаль, ишь какъ ее убивается! вымолвилъ Демьянъ, взглядывая на избенку Дарьи, изъ которой все еще раздавались стенанія и голошенье.

— О-о-охъ! горькая-то наша долюшка! произнесла старуха, кротко опуская голову: — охъ! скоро и мнѣ, горемычной, приведетъ Господь такъ-то плакаться...

Тутъ она остановилась, устремила съ мольбою заплаканные глаза на мужа и сказала съ упрекомъ:

— Демьянычъ, а Демьянычъ, полно тебѣ артачиться!...

Демьянъ также остановился, поднялъ голову къ сѣрому небу, гдѣ тянулась длинная вереница журавлей, и сдѣлалъ видъ, какъ-будто ничего не слышитъ.

— Демьянычъ, аль сердца въ тебѣ нѣтути? продолжала старуха, ставя на-земь ведра и скрестивъ руки:—опостыли мы тебѣ, что ли?... Всю осень, почитай, плачусь надъ тобой; полно тебѣ спѣсивиться: продай ты ее...

— Чтой-то за диво, какъ они низко летятъ нынче... пробормоталъ мужикъ, не отрывая глазъ отъ журавлей.

— Демьянычъ, а Демьянычъ... загубить ты насъ хочешь

что́ ли? чѣмъ погрѣшилися мы передъ тобою?... взмилуйся, касатикъ... продолжала старуха, дергая его за рукавъ кожуха.

— Эхъ-ма! вотъ привязалась... вымолвилъ Демьянъ полушутливо, полусердито: — ну, чего тебѣ? Чего ведра-то поставила?... пойдемъ!...

— Не пойду, касатикъ... охъ, не сойду съ эвтаго мѣста, пока не отойметъ у меня сердце... Батюшка, родной ты мой, отецъ ты нашъ, Демьянъ Васильичъ, сказала старуха и вдругъ ударилась съ воплемъ ему въ ноги.

— Что ты, дура-голова, ишь нашла гдѣ мѣсто... при людяхъ-то... аль срама нахлебаться хошь? вставай, говорятъ... одурь взяла тебя, что ли?

— Охъ, нѣтъ, кормилецъ не встану... охъ, не встану... силушки моей нѣту-ти; не встану, пока не взмилуешься... Что она тебѣ но нобилась? напустилъ, знать, на тебя лихой человѣкъ, выманилъ лестію изъ тебя душу... Самъ ты, родной, въ Спожинки горевалъ объ эвтомъ горѣ... а теперь твои же рѣчи въ-забыть пошли!..

Демьянъ, видя, что дѣлать было съ ней нечего, плюнулъ на сторону и пошелъ скорыми шагами къ дому. Но не успѣлъ онъ запереть воротъ, какъ уже старуха нагнала его.

— Демьяничъ, аль взаправду души въ тебѣ нѣту-ти! воскликнула она, ставя опять ведра на-земь: — аль опостыло тебѣ родное дѣтище? Отшатнись ты отъ нея, Господь съ нею! неужто окромѣ ея другой не найдемъ...

— Отвяжись ты отъ меня, Христа-ради! ну, чего тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, отъ меня надыть? казалъ Демьянъ, такимъ голосомъ, какъ-будто о сю пору не въ-догадъ ему было, о чемъ говорила старуха, и между тѣмъ не переставая взглядывать украдкою на корову, которая, показавъ надъ плетнемъ бѣлую свою голову, отозвалась протяжнымъ мычаньемъ.

— Слышь, слышь, касатикъ, завопила старуха, живо размахивая руками; — слышь, она сама чуетъ смерть свою, сама просится со двора вонъ... Кормилецъ, нынче и листъ-то ишь его какъ поздно не спадаетъ съ дерева: по всему, быть мору. Вотъ, родной, чтобъ мнѣ нечистый пригрезился, если воронъ не перелетѣлъ нашъ дворъ намедни... ужъ такъ-то каркаетъ! Она сама чуетъ свою погибель; что тебѣ въ ней прибыли, коли

она хвостъ откинетъ, коли станетъ у насъ весь скотъ до последней шерстинки, да ничегохонько не останется?..

Демьянъ покосился на корову и почесалъ затылокъ.

— Демьянъ Васильичъ, кормилецъ ты нашъ, не губи парня-то... за что? Продай ты ее Никанору! вопила жена, обливаясь слезами и снова бросаясь обнимать ноги мужа.

— Да, теперь продай; а не ты ли весной сама меня отговаривала... привередлива больно стала, вотъ что!..

— О-охъ! вотъ то-то, отецъ родной, глупая-то дурость наша, охъ! отчаянно простонала старуха.

— А куда я пойду продавать? сказалъ Демьянъ, немного смягчаясь: — ну, куда?.. онъ самъ теперь ея не возьметъ...

— Охъ, возьметъ, кормилецъ, право возьметъ: онъ самъ намедни сказывалъ свату Степнѣю, что возьметъ...

— Да какже пойду я съ нею въ Бабурино... самъ не хотѣлъ, а теперь буду навязываться...

— Нѣтъ, касатикъ, не надыть ходить... я о томъ и молю тебя нынче, что Никаноръ пріѣдетъ сегодня объ утро раздавать пряжу... Полно тебѣ спѣсивиться... слышь, слышь, вотъ такъ-то ни ночью, ни днемъ покою ему нѣту-ти, присовокупила она, указывая выразительно на избу, изъ которой раздавались удары челнока и шумъ стана: — совсѣмъ извелся парнюха... думаетъ работой пособить, тебя умилостивить, батюшка Демьянъ Васильичъ—совсѣмъ какъ есть присушила его дѣвка-то... охъ, пожалѣй ты его, не табашникъ онъ какой у тебя, загубитъ парень свою голову, не прими грѣха на свою душу! Господи! святые угодники! неужто корова жалчѣе ему роднаго дѣтища!..

Демьянъ хотѣлъ было что-то сказать, но въ эту минуту на крылечкѣ показался Петръ, и старикъ замялся.

Круглыя, полныя щеки парня, въ самомъ дѣлѣ, немножко осунулись съ лѣта; онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго. Увидя старуху мать на колѣняхъ передъ отцемъ, Петръ сдѣлалъ движеніе впередъ, но старикъ предупредилъ его.

— Подь сюда, Петруха, сказалъ онъ, принимая свой повседневный, шутливый голосъ и устремляя то на парня, то на жену свои смѣющіеся, узенькіе глазки: — вотъ старуха наша пригязалась ко мнѣ: продай да продай корову Никанору... что ты объ этомъ промолвишь?

— Чтожъ, батюшка, отвѣчалъ запинаясь Петръ:—продай...

— Ой ли? смѣясь возразилъ отецъ.

— Вѣстимо, батюшка, не одна она на свѣтѣ... нонѣ, славу Богу, годъ хорошій... къ веснѣ я заработаю еще деньжонокъ, — купимъ другую...

— Э! не сули лапти сшить, не дравши лыкъ! этакъ пожалуй, про васъ не напасешься,—сегодня купи, а завтра продай... Мякины нынче вволю, зачѣмъ ее продавать, пусчай ее постоитъ, потрата не больно велика...

— Ты самъ знаешь, зачѣмъ мы тебя въ этомъ утруждаемъ, сказалъ Петръ, переводя духъ на каждомъ словѣ.

— Погоди, мы вотъ у кого спросимъ, произнесъ Демьянъ, обращаясь шутливо къ двумъ парнишкамъ, которые вбѣжали на дворъ, махая посинѣвшими отъ стужи руками:—оба вы что-то хитро больно говорите... Что они скажутъ, тому и быть... Ну, ребятишки, продать корову, аль нѣтъ?

— Продай, продай, касатикъ! прокричала старуха, кидаясь къ мужу.

— Продай, продай! закричали вслѣдъ за матерью ребята, сами еще не смекая хорошенько, о чемъ шло дѣло.

— Продай, батюшка, прибавилъ Петръ:—день и ночь буду за тебя Бога молить...

— Продай, продай, тятька! кричали мальчуганы, цѣпляясь за отцовскій кожухъ.

Демьянъ тряхнулъ головою, нахмурилъ брови и, не сказавъ ни слова, пошелъ къ клѣти: очутившись подлѣ коровы, онъ принялся ее снова осматривать; ребята, жена и Петръ послѣдовали за нимъ и не отнимали отъ него глазъ. Мало-по-малу веселое выраженіе на лицѣ мужика уступило мѣсто нерѣшительному и наконецъ упрямому и недовольному.

Петръ былъ какъ на угольяхъ и вертѣлъ рукавомъ рубахи; старуха стояла какъ стопочка, жалостливо повѣсивъ голову и скрестивъ руки. Въ самую эту минуту за воротами послышался женскій, дребезжащій голосъ:

— Тетка Анна, а, тетка Анна, ступай вынеси мотки да коклюшки: фабрикантъ пріѣхалъ.

Демьянъ нахмурилъ еще сильнѣе сѣдыя свои брови.

Сердце Петра и старухи болѣзненно, тоскливо сжималось.

— Демьянъ Васильичъ!.. начала-было жена.

Но Демьянъ не дослушалъ ея; онъ вышелъ изъ клети, поднялъ голову къ сѣрому небу, откуда слышались отдаленные крики, и произнесъ съ разстановкою:

— Опять, никакъ, журавли летятъ... да, точно, вонъ, вонъ... Что это какъ они нынче низко летятъ... быть, стало, студеному времени...

— Батюшка, Демьянъ Васильичъ, полно тебѣ умомъ-то раскидывать, завопила старуха, снова бросаясь ему въ ноги:— когда я тебя въ чемъ утруждала, али просила? батюшка, кормилецъ, взмилуйся надъ роднымъ дѣтищемъ!...

— Батюшка, продай ее въ-заправду, рѣшился наконецъ поддакнуть парень:—самъ вѣдаешь, какую мы терпимъ изъ-за нея помѣху... вѣдь вотъ Никаноръ и работы моей не беретъ... куда я съ ней пойду?...

Демьянъ медленно надѣлъ кожухъ въ рукава, нахлобучилъ на глаза шапку и молча вышелъ на улицу.

Вся семья побѣжала за нимъ.

Сѣренькій осенній день окончательно смѣнилъ туманное утро. Холодный воздухъ былъ сухъ и прозраченъ: какъ-то особенно ясно обозначались въ немъ теперь темныя кровли избушекъ съ ихъ пѣтушками и коньками на макушкахъ; рѣзче вырѣзывались фіолетовые прутья обнаженныхъ березъ, тронутыхъ еще кой-гдѣ красными и желтыми листьями; даже поля и нивы сливавшіяся въ отдаленьи, очерчивались чистыми, опредѣлительными линіями. Мѣстами въ воздухѣ тянулись длинныя, бѣлыя волокна тенетника, признакъ долгой, студеной осени, или „листопада", какъ говорятъ поселяне.

Въ самой деревнѣ какъ будто повеселѣло. Теперь изъ каждой почти избушки возносилась кверху сизая струйка дыма; кой-гдѣ, въ окнахъ, сверкалъ огонекъ жарко топившейся печи. Ребятишки, закутанные кто въ отцовскій полушубокъ, тащившійся на половину по землѣ, кто въ бабушкинъ зипунъ, толкались подлѣ заваленокъ. Съ задовъ слышались мѣрные удары цѣпа или шумъ вѣявшейся ржи, которая падала на гладко убитый токъ. По всѣмъ концамъ деревни виднѣлись бабы съ мотками бѣлой пряжи и связками шпуль за плечами, сходившіяся къ колодцу, куда, по обыкновенію, присталъ съ своимъ возомъ Никаноръ Иванычъ.

Его уже окружала порядочная ватага. Никаноръ Иванычъ,

казалось, на этотъ разъ былъ очень въ-духѣ. Хохотъ его и прибаутки далеко слышались вокругъ.

— Эй вы, любки-голубки! поворачивайтесь скорѣй: мнѣ недосугъ съ вами валандаться.... Сколько у тебя пшулей?... ну, эхъ ты, немогузнайка! давай.... разъ, два, три.... такъ, присовокупилъ онъ, вырѣзывая одинаковое число на биркѣ: здорово, Гаврило; ну, что какъ умолотъ у васъ?

— Да ништо, грѣшно Бога гнѣвить, самъ-сёмъ уродилось, Никаноръ Иванычъ.

— Вотъ то-то, а вы все плачетесь, охъ, вы колосовички-грѣчишнички! А! здорово сватъ Демьянъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ мужику, который протискивался въ кружокъ съ видомъ совершеннаго равнодушія: — ну, что, какъ живешь-можешь?

— Ничего, отвѣчалъ Демьянъ: — живы по Божьей милости...

— Батюшка, Никаноръ Иванычъ, купи у насъ корову! неожиданно воскликнула старуха, просовывая изъ толпы голову.

Демьянъ обернулся, нахмурилъ брови и сердито почесалъ локоть.

— Э, тетка и ты здѣсь? изволь, куплю, вымолвилъ фабрикантъ, устремляя на Демьяна свои сѣрые на выкатѣ глаза.

— Что ты ее слушаешь, Никаноръ Иванычъ, произнесъ мужикъ:—баба съ вѣтру вретъ, что впало ей на языкъ, то и несетъ.

— А развѣ ты не продашь? спросилъ Никаноръ.

Демьянъ посмотрѣлъ на Петра, который стоялъ по-одаль, и замялся. На парнѣ лица не было.

— Я, признаться, не то, чтобы, больно, позарился на нее, продолжалъ фабрикантъ, укладывая мотки:—а, пожалуй, купить куплю, если продашь.

— Купи, касатикъ, подала снова голосъ старуха: — ей-Богу, купи!...

— Дешево больно даешь, промолвилъ запинаясь Демьянъ.

— Да ты сколько просишь?... я почемъ знаю.

Демьянъ почувствовалъ, что кто-то дергалъ его за рукавъ.

— А сколько? сколько сами заплатили, за столько и отдадимъ, отвѣчалъ онъ, понатужась.

— Сорокъ рублевъ?

— Да.

— Экой!... гм! гм! ишь его тугой какой!... надо еще знать, стоитъ ли цѣны; можетъ, она въ лѣто у тебя похирѣла...

— Можетъ такъ, а можетъ и нѣтъ, пробормоталъ недовольно Демьянъ.

— Нѣтъ, кормилецъ, ей-Богу, нѣтъ, возразила съ жаромъ старуха, просовываясь впередъ и размахивая руками:—кажись, еще добротнѣе стала... люди не нахвалятся, спроси кого хошь.

— Надо поглядѣть, сказалъ фабрикантъ: — продавать, такъ лицомъ: веди ее сюда.

Старуха и Петръ, духомъ, безъ оглядки пустились домой. Минуту спустя, толпа дала дорогу коровѣ, парню и старухѣ. Похвалы и восклицанія посыпались отовсюду. Фабрикантъ принялся осматривать животное, пожимая значительно губами и встряхивая головою. Петръ и старуха не пропускали ни одного изъ его движеній и поминутно бросали взгляды на Демьяна, который стоялъ въ сторонѣ и пасмурно косился то на корову, то на присутствующихъ.

— Что говорить, животина хорошая, сказалъ наконецъ фабрикантъ, выпрямляясь и поправляя шапку: — ну, такъ какже, Демьянъ?... тридцать пять по моему; какое твое послѣднее слово?... Берешь, что ли?...

Демьянъ молчалъ.

— Чтожъ ты ничего не говоришь? ась?

Демьянъ поглядѣлъ сначала украдкою на сына, потомъ на жену и вдругъ совершенно неожиданно расправилъ морщины на лбу, махнулъ рукой и воскликнулъ:

— Э! ну, Господь съ тобой.... бери такъ и быть!

— Отдаешь?

— Отдаю! отвѣчалъ Демьянъ, вторично махнувъ рукой.

Петръ едва устоялъ на ногахъ.

Старуха перекрестилась.

— Давно бы такъ, сказалъ Никаноръ Иванычъ, ударяя его по плечу: — вашъ братъ всегда бываетъ смышленъ, да только опосля; а то корячился, корячился, словно взаправду во всемъ уѣздѣ у одного тебя была корова....

— Вотъ то-то, батюшка, глупая-то дурость наша, сказала старуха, сама уже не помня на-радостяхъ, что говоритъ.

— Я, братъ, признаться, посерчалъ маленечко на тебя за

твою смѣсь, перебилъ фабрикантъ, обращаясь къ Демьяну: — ну, да теперь подался ты, и дѣлу конецъ; какъ, думаю-себѣ, сорокъ рублевъ далъ всего, а проситъ столько же да еще корову въ-придачу....

— Да ты какъ провѣдалъ, что я сорокъ рублевъ за нее далъ? спросилъ Демьянъ.

— А, признаться, Домна-солдатка, проболталась: — грѣшенъ и я: посулилъ ей за то платокъ.

— Эка пропастная баба, пробормоталъ мужикъ: — счастье ея, что она теперь на фабрикѣ у тебя, якъ ей припомнилъ....

— Ну, Петруха, подхватилъ Никаноръ Иванычъ, обращаясь къ парню, который и смѣялся и чуть не плакалъ съ радости: — Гаврило сказывалъ, ты на Емельяновку хочешь миткаль нести.... На кой тебѣ лѣшій туда таскаться, коли ближе есть, гдѣ сбыть его съ рукъ: — давай его мнѣ, намъ никакъ ни впервые дѣло вести.... завтра же и приходи на фабрику, за-одно: и миткаль сдашь, и деньги за корову возмешь.... такъ, что ли?...

— Такъ, Никаноръ Иванычъ, отвѣчалъ Петръ, встряхивая волосами: — я завсегда готовъ на тебя работать, если....

— Знаю, знаю, ладно, перебилъ фабрикантъ, лукаво подмигивая ему лѣвымъ глазомъ: — что, Демьянъ, голову-то повѣсилъ, аль корову жаль!...

— Э! произнесъ Демьянъ, взглядывая на корову и почесывая затылокъ. — Онъ больше ничего не сказалъ.

— Ну, ступай, ступай, бѣлянка говорилъ фабрикантъ, привязывая корову къ телѣгѣ: — вотъ тебѣ новый хозяинъ.... эхъ, хорошая корова!... у меня же бѣлая шерсть ко двору....

Повторивъ Петру, чтобъ приходилъ завтра въ Бабурино, Никаноръ Иванычъ раскланялся съ толпою, сѣлъ на возъ и тронулъ возжами.

Демьянъ стоялъ молча на одномъ мѣстѣ и не переставалъ слѣдить за коровой, которая то-и-дѣло поворачивала назадъ, къ деревнѣ, голову. Наконецъ, когда возъ фабриканта завернулъ къ берегу и коровы не стало видно, мужикъ провелъ ладонью по лысинѣ, махнулъ отчаянно рукою и произнесъ, обратившись къ старухѣ, стоявшей рядомъ съ Петромъ:

— Эхъ, все ты старая!... ужъ такъ-то жаль коровенку! такъ жаль!... славная такая была.... ну, да Богъ съ вами,

пойдемъ въ избу, прибавилъ онъ, надѣвая шапку: — авось повеселѣе станетъ....

Они уже подходили къ воротамъ, когда въ толпѣ, расходившейся послѣ отъѣзда фабриканта, послышался шумъ, и внезапно раздались восклицанія:

— Дарья, Дарья!... похороны!...

Всѣ трое остановились и обернулись назадъ.

Изъ воротъ маленькой перекосившейся избушки выѣзжала телѣга, запряженная хилой, костлявой клячонкой. На тележкѣ, уперши лицо и грудь въ солому, лежала Дарья; русые ея волосы, смоченные слезами, разсыпались въ безпорядкѣ изъ-подъ темнаго, худаго платка. Впереди подводы шелъ съ открытою головою рыжій, приземистый мужикъ суроваго вида; онъ держалъ въ одной рукѣ уздечку лошади, въ другой — маленькій гробикъ, живьемъ сколоченный изъ досокъ.

Телѣжка медленно подвигалась къ околицѣ.

Вокругъ, въ толпѣ, уже окончательно разсѣявшейся по улицѣ, все какъ бы стихло. Каждый крестился и молча давалъ дорогу.

Дарьи почти не было видно; изрѣдка лишь сѣрый зипунъ, покрывавшій ея спину, показывался надъ соломой; вслѣдъ за тѣмъ слышалось раздирающее рыданіе, и снова все стихало, кромѣ шаговъ лошади, звонко отдававшихся на застывшей землѣ.

У околицы нѣсколько бабъ увязались-было провожать тележку, но скоро отстали за недосугомъ.

Немного погодя, и телѣжка, и мужикъ, и кляча исчезли за косорогомъ.

— Э.... хе, хе, жаль бабу, сказалъ со вздохомъ Демьянъ: — ну, да какъ быть! такъ, знать, Господомъ Богомъ положено.... Полно, старуха, продолжалъ онъ, обертываясь къ женѣ, которая утирала лицо рукавомъ рубахи: — тебѣ-то, я чай, горевать не о чемъ: поставила-таки на своемъ.... продалъ корову.... потѣшилъ.... Ну, чего хлюпаешь?... Дарьѣ этимъ не пособишь.... знамо дѣло, однимъ горе, другимъ радость, оно такъ-то съ покон вѣку ведется.... Теперь о другомъ думать надыть: вотъ этого шалыгана пожинить пришла, видно, пора.... Пойдемте обѣдать, переговоримъ, тамъ за шапку да къ Карпу, попавѣдаюсь, что-то онъ скажетъ, а

тамъ честнымъ пиркомъ, да и за свадебку!... Пойдемте обѣдать.... ну, хе, хе! а все на сердцѣ у меня какъ словно камнемъ лежитъ коровенка-то: смерть жалко, добрé хороша была животина.... Ну, ужъ, Петруха, я тебѣ это припомню!...

Сказавъ это, Демьянъ нахлобучилъ шапку и, сопровождаемый старухой, поднялся на крылечко.

Когда они обернулись, Петра уже не было. Въ радостяхъ летѣлъ онъ какъ угорѣлый въ старостинъ конопляникъ.

VIII.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

Кольцовъ.

Мятель, поднявшаяся въ ночь, утихла. Вѣтеръ падалъ съ каждой минутой, разбивая хребты сизыхъ тучъ, заслонявшіе небо. Быстро бѣжавшія тучи открывали то тутъ, то тамъ мутножелтоватыя пятна. Свѣтлѣй и свѣтлѣй становилась окрестность; вдругъ вѣтеръ вянулъ сильнѣе, и, откуда ни возьмись, глянуло солнышко... Мигомъ все приняло другой видъ. Ослѣпительной бѣлизной окинулась улица; еще ярче сверкнули на темномъ небѣ занесенныя снѣгомъ избушки съ ихъ бѣлыми кровлями и рѣзными подоконниками, увѣшанными льдяными сосульками, сіявшими какъ алмазы. Разомъ все оживилось. Заскрипѣли ворота и прикалитки. На улицѣ показалась баба, закутанная такъ, что внаружу выглядывали одинъ красный носъ да посинѣвшія отъ стужи руки, которыми поддерживала она валекъ и коромысло. За нею, изъ разныхъ концовъ, выползли ребятишки, едва тащившіе въ мягкихъ сугробахъ отцовскіе полу-

шубки; немного погодя, сбились они въ кучку; составился кружокъ; появилось рѣшето, облитое льдомъ, съ привязанною къ боку веревкой; въ него усѣлась дѣвчонка, еле-еле дышавшая изъ-подъ взгроможденнаго на нее кожуха; толпа схватилась за веревку, раздался крикъ, и вотъ уже понеслась она, только снѣгъ столбомъ да вѣтеръ съ морозомъ на-встрѣчу.

Почти въ тоже время, на другомъ концѣ деревни, остановились широкія пошевни, запряженныя вороной кудластой клячей, подлѣ которой бѣжалъ долговязый жеребенокъ. Изъ саней вылѣзъ Демьянъ. Прежде всего онъ отряхнулъ кожухъ и шапку, провелъ варишками по напудренной инеемъ бородѣ и наконецъ принялся отворять околицу. За тѣмъ онъ взялъ лошадь подъ уздцы и пошелъ шагомъ по улицѣ.

— Ну, должно быть, въ городѣ-то мятелица была не гораздо пуще здѣшней, — ишь какіе намела сугробы! произнесъ Демьянъ, останавливаясь въ недоумѣніи передъ своими воротами.

Онъ отгребъ кой-какъ снѣгъ, въѣхалъ на дворъ, вынулъ изъ пошевней кусокъ мерзлой говядины, потомъ узелокъ, завязанный въ клѣтчатый платокъ, и, не распрягая лошади, вступилъ въ сѣни. Тутъ мужикъ принялся шарить по всѣмъ угламъ, отыскалъ плетушку, куда сажаютъ куръ на яйца, сунулъ въ нее украдкою узелокъ и повернулся къ двери, обрамленной сѣдой бахромой мерзлаго пара. Дверь скрыпнула, и Демьянъ, похлопывая лаптями и рукавицами, весело вошелъ въ избу.

— Здравствуй, родной, что такъ поздно? вымолвила старуха, выглядывая сначала изъ-за печурки и тутъ же выбѣгая къ нему на-встрѣчу.

— Здорово, хозяйка! произнесъ Демьянъ, отряхаясь съ головы до ногъ: — спрашиваешь: поздно зачѣмъ?.. А выѣхалъ я изъ города чѣмъ свѣтъ, да така-то мятель, вьюга, поднялась, зги невидно; со мной, какъ на-зло, ввязался жеребенокъ; что станешь дѣлать!.. вернулся назадъ, обождалъ... ну да теперь недосугъ мнѣ съ тобой калякать. — На, возьми, присовокупилъ онъ, подавая ей говядину: — подкинь ее въ щи, да ступай скорѣй ко мнѣ.

— Ахъ ты, Господи! намедни барана зарѣзали, а онъ вишь чего... говядину покупать задумалъ! аль денегъ тебѣ дѣвать некуда, куры у те ихъ не клюютъ, что ли? заворчала старуха.

— Ну, вотъ, лиха бѣда! щи послаще зато будутъ! возразилъ смѣясь Демьянъ.

Замѣтно было по всему, что онъ находился въ отличномъ расположеніи духа.

— Ну, а молодые-то наши гдѣ? спросилъ мужикъ, озираясь на стороны.

— Вѣстимо, не сидѣть имъ безъ дѣла, ворчала жена, роясь подлѣ горшковъ: — на гумно пошли... молотять...

— Ладно, ладно, ступай сюда, продолжалъ мужъ, торопливо сбрасывая съ себя верхнюю одежду и развѣшивая ее на станъ, занимавшій чуть не половину избы.

Онъ подошелъ къ столу, вынулъ изъ-за пазухи длинный кожаный кошель и бережно высыпалъ на скатерть казну свою, состоящую изъ замасленой, истасканной пятидесятирублевой ассигнаціи и нѣсколькихъ просверленыхъ, истертыхъ гривенниковъ и пятиалтынныхъ, между которыми видиѣлся орѣхъ-двойчатка, положенный туда, вѣроятно, для счастья и прибыли.

— На-ка, возьми ее, хозяйка да подшей хорошенько тряпицей, сказалъ онъ, подавая женѣ ассигнацію:—а то, чего добраго, и въ конторѣ ее не примутъ, ишь какая истрепанная, опять въ городъ придется ѣхать, здѣсь не размѣняешь, садись скорѣй.

Въ то время, какъ старушка примостилась къ окну съ иголкою и тряпьемъ, Демьянъ натянулъ на плечи полушубокъ, подпоясался новымъ кушакомъ и снялъ съ шестка новую шапку, подаренную ему молодою.

— Готово?.. давай! время идти... Да вотъ что: неравно запоздаю тамъ, вели Петрухѣ, какъ вернется, убрать лошадь: она стоитъ, сердечная, нераспряженая, сказалъ Демьянъ, торопливо завертывая ассигнацію и направляясь къ двери.

Онъ вышелъ на улицу и побрелъ частымъ шагомъ въ контору. Въ конторѣ пробылъ онъ еще долѣе, чѣмъ думалъ, хотя явился ранѣе многихъ другихъ. Народу толкалось множество; наступилъ послѣдній срокъ взноса оброка; каждому слѣдовало получить росписку; къ тому же и годъ подходилъ къ исходу,— предметовъ для розсказней нашлось множество. Демьянъ заболтался и кончилъ тѣмъ, что вышелъ изъ послѣднихъ.

Несмотря, однакожъ, на то, радость и довольство сіяли во всѣхъ чертахъ мужика, когда онъ вновь очутился на улицѣ.

Трудовой годъ, слава Господу Богу, минулъ благополучно; оброкъ внесенъ сполна; въ домишкѣ осталось еще рублишковъ съ тридцать про случай; и хлѣбушко есть, и гречишка есть, и сына-то поженилъ: хозяйка молодая, сноха выпалась не вздорная какая, а лихая, работящая бабенка, — да смирная, смирная, что водой не замутитъ, — чего же больше... и какъ взаправду не порадоваться?..

Душа Демьяна плавала словно въ маслѣ: подбоченясь, шелъ онъ по улицѣ, не переставая ухмыляться въ бороду и посматривая то въ ту сторону улицы, то въ другую.

И вокругъ все какъ-то улыбалось ему.

Весело глядѣла сіявшая на солнцѣ улица; весело улыбались охваченныя свѣтомъ избушки, съ ихъ рѣзными подоконниками, увѣшанными ярко горѣвшими сосульками... Демьяну было такъ легко, такъ весело на сердцѣ, что, встрѣтивъ гурьбу ребятишекъ съ рѣшетомъ и сидѣвшею въ немъ дѣвченкою, онъ никакъ не могъ утерпѣть: захлопалъ въ ладоши и крикнулъ, притопывая ногами: — „Эхъ, терехъ-техъ-техъ! — у-ту-ту, погоняй не стой!..“ Въ другой разъ, уже у самаго дома, онъ, ни-съ-того ни-съ-сего, снялъ шапку и гаркнулъ: „здорово, сватъ!“ какому-то мужику, который, по дальности разстоянія, не могъ слышать привѣтствія.

Войдя въ сѣнички, онъ покосился на плетушку: тутъ ли она, — и, натопавшись вволю, отворилъ дверь избы.

Запахъ жирныхъ щей съ говядиной порадовалъ Демьяна немало; да и все вокругъ какъ-то радовало.

Золотой лучъ солнца, проникая въ окно, игралъ на полу и, захвативъ на пути часть стола и лавки отражался на потемнѣвшей мѣдной ризѣ старой иконы.

На лавочкѣ, подлѣ окна, сидѣла Параша, повязанная побабьему; противъ нея торчалъ кленовый, высокій гребень съ бѣлымъ пучкомъ льну, изъ котораго тянула она лѣвою рукою длинную, дрожащую нитку; въ другой рукѣ ея гудѣло, подпрыгивая веретено, которымъ игралъ пестрый котенокъ; шуму веретена отвѣчало мѣрное пощелкиваніе челнока стана, за которымъ сидѣлъ Петръ. Подлѣ него, на полу, два маленькіе брата возились шумно съ полѣномъ, обращеннымъ, помощію привязанной къ концу мочалки, въ борзую лошадь. Изъ-за перегородки раздавался веселый трескъ печки и торопливое бѣганье ста-

рушки-хозяйки, прерываемое то звяканьемъ кочерги или ухвата, то шипѣньемъ горшка.

Въ избѣ было тепло и даже жарко.

— Э... ге, ге, да они ужъ дома всѣ!.. Здорово, спопенька, какъ живешь-можешь? здорово, Петруха... Эй, парнишки, что къ отцу не идете? говорилъ Демьянъ, останавливаясь посередь избы и обращая поочередно къ каждому смѣющееся лицо свое: — а я въ городѣ былъ... така-то давка на базарѣ, насилу телушку продалъ.

Заслыша рѣчь о городѣ, мальчики бросили полѣно, подобрались къ отцу и начали къ нему ластиться.

— Петруха, глядь глядь, а!.. произнесъ Демьянъ лукаво, подмигивая ему на ребятъ: — вишь, лакомки какіе! думали, разъ привезъ гостинца, такъ и кажинный такъ будетъ!.. ну, что, аль не вѣрите?.. Взаправду ничего нынче не привезъ...

— Привезъ! привезъ! кричали мальчики, цѣпляясь ему за полы.

— Ой-ли! слышь, вѣры еще неймутъ, а? эки прыткіе!.. а развѣ вы мнѣ денегъ дали? откуда я ихъ возьму!

Парнишки выпустили изъ рукъ полу и тотчасъ же надули губы. Демьянъ покосился на Парашу, которая остановила веретено и глядѣла смѣясь на мальчиковъ, потомъ покосился на Петра и, какъ бы ни въ чемъ не бывало, вышелъ изъ избы въ сѣни, плотно заперевъ за собой дверь.

Онъ вынулъ изъ узелка синій набивной платокъ, спряталъ его за пазуху и, закрывъ узелъ, снова вернулся въ избу.

— Ну, такъ ужъ и быть, подьте сюда, малыганы! крикнулъ Демьянъ мальчикамъ, жалобно толковавшимъ о чемъ-то за печуркой съ матерью: — стойте! экъ ихъ! чуть съ ногъ не сбили... погодите... меньшой садись на край... слыхали это?.. Ну, спопенька наша любезная, присовокупилъ мужикъ, подавая ей черные коты, отороченные красными и желтыми городочками: — вотъ тебѣ гостинецъ... не побрезгай, просимъ носить да насъ миловать.

Тутъ Демьянъ поцаловался трижды съ Парашей.

— Ну, ребятенки, вотъ и вамъ!.. любо, что ли?.. сказалъ Демьянъ, подавая каждому пряничный конекъ, съ сусальнымъ золотомъ, и дѣлая видъ, какъ бы не замѣчалъ старухи, которая не переставала коситься украдкою на мужа изъ-за своихъ

горшковъ.—Хозяйка, подь сюда!.. Ну, родная, тебѣ, знать, не на счастье везъ гостинецъ; и Господь это знаетъ какъ случилось... кажись, въ томъ же узлѣ былъ и крѣпко какъ связывалъ его,—глядь, анъ нѣту, не знать, куда дѣвался! должно быть обронилъ его на дорогѣ... Не посерчай, благо, не забылъ и тебя.—купилъ. Что ты станешь дѣлать! далъ зѣвуна, обронилъ, — да и полно!

Далѣе Демьянъ не могъ держаться: онъ нагнулся къ сморщенному лицу старушки, ударилъ себя ладонями по колѣнямъ и залился громкимъ смѣхомъ.

— Ну, чего ты, дурень, чего?.. что те разбираетъ... ишь, ему бы все смѣшки да смѣшки; деньги только понапрасну разсорилъ... знать, много ихъ у тебя... чего... эхъ, дурень, прости Господи, право, дурень, хоть бы на старости-то лѣтъ людей посрамился...

Она не договорила далѣе; Демьянъ вынулъ изъ-за пазухи платокъ, тряхнулъ имъ по воздуху, набросилъ его на голову своей старухи и, схватившись за бока, бросился на лавку, заливаясь еще пуще прежняго.

Всѣ, сколько ни было въ избѣ, послѣдовали его примѣру.

— Ну, хозяйка, на радостяхъ-то шевелись, не лѣнись, поворачивайся! что есть въ печи, на столъ мечи, чего нѣтъ, побожись,—давай скорѣй обѣдать! смерть проголодался, да и всѣ-то вы, я чай, ждали... Эхъ, щи-то, щи какъ попахиваютъ, только слюнки текутъ!..

Немного погодя, старуха поставила на столъ горшокъ шипящихъ щей съ пылу; Параша раздала ложки, нарѣзала хлѣба, и вся семья, перекрестившись передъ образомъ, усѣлась обѣдать.

— Ну, вотъ, родные, и оброкъ внесли сполна, и годъ, благодареніе Царю небесному, перемогли благополучно, произнесъ Демьянъ, жадно прихлебывая горячихъ щей:—а по веснѣ сдавалось мнѣ, не быть такому добру, да видно, не земля родитъ, а годъ... Помнишь, Петруха, какъ сумлѣвались мы идучи березникомъ? Что говорить, наша доля заботная!... Не то радоваться стать, не то плакать. То по дождю болитъ сердце,—станетъ засушь... пропадешь, думаешь; то мало его, — опять бѣда, то града боишься, то за скотинку намучаешься вплюшку... Только вотъ въ зиму и отведешь душу, вздохнешь, особ-

ливо, какъ уродитъ Господь всякаго жита, да всего настороженно про случай... Лиха бѣда, помолотиться да хворостинки припасти, а тамъ лежи себѣ на печкѣ да обжигайся, пока не заиграли овражки, не пошла капель съ кровель да не шликнетъ жавороночекъ на проталинкѣ; а тамъ опять пошелъ крестить нивку да почесывать затылокъ, глядя на тучку али на солнышко!... Нѣтъ, нынче грѣшно говорить, годъ вышелъ хорошій; не знаю, какъ-то Господь пошлетъ будущій...

— Надо, кажись, быть хорошему, касатикъ, возразила старуха: — въ сочельникъ вышла я за ворота, гляжу такъ-то: небо синее, синее, звѣздамъ перечету нѣтъ, такъ и горятъ, словно угольки какіе...

— Давай Богъ: чего много просить! былъ бы такой, какъ нынѣшній: много довольны были бы Господомъ Богомъ! Вотъ, прибавилъ онъ, шутливо трепля по плечу Парашу: — и молодую хозяюшку нынче нажили! Мотри, сношенька наша любезная, живи такъ, чтобы намъ старикамъ не каяться!..; а тебѣ жить въ любви съ парнемъ нашимъ, не маяться!... такъ, что-ли, Петруха?...

Петръ усмѣхнулся и поглядѣлъ на жену, которая, опустивъ глаза, зардѣла, что макъ алый.

— Ну, теперь, я чай, и вздохнуть пора: смерть умаялся съ дороги; печь-то добре горяча; ай да хозяйки — уважили! произнесъ Демьянъ, выходя изъ-за стола.

Онъ перекрестился, снялъ съ шестка кожухъ и полѣзъ на печь порасправить старыя косточки.

Немного погодя, въ потемнѣвшей избушкѣ сверкнула лучинка; снова загудѣло веретено, снова раздалось мѣрное пощелкиваніе челнока; старушка подсѣла къ Парашѣ, ребятишки присоединились къ нимъ вмѣстѣ съ котенкомъ — и полились тихія рѣчи, подъ шумомъ веретена и прялки, которою управляла подслѣповатая хозяйка. Время отъ времени все смолкало въ избушкѣ; каждый, и малый и большой, прислушивались чуткимъ ухомъ къ треску мороза, который стучалъ въ углы и ворота, — и снова гудѣло веретено, снова продолжались мирныя рѣчи...

Быстро проходитъ зимній вечеръ за лучиной: ребятишки уже давно прикорнули подъ образами на лавкѣ; старушка, начинавшая клевать головою, отправилась на печку; Петръ и Па-

раша взмостились на теплыя полати: лучина угасла; и вскорѣ все смолкло въ избушкѣ Демьяна.

Одинъ лишь сверчокъ-полуношникъ тянулъ дребезжащую пѣсню свою... тише, тише... вдругъ остановится, прислушается къ мурлыканью котенка, свернувшагося клубочкомъ подъ печуркой... и снова трещитъ неугомонная пѣснь его всю ночь, вплоть до самаго свѣта...

РАСКРЫТІЕ ПРЕСТУПЛЕНІЯ

4 АПРѢЛЯ 1866 ГОДА

и

ПРИГОВОРЫ

ВЕРХОВНАГО УГОЛОВНАГО СУДА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ. 6-го Октября 1866 г.

Типографія Кулиша. (Больш. Подъяческая, д. № 23).

РАСКРЫТІЕ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

I.

СТАТЬЯ СѢВЕРНОЙ ПОЧТЫ.

«Занятія слѣдственной комисіи, въ отношеніи къ преступнику Каракозову и главнымъ и ближайшимъ, его сообщникамъ, уже окончены. и высочайшимъ указомъ правительствующему сенату 28-го іюня учрежденъ верховный уголовный судъ, на основаніи 1,062 ст. устава уголовнаго судопроизводства 20-го ноября 1864 г.

«Нынѣ признается возможнымъ передать во всеобщее свѣдѣніе слѣдующія извѣстія объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ неслыханное еще въ Россіи преступленіе — покушеніе на цареубійство. Имена соучастниковъ Каракозова сдѣлаются извѣстными въ свое время.

«Преступникъ, при первоначальныхъ допросахъ, упорно скрывалъ свое имя, фамилію и состояніе, называя себя крестьяниномъ Алексѣемъ Петровымъ, уроженцемъ южныхъ губерній, и вообще давалъ ложныя показанія относительно своей личности и мѣста пребыванія; въ клиникѣ же петербугской медико-хирургической академіи, въ которую онъ часто приходилъ за медицинскими пособіями, онъ называлъ себя Дмитріемъ Владиміровымъ.

«Наконецъ, было открыто, что онъ Дмитрій Владиміровъ Каракозовъ, 24-хъ лѣтъ, что отецъ его незначительный помѣщикъ Саратовской Губерніи, Сердобскаго уѣзда, неутвержденный въ дворянскомъ достоинствѣ, что онъ имѣетъ родныхъ братьевъ и сестеръ, обучался первоначально въ пензинской гимназіи, поступилъ 1861 г. въ казанскій университетъ, откуда за участіе въ безпорядкахъ между студентами былъ вскорѣ исключенъ, но въ 1863 году снова принятъ въ студенты того же университета, а осенью 1864 г. перешолъ въ московскій университетъ, откуда исключенъ лѣтомъ 1865 года за невнос студентской платы.

«Живя въ Москвѣ, Каракозовъ принадлежалъ къ образовавшемуся тамъ тайному обществу, преимущественно изъ вольнослушателей университета, петровской земледѣльческой академіи, нѣкоторыхъ студентовъ, гимназистовъ и иныхъ лицъ *).

«Общество это, существовавшее за нѣсколько лѣтъ предъ симъ

*) Главный распорядитель этого общества, двоюродный братъ Каракозова, былъ членомъ извѣстнаго, по своимъ прокламаціямъ въ 1862 и въ началѣ 1863 года, тайнаго общества *Земля и воля*.

въ разныхъ формахъ и кружкахъ, въ концѣ 1865 г. приняло общее названіе «Организаціи», и поставило себѣ цѣлью распространять соціалистическое ученіе, разрушать начала общественной нравственности, колебать вѣру въ основы религіи и путемъ революціи ниспровергнуть существующій порядокъ въ государствѣ.

«Средствами для сего должны были служить:

«а) Пропаганда между сельскимъ населеніемъ, съ объявленіемъ, что земля составляетъ собственность всего народа.

«б) Возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, дворянства и вообще противъ властей.

«в) Устройство разныхъ школъ, артелей, мастерскихъ, переплетныхъ, швейныхъ и иныхъ ассоціацій, дабы посредствомъ ихъ сближаться съ народомъ и внушать ему зловредныя ученія соціализма.

«г) Заведеніе въ провинціяхъ библіотекъ, безплатныхъ школъ и разныхъ обществъ, на началахъ комунизма, которыя, находясь въ рукахъ членовъ главнаго общества, могли бы удобнѣе привлекать и приготовлять новыхъ членовъ, и въ то же время состояли бы въ зависимости отъ центральнаго общества въ Москвѣ и получали бы отъ него дальнѣйшее направленіе.

«д) Распространеніе въ народѣ соціалистическаго ученія посредствомъ воспитанниковъ семинарій и сельскихъ учителей; и

«е) Пропаганда по Волгѣ, пользуясь удобствомъ пароходныхъ сообщеній.

«Денежныя средства для устройства школъ, библіотекъ и вообще для достиженія цѣлей общества положено было пріобрѣтать чрезъ пожертвованія самихъ членовъ, съ приглашеніемъ къ тому и стороннихъ лицъ, подъ разными благовидными предлогами, которыми прикрывались всѣ, повидимому, благотворныя и полезныя для народа учрежденія, предполагавшіяся этимъ обществомъ. Въ случаяхъ же надобности, допускалось воровство, убійство богатыхъ людей и похищеніе денегъ на почтахъ, въ казначействахъ и т. п. *).

«Общество подраздѣлялось на разные отдѣлы съ различными наименованіями, какъ-то: «Взаимнаго вспомоществованія», «Переводчиковъ и переводчицъ», «Поощренія частнаго труда». Всѣ эти отдѣлы, для прикрытія революціонной цѣли главныхъ распорядителей, предполагалось облечь законною формою, испросивъ на то утвержденіе правительства.

«Полагалось, устройствомъ безплатныхъ школъ, швейнъ и библіотекъ, объединять свои мысли, сближаться съ различными кружками университета и иныхъ учебныхъ заведеній и вообще привлекать въ общество разныхъ лицъ,

«Независимо отъ сего, означенное общество стремилось входить въ ближайшія сношенія съ соціалистическими кружками и дѣяте-

*) Былъ даже случай, что сынъ былъ подговоренъ къ отравленію отца ядомъ для полученія наслѣдства и обращенія его въ пользу сказаннаго революціоннаго общества.

лями въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ имперіи которые поддерживались съ одной стороны направленіемъ преподаванія въ значительной части учебныхъ заведеній, а съ другой, большею частью журналистики, которая явно распространяла идеи соціализма и такъ называемаго нигилизма, съ возбужденіемъ общественнаго мнѣнія противъ правительственной власти и государственнаго управленія. Это разрушительное направленіе мыслей и ученія между молодымъ поколеніемъ поддерживалось также заграничною революціонною печатью, находившею средства распространяться даже среди учебныхъ заведеній.

«Многіе изъ молодыхъ людей, отправлявшихся заграницу съ научною цѣлью, входили тамъ въ сношенія съ агентами революціонныхъ обществъ и болѣе другихъ заражались соціалистическимъ направленіемъ, которое этимъ путемъ распространялось безвозбранно среди молодого нашего поколѣнія. Чтобъ скрыть предъ правительствомъ цѣль зловредной пропаганды, въ особенности въ дѣлѣ народнаго образованія,—сдѣлавшимся предметомъ усиленнаго стремленія молодаго поколѣнія — «консерватизмъ въ словахъ и прогрессъ на дѣлѣ», по словамъ одного изъ дѣятелей, «должны быть лозунгомъ друзей русской грамотности, ихъ тайною заповѣдью, скрытою отъ глазъ непосвященныхъ. Не стараться явно противодѣйствовать устройству контроля со стороны правительства надъ дѣйствіями общества, а стараться воспользоваться имъ для своей цѣли, замѣстивъ должности надзорщиковъ людьми изъ своей партіи».

«Лица, составлявшія вышеупомянутое общество, подъ названіемъ «Организація» имѣли два направленія: одни стремились, посредствомъ соціалистической пропаганды и сближенія съ народомъ, постепенно достигать переворота въ государствѣ съ ниспроверженіемъ законнаго правительства; другіе желали скорѣе достигнуть цѣли и произвести революцію, для чего признавали нужнымъ, рано или поздно, прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ — къ цареубійству. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ Каракозовъ, который предполагалъ безотлагательно исполнить такое страшное преступленіе.

«Мысль о цареубійствѣ и вообще о приступѣ къ крайнимъ мѣрамъ возродилась по возвращеніи изъ Петербурга въ Москву одного изъ главныхъ руководителей московскихъ соціалистическихъ кружковъ *), который имѣлъ въ Петербургѣ ближайшія сношенія съ однимъ извѣстнымъ по своимъ соціалистскимъ мнѣніямъ и революціонному направленію лицомъ, ѣздившимъ лѣтомъ 1865 г. заграницу, и только что возвратившимся изъ Швейцаріи. Упомянутый родственникъ Каракозова тогда же сообщилъ своимъ товарищамъ о существованіи заграницею европейскаго революціоннаго комитета съ цѣлью цареубійствъ и о готовности этого комитета оружіемъ и разными иными способами помогать революціи въ Россіи, и высказалъ мысль о необходимости учрежденія въ Москвѣ съ тою же

*) Двоюродный братъ Каракозова

цѣлью особаго тайнаго кружка. Члены этого кружка, назвавшагося «Адомъ», принимали на себя гнусную обязанность убійства вообще, угрожая имъ и всѣмъ другимъ членамъ «Организаціи», которые не выполнили бы возложенныхъ на нихъ обязанностей. Относительно же цареубійства было положено: что одинъ изъ членовъ назначается для исполненія этого страшнаго преступленія, имѣя при себѣ ядъ и прокламацію, которая объяснила бы народу причины убійства и цѣль предполагаемаго въ государствѣ переворота. Злодѣй обязанъ былъ, отдѣлившись отъ общества, совершенно уединиться, предаться разврату и всевозможнымъ порокамъ, чтобъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ какихъ-либо политическихъ замыслахъ, и въ этихъ видахъ дѣлать даже на другихъ доносы; когда же онъ успѣетъ совершить задуманное злодѣяніе, то онъ долженъ былъ немедленно отравиться ядомъ, которымъ былъ для этого снабженъ. Притомъ предполагалось, что находившаяся при немъ прокламація сдѣлается извѣстною народу. Цѣль цареубійства заключалась въ томъ, чтобъ, исполнивъ это, произвести общее волненіе и революцію въ государствѣ.

«Предположеніе объ устройствѣ упомянутаго кружка подъ названіемъ «Ада», было обсуждаемо въ средѣ нѣсколькихъ членовъ «Организаціи» *); нѣкоторые изъ нихъ находили мысль о цареубійствѣ рановременною и несбыточною; Каракозовъ же, будучи, по отзывамъ товарищей, всегда молчаливымъ и сосредоточеннымъ, сочувствовалъ злодѣйскому замыслу и, желая его исполнить, на первой недѣлѣ прошлаго великаго поста отправился въ Петербургъ, гдѣ и былъ въ сношеніяхъ съ вышеупомянутымъ революціоннымъ агентомъ московскихъ кружковъ. Послѣдній особенно былъ извѣстенъ изданіемъ книгъ для народнаго чтенія, въ коихъ проводились самыя зловредныя мысли съ цѣлью развратить молодое поколѣніе, и состоялъ въ сношеніяхъ съ соціалистическимъ кружкомъ крайняго нигилиста Хожина (умершаго въ апрѣлѣ сего года), который находился въ связяхъ и перепискѣ съ заграничными агитаторами. Тотъ же вышеупомянутый агентъ возымѣлъ мысль освободить отъ каторжной работы государственнаго преступника Чернышевскаго для того, чтобъ онъ издавалъ въ Женевѣ журналъ, въ видахъ содѣйствія предполагаемому въ Россіи государственному перевороту.

«Мысль эта была передана въ Петербургѣ помянутому руководителю московскихъ соціалистскихъ кружковъ, двоюродному брату Каракозова, пріѣзжавшему туда изъ Москвы одновременно съ другими лицами, для осуществленія особаго своего предположенія объ устройствѣ на началахъ комунизма рабочихъ мальцовскихъ заводовъ, которые были имъ возбуждаемы къ неповиновенію владѣльцу.

*) Для обществъ «Организаціи», а также для другихъ обществъ подъ различными наименованіями, членами московскаго кружка были написаны уставы, переданные, передъ арестованіемъ главныхъ участниковъ, другимъ членамъ, и ими уничтожены.

«Для приведенія въ исполненіе мысли объ освобожденіи Чернышевскаго, московскимъ кружкомъ назначенъ былъ къ поѣздкѣ въ Сибирь одинъ изъ его членовъ. Онъ былъ снабженъ въ Петербургѣ упомянутымъ агентомъ фальшивыми паспортами, наркотическими веществами для усыпленія стражи и ядомъ для отравленія себя, въ случаѣ неудачи, а также рекомендательными письмами къ разнымъ лицамъ въ Западной и Восточной Сибири, изъ числа ссыльныхъ поляковъ, съ которыми онъ, какъ видно, былъ въ сношеніяхъ съ политическою цѣлью. Сверхъ того тотъ же агентъ, чрезъ посылку въ Москву въ іюлѣ 1865 года своего единомышленника, поручилъ московскому кружку стараться освободить пересылавшагося чрезъ Москву въ Сибирь государственнаго преступника Серно-Соловьевича. Тотъ же кружокъ содѣйствовалъ въ 1864 году побѣгу изъ Москвы пересылавшагося въ каторжную работу политическаго изъ поляковъ преступника, Домбровскаго.

«Прибывъ на первой недѣлѣ великаго поста въ Петербургъ, безъ всякаго вида, Каракозовъ проживалъ здѣсь въ разныхъ гостиницахъ, частныхъ квартирахъ и у одного медика, который въ теченіе четырехъ дней давалъ ему пріютъ и столъ, зная, что онъ безъ паспорта, и входилъ съ нимъ въ разговоры о распространеніи въ народѣ соціализма. Каракозовъ показываетъ, что онъ узналъ отъ того же медика о существованіи въ Петербургѣ разныхъ соціалистскихъ кружковъ съ политическою цѣлью. Слѣдствіемъ обнаружено, что этотъ медикъ и въ послѣднее пребываніе Каракозова въ Петербургѣ на святой недѣлѣ, предъ совершеннымъ имъ преступнымъ покушеніемъ, видѣлся съ нимъ неоднократно и даже допустилъ его провесть у себя ночь въ клиникѣ на дежурствѣ.

«Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Каракозовъ распространялъ написанную имъ прокламацію «друзьямъ рабочимъ» между мастеровыми на заводахъ и другими лицами, велъ развратную жизнь, ходилъ по трактирамъ и портернымъ.

«Между тѣмъ, нѣкоторые члены московскаго тайнаго кружка «Адъ», зная направленіе мыслей Каракозова на совершеніе преступленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь, чтобъ, неосторожными его дѣйствіями въ Петербургѣ, они не были обнаружены, двое изъ нихъ, на четвертой недѣлѣ поста, отправились въ Петербургъ для отысканія Каракозова и чтобъ увезти его въ Москву. Это тѣмъ болѣе считалось нѣкоторыми необходимымъ, что одни либо отвергали цареубійство, либо находили оное несвоевременнымъ, пока народъ еще не приготовленъ къ принятію революціонныхъ идей. Для скорѣйшаго же распространенія сихъ идей многіе изъ нихъ предполагали весною 1866 года отправиться въ разныя губерніи для пропаганды *). Каракозовъ былъ отысканъ посланными на набе-

*) Губерніи эти были слѣдующія: Нижегородская, Калужская, Пензинская, Саратовская, Самарская, Казанская, Пермская, Вятская, Харьковская и другія.

режной около зимняго дворца, въ крестьянской одеждѣ, приглашонъ въ гостинницу, гдѣ былъ уговариваемъ оставить свое намѣреніе и возвратиться въ Москву. Каракозовъ переночевалъ съ двумя означенными товарищами, разсказалъ имъ въ общихъ выраженіяхъ о своихъ здѣсь сношеніяхъ, и далъ слово прибыть въ Москву. Товарищи его, пробывъ въ Петербургѣ три дня возвратились въ Москву, а Каракозовъ остался въ Петербургѣ до конца великаго поста, когда получилъ отъ двоюроднаго своего брата (главнаго распорядителя московскихъ кружковъ), подъ прямымъ вліяніемъ котораго онъ постоянно находился, письмо съ приглашеніемъ прибыть въ Москву. Каракозовъ отправился туда въ пятницу на страстной недѣлѣ, но въ среду на святой онъ внезапно снова уѣхалъ въ Петербургъ, остановился въ знаменской гостинницѣ, посѣщалъ вышеупомянутыхъ медика и издателя книгъ для народнаго чтенія; отъ послѣдняго получилъ деньги на разныя надобности и, какъ увѣряетъ сообщилъ ему о рѣшительномъ своемъ намѣреніи совершить преступленіе. Здѣсь онъ купилъ у одного оружейника пули, а порохъ пріобрѣлъ въ субботу на святой недѣлѣ изъ лабораторіи; пистолетъ же привезенъ имъ изъ Москвы.

«Многіе изъ участниковъ московскаго общества «Организація» и такъ называемаго «Ада» сдѣлали подробныя указанія на сообщниковъ своихъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Ими также указаны въ Москвѣ нѣкоторыя лица польскаго происхожденія, бывшія съ ними въ сношеніяхъ и снабжавшія ихъ ядомъ. Независимо отъ сего, обнаружены и арестованы еще и другіе польскіе дѣятели въ обѣихъ столицахъ, состоявшіе въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми мѣстными злоумышленниками. Дѣятельность сихъ лицъ, по сознанію нѣкоторыхъ изъ нихъ, заключалась въ содѣйствіи къ побѣгу и укрывательствѣ политическихъ преступниковъ: Оржеховскаго, Домбровскаго, Верницкаго, Юндзилла и другихъ: въ сборѣ пересылаемыхъ арестантамъ изъ поляковъ денегъ; ввозѣ изъ-заграницы и размѣнѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ для снабженія деньгами польскихъ эмигрантовъ. Кромѣ сего, нѣкоторые показываютъ, что въ Москвѣ была учреждена въ сихъ видахъ польская агентура, подъ названіемъ «Norodowa opieka»

«Для дальнѣйшаго раскрытія дѣла, комисія вынуждена была прибѣгать къ осмотру бумагъ лицъ завѣдомо неблагонадежныхъ, и этимъ путемъ обнаружены другіе вредные дѣятели, въ числѣ коихъ находятся нѣкоторые учредили разныхъ неразрѣшонныхъ правительствомъ обществъ, безплатныхъ школъ, читаленъ, артелей и т. п. асосіацій.

«Значительная часть изъ участниковъ въ вышеупомянутыхъ преступныхъ замыслахъ, сознаваясь чистосердечно въ оныхъ, и нѣкоторые раскаиваясь въ своихъ заблужденіяхъ, высказываютъ откровенно, что они были вовлечены въ соціалистическія и противуправительственныя стремленія, кромѣ допущеннаго ослабленія вообще наблюдательной власти, тѣми органами нашей литературы,

которые систематически распространяли всевозможныя разрушительныя начала. При незатруднительности пріобрѣтенія запрещонныхъ иностранныхъ и русскихъ книгъ, при губительномъ вліяніи вообще революціонной литературы на неопытные и воспріимчивые умы молодёжи и подъ вліяніемъ воображенія, бредившаго о возможности достигнуть общаго равенства, какъ относительно безграничной личной свободы, такъ и правъ собственности, постепенно извращалась всѣ понятія, истрачивалось сознаніе всѣхъ гражданскихъ, нравственныхъ и религіозныхъ обязанностей и наконецъ задумывался рядъ преступленій, которыя въ своемъ развитіи привели къ злодѣйскому покушенію 4-го апрѣля.

II.

Приговоръ Верховнаго Уголовнаго Суда.

1866 года августа 31-го дня По указу Его Императорскаго Величества, верховный уголовный, судъ въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель князь Гагаринъ, члены: Его Императорское Высочество принцъ Ольденбургскій, графъ Панинъ, Мѣтлинъ, Башуцкій и Карніолинъ Пинскій, при министрѣ юстиціи Замятнинѣ и секретарѣ Есиповичѣ, разсматривалъ дѣло о подсудимомъ, именующемся двориниомъ, не утвержденномъ дворянствѣ правительствующимъ сенатомъ, Дмитріѣ Владиміровѣ Каракозовѣ, 25-ти лѣтъ. Дмитрій Владиміровъ Каракозовъ обвиняется въ покушеніи 4-го апрѣля 1866 года на жизнь Священной Особы Государя Императора и въ принадлежности къ тайному революціонному обществу. Въ первомъ изъ сихъ преступленій Каракозовъ сознался, объяснивъ предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, при выдачѣ ему копіи съ обвинительнаго акта, что преступленіе его такъ велико, что не можетъ быть оправдано даже тѣмъ болѣзненнымъ нервнымъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился въ то время. Унтеръ-офицеры Слѣсарчукъ и Заболотинъ, схватившіе преступника послѣ сдѣланнаго имъ выстрѣла, подтвердили подъ присягою въ верховномъ уголовномъ судѣ, въ присутствіи подсудимаго, что обвиняемый дѣйствительно тотъ человѣкъ, который сдѣлалъ выстрѣлъ въ Священную Особу Государя Императора. Затѣмъ, хотя преступникъ, при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла, на судѣ объяснилъ, что это покушеніе сдѣлано имъ вслѣдствіи крайне болѣзненнаго настроенія духа, но это объясненіе не можетъ служить не только къ оправданію его, но и къ облегченію тяжести совершеннаго имъ преступленія, потому что приводимая имъ причина не изъ числа тѣхъ, по коимъ содѣянное не

должно быть, по словамъ закона, вмѣняемо въ вину (92 ст. улож. о наказ.), и что независимо отъ того объясненіе это оказывается невѣрнымъ, ибо въ описаніи болѣзни Каракозова, составленномъ въ клиникѣ Московскаго университета, засвидѣтельствовано, что во время болѣзни, умственныя способности его были нормальны; притомъ въ подсудимомъ, ни до совершенія, ни во время совершенія преступленія, ни во время допросовъ, ни въ продолженіе содержанія его подъ стражею не обнаружено никакихъ припадковъ болѣзни, которые приводили-бы его въ умоизступленіе или безпамятство; напротивъ, всѣ отвѣты его доказывали, что онъ въ твердой памяти и въ полномъ обладаніи умственныхъ способностей. Продолжительность и послѣдовательность предумышленнаго преступнаго намѣренія, обнаруженнаго по собственному сознанію преступника въ покупкѣ пистолета и снарядовъ къ оному, въ снабженіи себя ядомъ и распространеніи прокламацій за три недѣли до произшествія, исключаютъ всякую возможность приписывать дѣйствія сіи ненормальному состоянію умственныхъ способностей. Что касается обвиненія Каракозова въ принадлежности къ тайному обществу, то слѣдствіемъ положительно раскрыто, что онъ бывалъ на нѣкоторыхъ сходкахъ онаго, гдѣ обыкновенно молчалъ, а если говорилъ, то выражалъ отрывочными фразами крайнія мнѣнія, вслѣдствіе чего, когда два изъ членовъ упомянутаго общества узнали о первой поѣздкѣ его въ Петербургъ, то тотчасъ-же заподозрили его въ намѣреніи совершить цареубійство, и потому немедленно отправились за нимъ въ означенную столицу, уговорили его возвратиться въ Москву и взяли съ него слово, что онъ не совершитъ преступленія. Не смотря однакожъ на данное имъ обѣщаніе, онъ тайно отъ всѣхъ своихъ товарищей скрылся во второй разъ изъ Москвы въ половинѣ Святой недѣли,

4-го апрѣля совершилъ свое злодѣйское покушеніе. Покушеніе это составляетъ такое тяжкое преступленіе, что значеніе его дальнѣйшимъ судебнымъ слѣдствіемъ о тайныхъ обществахъ, производящимся въ верховномъ уголовномъ судѣ, не можетъ быть ни уменьшено, ни увеличено. Сверхъ того, какъ это покушеніе вполнѣ уже разслѣдовано, то и до раскрытія всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ упомянутымъ тайнымъ обществамъ, не представляетъ никакой законной причины отлагать произнесеніе приговора надъ государственнымъ преступникомъ Каракозовымъ. По симъ основаніямъ верховный уголовный судъ, приступивъ къ постановленію приговора объ этомъ подсудимомъ, нашелъ что по закону (241 ст. улож. о наказ.) «всякое злоумышленіе и преступное дѣйствіе противъ жизни, здравія или чести Государя Императора и всякій умыселъ свергнуть Его съ престола, лишить свободы и власти верховной, или же ограничить права оной, или учинить священной Особѣ Его какое либо насиліе, подвергаютъ виновныхъ въ томъ: лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни.» Усматривая изъ сего что преступленіе Каракозова, заключающееся въ покушеніи на жизнь Священной Особы Государя Императора, вполнѣ доказано, что пре-

ступленія сего рода по закону подвергаютъ виновныхъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, и что въ дѣлѣ не обнаружено никакихъ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину подсудимаго, верховный уголовный судъ *опредѣляетъ*: именующагося дворяниномъ, но неутвержденнаго въ дворянствѣ Дмитрія Владимірова Каракозова 25-ти лѣтъ, по лишенію всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію чрезъ повѣшеніе.

Подлинный подписанъ предсѣдателемъ и членами и скрѣпленъ секретаремъ.

Объявленіе приговора.

31-го августа послѣдовало, при открытыхъ дверяхъ, объявленіе приговора верховнаго уголовнаго суда государственному преступнику Дмитрію Каракозову и обвинявшемуся въ государственномъ преступленіи Александру Кобылину. Каракозовъ, приговоромъ верховнаго уголовнаго суда, приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни, чрезъ повѣшеніе. Кобылинъ, по недоказанности обвиненія, освобожденъ отъ суда.

Исполненіе приговора Верховнаго Уголовнаго Суда.

3-го сего сентября въ 7 часовъ утра, въ С.-Петербургѣ, на Смоленскомъ полѣ, приведенъ въ исполненіе приговоръ верховнаго уголовнаго суда, постановленный 31-го августа 1866 года о государственномъ преступникѣ Дмитріѣ Каракозовѣ, осужденномъ, за преступное покушеніе на жизнь священной Особы Государя Императора, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни — чрезъ повѣшеніе. *Р. Инв.*

III.

Приговоръ Верховнаго Уголовнаго Суда надъ прочими 34 обвиненными.

1866 года Сентября 24-го дня. По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Верховный Уголовный Судъ, въ слѣдующемъ составѣ: Предсѣдатель Князь Гагаринъ, Члены: Его Императорское Высочество Принцъ Ольденбургскій, Графъ Панинъ, Мѣтлинъ, Бахтинъ, Башуцкій и Карніолинъ-Пинскій, при Министрѣ Юстиціи Замятнинѣ и Секретарѣ Есиповичѣ, разсматривалъ дѣло о лицахъ, преданныхъ суду по обвиненіямъ въ знаніи о преступномъ намѣреніи Каракозова, въ принадлежности къ тайнымъ обществамъ и въ другихъ преступленіяхъ. Суду Верховнаго Уголовнаго Суда преданы 34 человѣка, которые обвиняются: 1) домашній учитель Иванъ Александровъ *Худяковъ*, 24-хъ лѣтъ, въ способствованіи государственному

преступнику Каракозову совершить покушеніе на жизнь Священной Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, снабженіемъ Каракозова деньгами на покупку пистолета, съ знаніемъ о преступномъ его намѣреніи и въ подговорѣ потомственнаго почетнаго гражданина Николая Андреева Ишутина учредить въ Москвѣ тайное революціонное общество, съ цѣлію цареубійства: 2) потомственный почетный гражданинъ Николай Андреевъ *Ишутинъ* 26-ти лѣтъ, въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить цареубійство и недоведенія о томъ до свѣдѣнія Правительства и въ подстрекательствѣ своихъ товарищей къ основанію тайнаго революціоннаго общества «адъ», для произведенія революціи, посредствомъ цареубійства; дворяне: 3) Петръ Дмитріевъ *Ермоловъ* 20-ти лѣтъ; 4) Николай Павловъ *Страндёнъ* 23-хъ лѣтъ, и 5) Дмитрій Алексѣевъ *Юрасовъ* 23-хъ лѣтъ,—въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить покушеніе на жизнь ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и въ принадлежности къ тайному обществу «адъ»; 6) дворянинъ Максимиліанъ Николаевъ *Загибаловъ* 24-хъ лѣтъ; 7) вольноотпущенный дворовый человѣкъ Осипъ Антоновъ *Мотковъ* 19-ти лѣтъ; 8) Губернскій Секретарь Вячеславъ Николаевъ *Шагановъ* 26-ти лѣтъ, и 9) кандидатъ Московскаго Университета Петръ Өедоровъ *Николаевъ* 22-хъ лѣтъ,—въ принадлежности къ тайному обществу «адъ»; 10) Чиновникъ Х-го класса Орестъ Васильевъ *Малининъ* 24-хъ лѣтъ; 11) Студентъ Московскаго Университета Дмитрій Львовъ *Ивановъ* 19-ти лѣтъ; 12) сынъ Священника Өедоръ Петровъ *Лапкинъ* 19-ти лѣтъ; 13) дворянинъ Константинъ Өедоровъ *Кичинъ* 22-хъ лѣтъ; 14) сынъ причетника Василій Ивановъ *Соболевъ* 22-хъ лѣтъ, — въ принадлежности къ тайному революціонному обществу «организація», которое имѣло цѣлью ниспровергнуть Правительство во всемъ Государствѣ, а также въ знаніи о существованіи другаго тайнаго революціоннаго общества «адъ» и недонесеніи о семъ Правительству; 15) дворянинъ Александръ Ивановъ *Ивановъ* 23-хъ лѣтъ; 16) слушатель Петровской Академіи Дмитрій Алексѣевъ *Воскресенскій* 22-хъ лѣтъ; 17) изъ государственныхъ крестьянъ Өеофанъ Алексѣевъ *Борисовъ* 21-го года; 18) слушатель Петровской Академіи Алексѣй Егоровъ *Сергіевскій* 20-ти лѣтъ, — въ принадлежности къ тайному обществу «организація»; 19) Князь Варлаамъ Джонъ Аслановъ *Черкезовъ* 20-ти лѣтъ,—въ недонесеніи объ извѣстномъ ему публичномъ распространеніи въ школѣ Мусатовскаго ученія, клонящагося къ возбужденію неповиновенія Верховной Власти, въ знаніи о существованіи тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью ниспровержение установленнаго законами образа и порядка правленія и недоведеніи о томъ до свѣдѣнія Правительства; 20) Дѣйствительный Студентъ Александръ Капитоновъ *Маликовъ* 27-ми лѣтъ; 21) дворянинъ Николай Яковлевъ *Кутьевъ* 26-ти лѣтъ; 22) Провизоръ Адольфъ Францовъ *Лаунгаузъ* 29-ти лѣтъ; 23) слушатель Петровской Академіи Аполлонъ Петровъ *Полумордвиновъ* 21-го года; 24) Мировой Посредникъ Алексѣй Але-

кеевъ *Бибиковъ* 26-ти лѣтъ; 25) Секретарь Козельской Уѣздной Земской Управы Леонидъ Егоровъ *Оболенскій* 24-хъ лѣтъ; 26) бывшій студентъ С.-Петербургскаго Университета Александръ *Никольскій* 20-ти лѣтъ, и 27) слушатель Петровской Академіи Александръ *Вознесенскій* 22-хъ лѣтъ, — въ знаніи о существованіи тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью ниспроверженіе Правительства во всемъ Государствѣ и недоведеніи о семъ до свѣдѣнія Правительства; 28) учитель Максимиліанъ Осиповъ *Марксъ* 50-ти лѣтъ, — въ доставленіи средствъ для содѣянія преступленій тайному обществу, имѣвшему цѣлію ниспроверженіе Правительства во всемъ Государствѣ и въ недонесеніи объ укрывательствѣ Маевскимъ Польскихъ политическихъ преступниковъ; 29) учитель Московской 3-й Гимназіи, Коллежскій Совѣтникъ Константинъ Болеславъ Даниловъ *Трусовъ* 33-хъ лѣтъ, — въ томъ, что зная о существованіи тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью произвести общественный въ Государствѣ переворотъ, не довелъ о томъ до свѣдѣнія Правительства и въ томъ, что способствовалъ этому обществу въ пріобрѣтеніи средства для содѣянія задуманнаго преступленія; 30) сынъ чиновника Болеславъ Петровъ *Шостаковичъ* 22-хъ лѣтъ, — въ укрывательствѣ завѣдомо осужденнаго къ каторжнымъ работамъ Ярослава Домбровскаго и въ составленіи для него подложныхъ видовъ; 31) сынъ Титулярнаго Совѣтника, бывшій учитель Бронницкаго уѣзднаго училища, Николай Павловъ *Петерсонъ* 21-го года, — въ томъ, что зная о преступномъ укрывательствѣ Юрасовымъ и его товарищами бѣглаго государственнаго преступника Домбровскаго, не донесъ о семъ Правительству; 32) дворянинъ Павелъ Петровъ *Маевскій* 27-ми лѣтъ: а) въ укрывательствѣ въ Москвѣ и снабженіи для побѣговъ фальшивыми паспортами и деньгами Польскихъ политическихъ преступниковъ: Домбровскаго, Оржеховскаго, Ольтаржевскаго, Берницкаго и другихъ, б) въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго революціоннаго общества, имѣвшаго цѣлью ниспровергнуть Правительство во всемъ Государствѣ и недонесеніи о томъ правительству, и в) въ имѣніи сочиненій возмутительнаго содержанія; 33) дворянинъ Викторъ Александровъ *Ѳедосѣевъ* 23-хъ лѣтъ, въ томъ, что пріобрѣлъ ядъ для отравленія своего отца, съ цѣлью передать наслѣдство послѣ него обществу, и 34) мѣщанинъ Ѳедоръ Афанасьевъ *Никифоровъ* 24-хъ лѣтъ, — въ изъявленіи на словахъ умысла повторить покушеніе на жизнь Священной Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, и въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго революціоннаго общества, имѣвшаго цѣлью ниспроверженіе правительства во всемъ государствѣ и недоведеніи о семъ до свѣдѣнія правительства.

Судебнымъ слѣдствіемъ обнаружено, что еще въ 1863 году составился въ Москвѣ кругъ молодыхъ людей, зараженныхъ соціалистическими идеями; впослѣдствіи эти люди начали дѣлать усилія для распространенія и осуществленія своихъ идей на практикѣ; съ этою цѣлью они начали устроивать школы и различныя ассоціаціи,

какъ-то: переплетное заведеніе, швейную, основали общества переводчиковъ и переводчицъ и взаимнаго вспомоществованія, старались, для примѣненія своихъ теорій, пріобрѣсти ваточную фабрику въ Можайскомъ уѣздѣ и устроить заводъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ на соціальномъ началѣ для рабочихъ Мальцовскаго завода; нѣкоторые изъ сихъ заведеній и обществъ были уже учреждены безъ разрѣшенія правительства, а нѣкоторые были, кромѣ того, направлены къ явно преступнымъ цѣлямъ, такъ напр., въ одной школѣ (Мусатовскаго), открытой даже съ разрѣшенія правительства, преподаваніе различныхъ предметовъ клонилось къ очевидному возбужденію противъ верховной власти. Затѣмъ нѣкоторые члены обществъ взаимнаго вспомоществованія, а также переводчиковъ и переводчицъ, задумали организовать свою дѣятельность на опредѣленныхъ началахъ; для этого они стали собираться на сходки, обсуждать различные вопросы и предположенія, составлять и разсматривать проекты уставовъ, и хотя такихъ проектовъ было нѣсколько, но ни одинъ еще не былъ окончательно принятъ; однако-же при этомъ нѣкоторыми изъ участвовавшихъ въ упомянутыхъ сходкахъ были заявляемы цѣли и предлагаемы средства самыя безнравственныя, самыя преступныя: въ числѣ цѣлей заявлялись не только экономическій переворотъ, посредствомъ устной и письменной пропаганды, но и соціальная революція, дѣлежъ собственности и переворотъ государственный насильственными мѣрами; въ числѣ средствъ предлагались: обворованіе купца чрезъ подставнаго служителя, ограбленіе почты, заведеніе тайной типографіи, освобожденіе изъ каторжныхъ работъ государственнаго преступника Чернышевскаго, для руководства предполагавшеюся революціею и для изданія журнала, такъ какъ романъ этого преступника «Что дѣлать» имѣлъ на многихъ изъ подсудимыхъ самое гибельное вліяніе, возбудивъ въ нихъ нелѣпыя противуобщественныя идеи, и наконецъ предлагалось принять за правило, что цѣль оправдываетъ средства. Большая часть изъ этихъ предложеній не была принята, но по нѣкоторымъ и безъ общаго согласія были дѣлаемы приготовленія; такъ Ермоловъ купилъ типографскій шрифтъ, а Странденъ готовился ѣхать въ Сибирь за Чернышевскимъ. Но самыя безнравственныя, самыя тяжкія преступленія были задуманы не на общихъ сходкахъ, а въ совѣщаніяхъ между нѣсколькими лицами; къ числу этихъ преступленій принадлежать умыселъ и приготовленія Виктора Ѳедосѣева отравить своего отца, для передачи наслѣдства послѣ него тайному обществу, въ чемъ ему особенное содѣйствіе оказалъ Николаевъ; и наконецъ въ небольшомъ кружкѣ были возбуждены разсужденія о томъ, слѣдуетъ ли, по примѣру европейскаго революціоннаго комитета, въ числѣ средствъ для произведенія всеобщей революціи допускать цареубійства и истребленія правительствъ вообще. Разсужденія объ этомъ предметѣ были возбуждены Ишутинымъ, который, возвратившись въ концѣ 1865 года изъ С.-Петербурга, сообщилъ своимъ товарищамъ: Каракозову, Ермолову, Страндену, Юрасову,

Загибалову, Шаганову и Моткову свѣдѣнія, полученныя имъ отъ Худякова объ упомянутомъ европейскомъ комитетѣ. Разсужденія между этими лицами по вопросу о цареубійствѣ вообще происходили нѣсколько разъ, но одними были отвергнуты совершенно, а другими отложены на неопредѣленное время, кромѣ Каракозова, который выразилъ отрывочными фразами полное сочувствіе этимъ преступнымъ предположеніямъ, и не смотря на то, что въ первый разъ во время поѣздки своей въ Петербургъ великимъ постомъ былъ удержанъ Ермоловымъ и Странденомъ отъ совершенія своего преступнаго покушенія, а Ишутинымъ былъ даже вызванъ изъ Петербурга въ Москву, вторично скрылся изъ Москвы на Святой недѣлѣ и безъ вѣдома своихъ товарищей совершилъ 4-го апрѣля то преступленіе, за которое понесъ уже назначенное въ законѣ наказаніе.

Въ связи съ этими преступленіями раскрыты и дѣйствія нѣкоторыхъ польскихъ агентовъ, относительно которыхъ обнаружено что между ними и членами «организаціи» сношенія существовали, что поляки помогали русскимъ въ добываніи средствъ, необходимыхъ для задуманныхъ ими преступленій, и сами пользовались ихъ помощью преимущественно при освобожденіи поляковъ, осужденныхъ къ каторжнымъ работамъ.

Обращаясь къ опредѣленію вины каждаго изъ поименованныхъ выше подсудимыхъ, Верховный Уголовный Судъ усматриваетъ, что какъ предварительнымъ, такъ и судебнымъ слѣдствіями обнаружено. что главными дѣйствующими лицами въ образованіи кружковъ съ преступными цѣлями были: Ишутинъ, Ермоловъ и Странденъ, что Ишутинъ первый возбудилъ разсужденія о Европейскомъ революціонномъ комитетѣ и объ учрежденіи подобнаго ему общества въ Москвѣ, что въ разсужденіяхъ этихъ участвовали, кромѣ означенныхъ трехъ подсудимыхъ, Юрасовъ, Загибаловъ, Шагановъ и Мотковъ, которые всѣ однакоже возражали противъ всякихъ предположеній о цареубійствѣ, и что о намѣреніи Каракозова совершить покушеніе на жизнь Священной Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА великимъ постомъ было извѣстно Ишутину, Ермолову, Страндену и Юрасову; другимъ же подсудимымъ вполнѣ и положительно объ этомъ намѣреніи извѣстно не было. Сверхъ того слѣдствіемъ обнаружено, что Шагановъ составлялъ проектъ устава «организаціи»; въ которомъ было постановлено, между прочимъ, что каждый членъ обязанъ запастись револьверомъ и выучиться стрѣлять; Николаевъ, также составившій проекъ устава, принималъ, послѣ ареста главныхъ основателей «организаціи», самыя дѣятельныя и наиболѣе преступныя мѣры для поддержанія этого общества, ибо добывалъ рецепты для отравленія отца Ѳедосѣева; Мотковъ исправлялъ проектъ, написанный Шагановымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ мѣры для противодѣйствія насильственному перевороту; Юрасовъ и Загибаловъ были членами общества, имѣв-

шими полное свѣдѣніе о преступныхъ цѣляхъ его, но невыказавшими никакой особой дѣятельности.

Въ числѣ лицъ, которыя обвинялись въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить его преступное покушеніе, былъ однимъ изъ первыхъ домашній учитель Худяковъ. Послѣ арестованія этого подсудимаго, онъ показалъ 7 Апрѣля, что вовсе не знаетъ Каракозова и что давалъ ему денежныя пособія въ качествѣ бѣднаго человѣка, явившагося къ нему подъ именемъ Владимірова; но когда Худяковъ былъ уличенъ въ томъ, что Каракозовъ былъ ему извѣстенъ подъ своимъ собственнымъ именемъ, то сознался 13 Апрѣля, что скрылъ его фамилію изъ опасенія, чтобы этотъ человѣкъ не наговорилъ на него или не припуталъ его къ своимъ дѣйствіямъ, изъ желанія свалить какіе-либо ковы на него: затѣмъ слѣдствіемъ обнаружено, что Худяковъ зналъ Каракозова, какъ двоюроднаго брата Ишутина, съ которымъ имѣлъ сношенія по поводу изданія своихъ сочиненій у котораго занималъ деньги. О первомъ пріѣздѣ Каракозова въ Петербургъ Ишутинъ и Мотковъ узнали отъ Худякова, который, идя съ нимъ по улицѣ въ Москвѣ, спросилъ Ишутина: «за чѣмъ Каракозовъ въ Петербургѣ?» «Какъ, развѣ онъ въ Петербургѣ?» спросилъ Ишутинъ испуганнымъ голосомъ. «Какъ же», отвѣчалъ Худяковъ, «онъ былъ у меня и просилъ 15 рублей». Послѣ этого извѣстія Мотковъ, по собственному его показанію, просилъ Худякова слѣдить за Каракозовымъ и если онъ старается скрыть свое пребываніе въ Петербургѣ, изъ чего можно заключить, что онъ дѣйствительно имѣетъ намѣреніе совершить цареубійство, то навести на его слѣдъ полицію. Въ половинѣ Марта, когда Мотковъ былъ проѣздомъ въ Петербургѣ, Худяковъ сказалъ ему, какъ Мотковъ показалъ на судебномъ слѣдствіи, что Каракозова еще не видалъ, но что Странденъ, пріѣхавшій за нимъ, не скрывается, слѣдовательно Каракозовъ не имѣетъ никакой преступной цѣли. Наконецъ самъ государственный преступникъ Каракозовъ оговорилъ Худякова въ томъ, что сообщалъ ему на Сампсоньевскомъ мосту и у него дома о своемъ намѣреніи совершить преступленіе и взялъ у него 15 руб. для покупки пистолета, объявивъ, что намѣренъ на дняхъ совершить покушеніе; Худяковъ, по словамъ его, Каракозова, далъ ему, Каракозову, эти деньги, но сказалъ, что отъ этого преступленія нельзя ожидать никакихъ результатовъ. Всѣ эти обстоятельства приводятъ къ заключенію, что хотя дѣйствительно Худяковъ въ началѣ своего ареста скрылъ, что ему извѣстна фамилія Каракозова, но объясненіе его, что это сдѣлано имъ лишь изъ опасенія, чтобы Каракозовъ не припуталъ его напрасно къ своимъ дѣйствіямъ, не можетъ быть отвергнуто безъ другихъ уликъ, и потому это не можетъ служить доказательствомъ, что Худяковъ зналъ о преступномъ намѣреніи Каракозова. Затѣмъ хотя Мотковъ и Ишутинъ о пріѣздѣ Каракозова въ Петербургъ узнали отъ Худякова, но какъ свѣдѣніе объ этомъ пріѣздѣ было передано Худяковымъ на улицѣ, въ обыкновенномъ разговорѣ, въ

видѣ вопроса: «зачѣмъ Каракозовъ въ Петербургѣ?» то очевидно изъ этого невозможно вывести заключенія, что Худяковъ, зная о пріѣздѣ Каракозова въ Петербургъ, зналъ и о цѣли его пріѣзда. Далѣе, хотя Мотковъ утверждаетъ, что просилъ Худякова слѣдить за Каракозовымъ, но оговорка, сдѣланная имъ самимъ, чтобы навести на слѣдъ Каракозова полицію въ такомъ случаѣ, когда онъ старается скрыть свое пребываніе въ Петербургѣ, — освобождаетъ Худякова отъ обвиненія въ предумышленномъ неисполненіи этой просьбы Моткова, такъ какъ ни Каракозовъ, ни Странденъ, пріѣхавшій за нимъ, не скрывались, и слѣдовательно, не могли возбудить въ Худяковѣ опасенія, что первый изъ нихъ пріѣхалъ для совершенія преступленія. Независимо отъ сего Худяковъ въ томъ, что Мотковъ сообщалъ ему о своихъ опасеніяхъ относительно намѣренія Каракозова, не сознался и не изобличенъ. Наконецъ оговоръ государственнаго преступника Каракозова, не подтвердившійся никакими другими уликами, опровергается самыми обстоятельствами дѣла, потому что хотя Каракозовъ и показалъ, что деньги на покупку пистолета далъ ему Худяковъ, но изъ дѣла видно, что пистолетъ былъ имъ купленъ еще въ Москвѣ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Худяковъ не можетъ быть признанъ уличеннымъ ни въ знаніи о намѣреніи Каракозова, ни въ содѣйствіи ему для приведенія этого намѣренія въ исполненіе. Затѣмъ, хотя Худяковъ не сознался въ томъ, что свѣдѣнія о Европейскомъ революціонномъ комитетѣ сообщены Ишутину имъ; но это обстоятельство подтверждается какъ показаніями Ишутина, такъ и другихъ лицъ, которымъ послѣдній тогда же говорилъ, что свѣдѣнія о революціонномъ Европейскомъ комитетѣ сообщены ему Худяковымъ; причемъ хотя Ишутинъ оговорилъ сначала Худякова, что онъ убѣждалъ его основать подобное же революціонное общество въ Москвѣ, но этотъ оговоръ имъ недоказанъ и онъ впослѣдствіи показалъ, что мысль объ «адѣ» принадлежитъ ему самому; не подлежитъ однако же сомнѣнію, что Худяковъ зналъ о существованіи въ Москвѣ революціоннаго общества, имѣвшаго цѣлью государственный переворотъ, ибо въ знаніи объ этомъ онъ уличается не только оговоромъ Ишутина и показаніями Моткова, но и частыми сношеніями его, Худякова, съ членами «организаціи» и съ лицами, разсуждавшими объ основаніи другаго преступнаго общества.

Подсудимые Малинатъ, Дмитрій Ивановъ, Лапкинъ и Александръ Ивановъ принадлежали къ числу членовъ общества «организація», имѣвшихъ свѣдѣніе о противозаконныхъ цѣляхъ и предположеніяхъ онаго, какъ это доказывается тѣмъ, что нѣкоторыя изъ преступныхъ предложеній на сходкахъ были оспариваемы и нѣкоторыя изъ противозаконныхъ предпріятій были остановлены именно этими подсудимыми, напримѣръ, предложеніе объ ограбленіи почты было оспариваемо Александромъ Ивановымъ; шрифтъ, купленный Ермоловымъ, былъ уничтоженъ Ивановыми; затѣмъ Малининъ, Ивановы и Лапкинъ старались вообще разстроить «организацію», препятствовали ея сходкамъ и образо-

вывали кружокъ, ей враждебный, имѣвшій цѣлью соціальную пропаганду, безъ насильственнаго переворота въ Государствѣ. Что касается обвиненія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ знаніи о разговорахъ относительно образованія болѣе преступнаго общества «адъ», то судебнымъ слѣдствіемъ доказано, что имъ были извѣстны только разсказы Моткова относительно образованія этого общества, и что они, имѣя намѣреніе противодѣйствовать этому обществу и даже донести на него, не успѣли еще убѣдиться, дѣйствительно ли предположено основать его.

Подсудимые Кичинъ, Соболевъ, Сергіевскій, Борисовъ, Воскресенскій, Кутыевъ, Полумордвиновъ и Князь Черкезовъ хотя также принадлежали къ числу членовъ «организаціи», кромѣ Князя Черкезова, который зналъ только о существованіи этого общества, но никто изъ нихъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о цѣляхъ и предположеніяхъ общества, на сходкахъ котораго они бывали рѣдко и не могли себѣ составить понятія даже о томъ, что такое соціализмъ, нигилизмъ и коммунизмъ. Будучи вовлечены въ это общество главными его членами подъ благовиднымъ предлогомъ учрежденія общества взаимнаго вспомоществованія, для котораго предполагалось испросить разрѣшеніе правительства, они, вступая въ это общество, имѣли въ виду только обѣщанное имъ облегченіе своей крайней нищеты и убѣжденіе, что безъ посторонней помощи, они не могутъ кончить образованія, которое одно могло обезпечить ихъ будущность. Затѣмъ хотя Князь Черкезовъ обвиняется въ недонесеніи о противозаконномъ преподаваніи ученія въ школѣ Мусатовскаго, но на судебномъ слѣдствіи обнаружено, что свѣдѣнія объ этомъ преподаваніи онъ имѣлъ только по слухамъ.

Вознесенскій вовсе не былъ членомъ общества «организація», а названъ въ числѣ членовъ его по ошибкѣ Юрасовымъ, объявившимъ на судѣ, что Вознесенскій былъ лишь членомъ общества взаимнаго вспомоществованія, для котораго предполагалось испросить разрѣшеніе правительства.

Относительно прочихъ предметовъ обвиненія изъ дѣла видно, что однимъ изъ первыхъ предположеній главныхъ дѣятелей «организаціи» было освобожденіе осужденнаго въ каторжныя работы государственнаго преступника Чернышевскаго; для этого они хотѣли отправить въ Сибирь Страндена, который предположилъ, въ случаѣ открытія его замысла на мѣстѣ, отравиться, и потому ему необходимо было достать ядъ. Съ просьбою о пріобрѣтеніи яда товарищъ Страндена Шагановъ обратился къ учителю одной изъ Московскихъ Гимназій Трусову, который познакомилъ его съ другимъ учителемъ Марксомъ, а сей послѣдній полагая, что ядъ назначается для отравленія литератора Каткова, досталъ стрихнинъ отъ провизора Лаунгауза, и передалъ Шаганову. Лаунгаузъ объясняетъ, что Марксъ сначала сказалъ ему, что стрихнинъ нуженъ для мышей, а когда стрихнинъ былъ уже ему отданъ, то на другой день Марксъ сказалъ ему, что одинъ изъ русскихъ революціонеровъ

взялъ этотъ ядъ для отравленія литератора Каткова; желая получить этотъ ядъ обратно, Лаунгаузъ, по его словамъ, долженъ былъ войти въ сношеніе съ Шагановымъ и Николаевымъ, изъ которыхъ послѣдній увѣрилъ его, что стрихнинъ остался безъ употребленія, потому, что имъ нуженъ не такой ядъ, а медленно-дѣйствующій, и просилъ его дать ему наставленіе, какъ составляется aqua tophana, объяснивъ, что посредствомъ этого яда они надѣются пріобрѣсти для своего общества большую сумму денегъ.

Николаевъ на судебномъ слѣдствіи объяснилъ, что дѣйствительно просилъ у Лаунгауза рецептъ для составленія медленно-дѣйствующаго яда, который впослѣдствіи и передалъ въ десяти экземплярахъ Виктору Ѳедосѣеву для отравленія его отца, такъ какъ сей послѣдній обѣщалъ, по полученіи наслѣдства, пожертвовать оное обществу «организація», ибо онъ, Николаевъ, считалъ позволительными всякія мѣры для поддержанія того общества, которое имѣло цѣлью проводить въ народѣ начала, признаваемыя имъ полезными для отечества и для народа.

Викторъ Ѳедосѣевъ показалъ на судѣ, что дѣйствительно имѣлъ намѣреніе отравить своего отца, для предоставленія наслѣдства послѣ него не обществу «организація», а обществу взаимнаго вспомоществованія, но когда сказалъ объ этомъ въ Кирсановѣ брату своему Павлу, то сей послѣдній уговорилъ его оставить свое намѣреніе, и онъ, убѣдившись словами брата, рѣшился не приводить своего умысла въ исполненіе; а Павелъ Ѳедосѣевъ показалъ предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, что когда братъ его Викторъ сказалъ ему въ Кирсановѣ о своемъ преступномъ намѣреніи и когда онъ, Павелъ, пораженный ужасомъ, хотѣлъ разбить указанныя ему склянки съ ядомъ, то оба они были арестованы полиціею. Изъ этого очевидно, что хотя Викторъ Ѳедосѣевъ и объяснилъ, что рѣшился не приводить въ исполненіе своего умысла, но это опровергается уже тѣмъ, что онъ хранилъ при себѣ ядъ и что склянки съ онымъ намѣревался передъ самымъ арестомъ разбить не онъ, а братъ его.

Учитель Трусовъ, въ объясненіе своего участія въ этомъ дѣлѣ, показалъ, что Шагановъ дѣйствительно говорилъ ему о намѣреніи освободить Чернышевскаго, но онъ этому намѣренію не придавалъ «*никакой серьезности*»; относительно же принадлежности Шаганова къ тайному обществу, Трусовъ объяснилъ предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, что о существованіи тайнаго революціоннаго общества онъ, Трусовъ, не зналъ, а думалъ, что Шагановъ принадлежитъ къ кружку, имѣющему цѣлью распространеніе грамотности въ народѣ.

Лаунгаузъ, въ оправданіе свое о недонесеніи, что ему было извѣстно о тайномъ обществѣ «организація», объяснилъ на судѣ, что о цѣли этого общества узналъ только 12-го апрѣля изъ раз-

говора Николаева съ Маевскимъ, а Николаевъ подтвердилъ, что сообщалъ Лаунгаузу лишь о томъ, что цѣль «организаціи» заключается въ пропагандѣ соціализма.

Маевскій, не признаваясь ни въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго общества, ни въ укрывательствѣ и снабженіи фальшивыми паспортами и деньгами польскихъ политическихъ преступниковъ, сознался лишь въ имѣніи сочиненій возмутительнаго содержанія, которыя онъ будто бы собиралъ для уничтоженія. При очевидной неосновательности приводимаго Маевскимъ оправданія въ имѣніи имъ возмутительныхъ сочиненій, онъ вполнѣ изобличается какъ въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго революціоннаго общества, такъ и въ укрывательствѣ и способствованіи побѣгамъ политическихъ преступниковъ, осужденныхъ въ каторжныя работы. Въ этомъ убѣждаютъ не только показанія многихъ изъ подсудимыхъ (Шаганова, Николаева, Юрасова, Маркса, Трусова и Лаунгауза), но и жившаго съ Маевскимъ дворянина Барановского и даже одного изъ скрытыхъ Маевскимъ преступниковъ Ольтаржевскаго. Впрочемъ въ томъ, чтобы Маевскому была вполнѣ извѣстна преступность цѣлей революціоннаго общества, онъ остался неизобличеннымъ.

Шостаковичъ, сознавшись въ укрывательствѣ осужденнаго къ каторжнымъ работамъ Ярослава Домбровскаго, просилъ Верховный Уголовный Судъ обратить вниманіе на то, что сознаніе сдѣлано имъ на первыхъ допросахъ.

Уѣздный учитель Петерсонъ сознался въ томъ, что зналъ объ укрывательствѣ государственнаго преступника Домбровскаго и не донесъ объ этомъ Правительству.

Что касается обвиненій мироваго посредника Бибикова, Секретаря Козельской Управы Оболенскаго, Юхновскаго мѣщанина Никифорова, бывшаго судебнаго слѣдователя Маликова и бывшаго студента Никольскаго, — въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго революціоннаго общества, то это обвиненіе на судебномъ слѣдствіи не подтвердилось, точно также не подтвердился и оговоръ Никифорова Петерсономъ въ изъявленіи на словахъ умысла повторить покушеніе на жизнь Священной Особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, потому, что хотя учитель Петерсонъ на судѣ и повторилъ свой оговоръ на Никифорова, но оговора этого ни на судѣ ни при предварительномъ слѣдствіи ничѣмъ не доказалъ; между тѣмъ слѣдствіемъ обнаружено, что Бибиковъ, Оболенскій и Маликовъ знали объ умыслѣ освободить государственнаго преступника Чернышевскаго, а Никольскій самъ намѣревался освободить государственнаго преступника Серно-Соловьевича.

Приступая къ опредѣленію наказаній за доказанныя преступленія подсудимыхъ, Верховный Уголовный Судъ находитъ, что по закону (241, 242 и 243 ст. Улож. изд. 1866 года) всякое злоумышленіе противъ жизни ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, хотя бы приготовленіе къ нему было сдѣлано лишь чрезъ словесное и письменное изъявленіе о томъ мыслей и предположеній, а также уча-

стіе въ такомъ злоумышленіи или недонесеніе о семъ правительству, подвергаютъ виновныхъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни; такому же наказанію подвергаются основатели и члены тайныхъ обществъ, имѣющихъ вредную для спокойствія или цѣлости государства, или противную установленнымъ законами образу и порядку правленія цѣль (318 ст. Улож.) не только за дѣйствительное совершеніе ихъ преступленій, но по правилу, изображенному въ 242 ст. Улож., и за умыселъ совершить оные, съ тѣмъ однакожъ, что если злоумышленіе сихъ обществъ открыто правительствомъ заблаговременно, при самомъ онаго началѣ, и потому ни покушеній вслѣдствіе сего умысла, ни смятеній и никакихъ иныхъ вредныхъ послѣдствій отъ него не произошло, то виновные, вмѣсто смертной казни приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу на сроки, означенные въ 150 ст. Улож.

По симъ соображеніямъ Верховный Уголовный Судъ *опредѣляетъ:*

1) *Ишутина*, какъ зачинщика замысловъ о цареубійствѣ, уличеннаго въ незаявленіи правительству о извѣстномъ ему преступномъ намѣреніи Каракозова, и какъ основателя обществъ, дѣйствія коихъ клонились къ экономическому перевороту, съ нарушеніемъ правъ собственности и ниспроверженіемъ государственнаго устройства, на основаніи 241, 242, 243 и 318 ст. Улож. о наказ. изд. 1866 г., лишить всѣхъ правъ состоянія и казнить смертію чрезъ повѣшеніе;

2) *Ермолова*, 3) *Страндена* и 4) *Юрасова*, участвовавшихъ въ преступномъ выраженіи мыслей относительно учрежденія общества для произведенія государственнаго переворота посредствомъ цареубійства и виновныхъ въ недонесеніи объ извѣстныхъ имъ преступныхъ замыслахъ, слѣдовало бы также подвергнуть смертной казни, но какъ Ермоловъ и Странденъ остановили исполненіе намѣренія Каракозова совершить его преступное покушеніе въ первую его поѣздку въ Петербургъ, а Юрасовъ не только не изъявлялъ согласія на преступный умыселъ цареубійства, но и возражалъ противъ онаго, то руководствуясь 774 ст. устав. уголовн. судопроизв. вмѣсто смертной казни, лишить означенныхъ трехъ подсудимыхъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ: Страндена и Юрасова безъ срока, а Ермолова. какъ несовершеннолѣтняго, за силою 139 ст. Улож. на двадцать лѣтъ;

5) *Загибалова*, 6) *Шаганова* и 7) *Мотковa*, какъ членовъ общества «организація», имѣвшихъ полное свѣдѣніе о преступныхъ цѣляхъ онаго и изобличенныхъ въ знаніи и недонесеніи о преступномъ выраженіи мыслей относительно учрежденія общества для произведенія государственнаго переворота посредствомъ цареубійства, — на основаніи 318 и 250 ст. Улож., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы; Загибалова и Шаганова

въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ, а Моткова, какъ несовершеннолѣтняго, за силою 139 ст. Улож., на восемь лѣтъ;

8) *Николаева*, какъ члена общества «организація», имѣвшаго полное свѣдѣніе о преступной онаго цѣли и сознавшагося въ доставленіи Ѳедосѣеву средствъ къ совершенію отцеубійства, для пріобрѣтенія значительной суммы денегъ въ пользу означеннаго преступнаго общества, — лишить, на основаніи 2 части 318 ст. и 250 ст. Улож., всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ;

9) *Худякова*, неизобличеннаго въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора и въ способствованіи Каракозову въ этомъ преступленіи, но уличеннаго въ знаніи о существованіи и противозаконныхъ цѣляхъ тайнаго революціоннаго общества, лишить, на основаніи 3-й части 318 ст. Улож. 1866 года всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири;

10) *Малинина*, 11) Дмитрія *Иванова*, 12) *Лапкина* и 13) Александра *Иванова*, какъ членовъ общества «организація», имѣвшихъ свѣдѣніе о противозаконныхъ цѣляхъ онаго, хотя и слѣдовало бы приговорить по всей строгости 2-й части 318 ст. и 250 ст. Улож.. къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ; но какъ они постоянно противодѣйствовали тѣмъ противозаконнымъ цѣлямъ и предположеніямъ «организаціи» которыя имѣли въ виду насильственный переворотъ и для противодѣйствія этому обществу старались образовать особый кружокъ, не имѣвшій уже тѣхъ преступныхъ цѣлей, къ которымъ стремились главные члены «организаціи», а предназначаемый для достиженія цѣлей, предусмотрѣнныхъ въ 319 ст. Улож., и какъ сверхъ того они, въ особенности Дмитрій и Александръ Ивановы, сдѣлали вполнѣ чистосердечныя признанія, и притомъ Лапкинъ и Дмитрій Ивановъ недостигли еще и нынѣ совершеннолѣтія, имѣя только по 19-ти лѣтъ, то признавъ ихъ подлежащими наказанію по 1 части 319 ст. Улож., лишить ихъ, на основаніи этой и 774 статей Устава Уголовнаго Судопроизводства, всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ Сибирь;

14) Виктора *Ѳедосѣева*, изобличеннаго въ принятіи мѣръ къ отравленію своего отца и не успѣвшаго совершить это преступленіе вслѣдствіе ареста, лишить, на основаніи 2 части 1457 ст. Улож., всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе, съ преданіемъ на мѣстѣ ссылки церковному покаянію;

15) *Маркса*, какъ пособника, коего содѣйствіе было необходимо, въ приготовленіи мѣръ для убійства частнаго лица, на основаніи 2 части 1457 ст. Улож., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе;

16) *Маевскаго*, какъ изобличеннаго въ укрывательствѣ государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ въ каторжныя работы,

лишить, на основаніи 2 части 316 ст. Улож., всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе;

17) *Шостаковича*, за укрывательство государственнаго преступника, осужденнаго въ каторжныя работы, приговорить, въ уваженіе къ сдѣланному имъ чистосердечному сознанію, на основаніи 2 части 316 ст. Улож., къ низшему изъ означенныхъ въ сей части статьи наказаній, а именно къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Томскую губернію.

18) Провизора *Лаунгауза*, имѣвшаго свѣдѣнія о существованіи тайнаго общества, но не знавшаго въ точности всѣхъ цѣлей онаго, и сверхъ того изобличеннаго въ противозаконной передачѣ яда лицу, не имѣвшему права на полученіе онаго, заключить въ крѣпости на восемь мѣсяцевъ, съ воспрещеніемъ ему, по указанію 867 ст. Улож. навсегда продавать ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества;

19) *Кичина*, 20) *Соболево*, 21) *Сергіевскаго*, 22) *Борисова*, 23) *Воскресенскаго*, 24) *Кутыева*, 25) *Полумордвинова*, и 27) Князя *Черкезова*, изъ коихъ никто не изобличенъ въ имѣніи точныхъ свѣдѣній объ обществѣ, въ сходкахъ котораго они участвовали, или о существованіи котораго только знали, приговорить, на точномъ основаніи 3 и 4 частей 319 ст. Улож. къ заключенію въ крѣпости на восемь мѣсяцевъ, съ зачисленіемъ имъ времени, проведеннаго уже въ заключеніи;

28) *Петерсона*, недонесшаго объ укрывательствѣ Юрасовымъ государственнаго преступника Домбровскаго, признать, на основаніи 126 ст. Улож., подлежащимъ заключенію въ крѣпости на шесть мѣсяцевъ, съ зачисленіемъ ему времени, проведеннаго въ семъ заключеніи;

29) *Маликова*, 30) *Бибикова*, 31) *Оболенскаго* и *Никольскаго* признать неподлежащими обвиненію въ принадлежности къ тайному обществу и по сему предмету отъ суда освободить; но какъ первые три изобличены въ знаніи объ умыслѣ освободить государственнаго преступника Чернышевскаго, а четвертый въ умыслѣ освободить государственнаго преступника Серно-Соловьевича, то сдѣлавъ имъ внушеніе о томъ, чтобы они впредь не входили въ сношеніе съ людьми, имѣющими противозаконные замыслы, такъ какъ это противно и долгу службы и обязанности каждаго вѣрноподданнаго, обязать ихъ подпискою, чтобы они, не выѣзжая изъ Петербурга, явились къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, которому предоставить принять относительно всѣхъ этихъ лицъ тѣ мѣры, какія признаетъ необходимыми;

33) *Никифорова*, юридически неизобличеннаго во взведенныхъ на него государственныхъ преступленіяхъ, отъ суда освободить, внушивъ ему отстраняться впредь отъ вредныхъ связей, такъ какъ онъ сими связями и неосмотрительнымъ своимъ поведеніемъ далъ поводъ къ столь важному обвиненію и затѣмъ предоставить Ми-

нистру Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи 58 ст. Улож., учредить надъ нимъ особый надзоръ полиціи.

и 34) *Вознесенскому*, какъ посѣщавшему общество взаимнаго вспомоществованія, не разрѣшенное правительствомъ, вмѣнить въ наказаніе содержаніе въ крѣпости и за тѣмъ признать его невиновнымъ въ государственномъ преступленіи.

Въ исполненіи этого приговора поступить на точномъ основаніи 1 пунк. 945, 947 и 948 ст. Устава Уголовн. Судопр. 20-го ноября 1864 года.

Подлинный подписанъ: Предсѣдателемъ и Членами и скрѣпленъ Секретаремъ.

О СМЯГЧЕНІИ НАКАЗАНІЯ ЛИЦАМЪ, ОБВИНЕННЫМЪ ПРИГОВОРОМЪ ВЕРХОВНАГО УГОЛОВНАГО СУДА.

По постановленіи верховнымъ уголовнымъ судомъ приговора о лицахъ, преданныхъ суду по обвиненіямъ въ знаніи о преступномъ намѣреніи Каракозова, въ принадлежности къ тайнымъ обществамъ и другихъ преступленіяхъ, министръ юстиціи, на основаніи 1,065 и 1,060 ст. уст. угол. судопр., повергалъ на усмотрѣніе Государя Императора просьбы, поданныя осужденными объ облегченіи ихъ участи и заключеніе по онымъ верховнаго уголовнаго суда.

Его Императорскому Величеству Всемилостивѣйше благоугодно было повелѣть; Николаю Страндену, Петру Ермолову, Дмитрію Юрасову, Петру Николаеву, Максимиліану Загибалову, Вячеславу Шаганову и Осипу Моткову сократить определенный имъ верховнымъ уголовнымъ судомъ срокъ каторжной работы и сослать ихъ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ: Страндена — на двадцать лѣтъ, Ермолова и Юрасова — на десять лѣтъ, Николаева — на восемь лѣтъ, Загибалова и Шаганова — на шесть лѣтъ и Моткова — на четыре года.

Александра Иванова и Ѳедора Лапкина, вмѣсто опредѣленнаго имъ наказанія, лишить всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Томскую губернію.

Дмитрія Иванова, чтобы дать ему возможность ревностною службою престолу и отечеству доказать на дѣлѣ то раскаяніе, которое онъ высказалъ предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, вмѣсто опредѣленнаго ему наказанія, безъ лишенія его правъ и преимуществъ, отдать въ военную службу рядовымъ съ выслугою.

Болеслава Шестаковича, за силою 1 п. 140 ст. улож. о наказ., освободить отъ лишенія особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и затѣмъ, согласно съ постановленнымъ о немъ приговоромъ, сослать на житье въ Томскую губернію.

При исполненіи надъ осужденными обряда публичной казни прибылъ фельдъегерь и передалъ министру юстиціи Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества повелѣніе даровать Николаю Ишутину жизнь и за симъ, на основаніи 71 статьи улож. о наказ., сослать его въ каторжныя работы въ рудникахъ безъ срока.

Сіи Всемилостивѣйшія повелѣнія объявлены осужденнымъ и объ исполненіи ихъ сдѣлано надлежащее распоряженіе.

